

ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ.

Ежемѣсячный церковно-общественный
журналъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЫЙ.

1916 г. Мартъ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОВ. Д.

1916.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

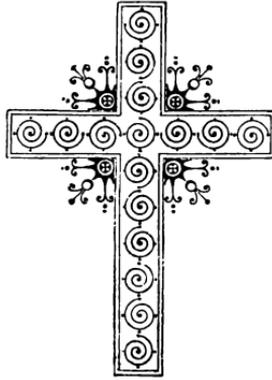
ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	<i>Стран.</i>
1. Рисунокъ Воскресеніе Христово.	
2. Христось Воскресе! — <i>Макарій</i> , Митрополить Московскій	3— 10
3. Родительская бдительность.— <i>Владиміръ</i> , Митрополить Кіевскій и Галицкій	11— 17
4. Духовный дневникъ.— <i>Арсеній</i> , Епископъ Серпуховск.	18— 37
5. Воистину воскресъ! — <i>Ф. П.</i>	38— 38
6. Кресть-нивьоть св. Діонисія—1383 г.—Протоіерей <i>Владиміръ Успенскій</i>	39— 42
7. Лилии.— <i>В. К. Кузнецова</i>	43— 50
8. Письма въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнаго Николая, Архіепископа Японскаго	51— 52
9. О чудесахъ и знаменіяхъ въ Церкви Христовой. — <i>А. Ивановъ</i>	53— 59
10. Святыи Апостоль Павелъ, какъ образецъ для пастыря Церкви Христовой.—Проф. <i>С. Заринъ</i>	60— 66
11. Путь ко спасенію по св. Григорію Нисскому.—Іеромонахъ <i>Николай Ярушевичъ</i>	67— 71
12. Забытые завѣты.— <i>Георгій Чайкинъ</i>	72— 81
13. Основы русскаго сектантства.— <i>И. Айвазовъ</i>	82—102

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. На вѣсахъ правды.— <i>Волжанинъ</i>	103—107
15. Какого пастыря хочетъ для себя народъ.— <i>И. А—скій</i>	108— 110
16. Зеркало жизни. XXVI. Анаѳема. XXVII. Православная миссія въ Россіи. XXVIII. Православная миссія и еврейство. XXIX. Высочайшее повелѣніе. XXX. Величайшее бѣдствіе нашей Церкви. — <i>И. Правдолюбовъ</i>	111—128

Объявленіе о выходѣ журнала въ 1916 г. смотрѣть на обложкѣ журнала.

Христось Воскресе!

Сей день, его же сотвори Господь,
возрадуемся и возвеселимся въ оный.

Къ какой радости и веселью призываетъ св. Церковь чадъ своихъ въ эти свѣтлые дни? Конечно, не къ тѣмъ удовольствіямъ, къ которымъ призываютъ городскихъ обитателей объявленія, выставленныя на улицахъ и перекресткахъ города. Церковь зоветъ къ веселью духовному, подаваемому отъ Духа Божія, къ радости божественной, дарованной міру воскресеніемъ Христа: *веселимся божественнѣ, яко воскресе Христось*. Внутренняя, духовная, святая радость выше внѣшней, плотской, грѣховной радости. При духовной радости бываетъ мало чувствительна, или почти нечувствительна житейская печаль, происходящая отъ разныхъ внѣшнихъ причинъ: болѣзни, бѣдности, отъ злого языка, отъ обидъ и притѣсненій. При духовной радости получаютъ большую силу и внѣшнія радости, если только таковыя не

заключаютъ въ себѣ ничего грѣховнаго. Равнымъ образомъ, утѣшенія, относящіяся къ тѣлу, если только онѣ невинны, усиливаютъ радость духовную. Поэтому, св. Церковь, чтобы доставить чадамъ своимъ полноту радости и веселія въ всенародный день Воскресенія Христа, даетъ разрѣшеніе на тѣ утѣшенія для тѣла, которыя ею запрещены были на время великаго поста. Въ этомъ она сама подаетъ добрый примѣръ: вмѣсто темныхъ облаченій облачается въ свѣтлыя, вмѣсто печальныхъ напѣвовъ употребляетъ радостныя, вмѣсто строгаго воздержанія дозволяетъ на трапезѣ утѣшеніе велеіе. Но въ настоящіе дни такого рода утѣшенія могутъ потерять свою силу, если онѣ не будутъ соединяться съ духовнымъ утѣшеніемъ, съ тѣмъ радостнымъ настроеніемъ духа, которое происходитъ отъ размышленія о событіяхъ, совершенныхъ въ эти дни Божественнымъ Виновникомъ торжества, или тѣмъ миромъ души, превосходящимъ всякое разумѣніе, который подается отъ Духа Божія. Церковь, приглашая вѣрныхъ чадъ своихъ къ божественному веселію и разрѣшая имъ невинныя утѣшенія для тѣла, въ то же время воспрещаетъ всякаго рода грѣховныя удовольствія, какъ то: грѣховныя зрѣлища, конскія ристалища, смѣхотворныя представленія. Это—тѣ удовольствія, къ которымъ приглашаютъ наши мѣстные органы печати и уличныя объявленія—объ имѣющихъ быть въ свѣтлые дни праздника театральныхъ представленіяхъ, танцевальныхъ вечерахъ и разнаго рода страстныхъ играхъ. Такого рода удовольствія, терпимыя Церковію и закономъ въ другія времена и дни года, запрещены въ пасхальные дни, какъ противныя особенной святости этихъ дней.

Изъ числа предполагаемыхъ въ эти свѣтлые дни удовольствій обращаютъ на себя вниманіе это осо-

беннаго рода игры для дѣтей, игры неблаговременныя, прикрываемыя благовидною цѣлю—якобы заботою о физическомъ развитіи дѣтей. Съ перваго взгляда такого рода дѣтскія удовольствія могутъ казаться невинными: что-де за грѣхъ—доставить дѣтямъ въ эти праздничные дни удовольствіе устройемъ для нихъ игръ? Вѣрно то, что въ дѣтскихъ играхъ грѣха нѣтъ, ибо дѣти грѣха не знаютъ, грѣхъ имъ не вмѣняется. Но самыя игры могутъ быть грѣховными, и въ этихъ играхъ дѣти хотя и останутся невинными, но виновными будутъ предъ судомъ Церкви, предъ судомъ Божиимъ устройтели этихъ игръ. Виновность этихъ игръ заключается, во-первыхъ, въ ихъ неблаговременности, такъ какъ онѣ устроятся въ первый день Пасхи вечеромъ. Не почтенъ даже и этотъ единственный, все-святѣйшій день, и тѣ часы, въ которые всѣмъ христіанамъ слѣдуетъ быть въ храмѣ. Туда же слѣдовало бы приводить и дѣтей, чтобы они съ этого ранняго возраста приучались благоговѣнно чтить этотъ день, чтить его наипаче пребываніемъ въ Церкви. Печальникамъ о физическомъ развитіи дѣтей слѣдовало бы исполнить свою добрую задачу такъ, чтобы исполненіе ея не послужило во вредъ высшему, нравственному развитію дѣтей. Пусть бы дѣти сперва приняли участіе въ церковныхъ торжествахъ, глаза ихъ пусть сперва усладились бы зрѣніемъ пасхальнаго благолѣпія, уши ихъ—слышаніемъ церковныхъ напѣвовъ, голосъ участіемъ въ общемъ пѣніи этой радостнѣйшей изъ всѣхъ пасхальной пѣсни: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ; органъ обонянія ихъ пусть усладится благоуханіемъ церковнаго еиміама. Дѣти, приученныя родителями къ посѣщенію храма въ пасхальные дни, умѣютъ находить для себя въ этомъ такое наслажденіе, что они плачутъ, когда ихъ почему либо родители не берутъ съ собой

въ церковь; онѣ иногда даже сами заказываютъ родителямъ и старшимъ въ семействѣ, чтобы они непременно разбудили ихъ къ пасхальной утрени. Ихъ дѣтская, невинная душа болѣе способна ощущать радость праздничнаго торжества, чѣмъ наши души, поврежденныя грѣхомъ, а иногда и совсѣмъ потерявшія вкусъ къ духовнымъ наслажденіямъ. Устроители игръ для дѣтей въ первый день Пасхи, съ отвлеченіемъ ихъ отъ посѣщенія вечерняго богослуженія, не принимаютъ во вниманіе того, что дѣти, призываемыя ими къ играмъ, вѣроятно, еще не побывали въ этотъ день въ церкви и не видѣли церковнаго украшенія, не слышали вѣсти о воскресеніи Христовомъ, не приняли участія въ исповѣданіи, что Христосъ воистину воскресе, когда священнослужитель возвѣщалъ всерадостную вѣсть, что Христосъ воскресъ. Назначающіе игры для дѣтей въ первый день Пасхи, вѣроятно, не соображаютъ того, что грѣшно собирать дѣтей въ эти святѣйшіе дни для игръ, далеко не святыхъ, — невинныхъ, но осуждаемыхъ церковью, какъ неприличныхъ въ эти дни для взрослыхъ людей; собирать дѣтей подъ предлогомъ праздничнаго кормленія ихъ и вводить ихъ въ грѣховныя игры, участвовать въ которыхъ нѣкоторые изъ нихъ стѣсняются, не значитъ ли дать имъ вмѣсто яйца скорпіона? Собирать дѣтей для плясокъ или танцевъ въ первый день Пасхи, когда они еще не успѣли быть въ собраніи церковномъ, не значило ли совершать нравственное преступленіе противъ Церкви и противъ дѣтей? Говоримъ: совершать преступленіе противъ дѣтей, — ибо для нихъ, или по крайней мѣрѣ, для большинства ихъ, не было возможности быть въ этотъ день въ церкви; къ утрени пасхальной родители не могли привести дѣтей въ церковь по причинѣ ранняго для этого возраста времени богослуженія и по тѣснотѣ въ церкви, когда и взрослые

съ трудомъ помѣщаются въ нашихъ малыхъ храмахъ. Къ вечернѣ они также не могутъ прійти, такъ какъ имъ нужно будетъ готовиться къ играмъ. Такимъ образомъ выходитъ то, что, при попеченіи о физическомъ развитіи дѣтей, оставляются безъ вниманія ихъ духовно-нравственныя потребности, удовлетвореніе которыхъ должно стоять на первомъ мѣстѣ. Устроители этихъ игръ, вѣроятно, также забываютъ, что нѣкоторые изъ этихъ дѣтей недавно пріобщались Святыхъ Христовыхъ Таинъ, а другихъ, юнѣйшихъ, добрые родители ихъ считаютъ своимъ долгомъ пріобщить Св. Таинъ въ одинъ изъ первыхъ пасхальныхъ дней, большею частію, во второй день. Ужели не оскорбится чье-либо нравственное чувство тѣмъ, что этихъ дѣтей, прежде приведенія ихъ къ Христу въ св. храмъ Его, отведутъ ихъ туда, гдѣ ничто не напоминаетъ имъ о Христѣ—Винникъ свѣтлаго торжества для всѣхъ и въ особенности для чистой радости дѣтей?

Кромѣ этихъ игръ перваго дня, въ одинъ изъ пасхальныхъ дней стали назначать игры для дѣтей средняго возраста. Этого рода игры называютъ „праздникомъ весны“. Такого рода игры предосудительны уже не по одной своей неблагоприятности, но и по самому характеру ихъ. Если глубже вникнуть въ смыслъ этихъ игръ, то невольно нужно прійти къ заключенію или по крайней мѣрѣ, къ предположенію, что такого рода игры устраиваются съ прямымъ намѣреніемъ отвлечь дѣтей отъ воспитанія въ духѣ вѣры и Церкви и, вмѣсто религіознаго утѣшенія, пріучить дѣтскій возрастъ или вообще молодое поколѣніе къ утѣшеніямъ другого характера, не имѣющаго ничего общаго съ религіею и церковностью. Объяснимся. Пасхальные дни по преимуществу Христовы дни, потому что предназначены для прославленія Христа воскресшаго, смертію смертью

поправшаго и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавшаго. Къ этому славословію призывается вся тварь, тѣмъ болѣе всѣ люди, всѣ христіане, всякаго возраста и пола. А устрояемая праздничныя игры по содержанію своему имѣютъ цѣлю возбудить въ умахъ и сердцахъ дѣтей радостную мысль о наступающей веснѣ и—только. Можетъ быть, хотятъ представить весну въ разнообразіи красотъ для того, чтобы возбудить въ дѣтяхъ благоговѣйную и благодарную мысль о премудрости и благодати Создателя, *четырьмя времении кругъ лѣта вѣнчавшаго?* Отнюдь нѣтъ! Напротивъ, въ устроеномъ праздникѣ весна олицетворяется: она представляется живымъ существомъ и притомъ высшимъ, которому дѣти воздають особаго рода чествованіе, подобно тому, какъ обоготворялась весна въ древнемъ языческомъ мірѣ, подъ именемъ Весты, дочери бога Времени (Хроноса), для служенія которой назначались особыя лица, подъ именемъ Весталокъ. Отъ чествованія весны, какъ баснословной богини, не перейдутъ ли къ чествованію солнца, планетъ, а оттуда, при отсутствіи мысли о Творцѣ, при усиленномъ стремленіи подавить религіозное чувство дѣтей постепеннымъ отвлеченіемъ ихъ отъ храма, не послѣдуетъ ли переходъ къ обоготворенію природы, какъ вѣчной матеріи, не нуждающейся въ особомъ Творцѣ? А все это взятое вмѣстѣ, если присовокупить къ тому и великопостныя развлеченія съ музыкой и играми на льду, устрояемая для той же учащейся молодежи, не свидѣтельствуетъ ли какъ бы о чьемъ-то намѣреніи воспитать юное поколѣніе такъ, чтобы оно представило изъ себя самую благопріятную почву для сѣянія сѣмянъ современныхъ модныхъ ученій матеріализма, невѣрія, безбожія и безначалія?

А когда устроено іе игръ и развлеченій, ради яко бы, физическаго развитія дѣтей и вообще молодого поко-

лѣнія, соединяется съ отвлеченіемъ сихъ послѣднихъ отъ церкви, то таковыя игры являются еще болѣе нежелательными, такъ какъ наводятъ на подозрительную мысль о томъ, не хотятъ ли учредители всего этого, подъ благовидными предлогами, воспитать молодое поколѣніе въ отчужденіи отъ Церкви, что поведетъ къ охлажденію къ вѣрѣ, отучить отъ послушанія пастырскому руководству. Нельзя утаивать того печальнаго явленія въ жизни нашего современнаго общества, что нѣкоторыя лица или даже, скажемъ болѣе,—часть такого общества усиливается стать руководителями простого народа, чтобы вести его за собой въ бездну невѣрія и безначалія; посѣять въ умахъ и сердцахъ ихъ сомнѣніе въ истинѣ богоучрежденности Церкви, какъ руководительницы людей къ вѣчному спасенію, и возбудить недовѣріе къ богодарованной пастырямъ власти учить народъ, вязать и разрѣшать грѣхи людей, быть духовными врачами и судіями совѣсти вѣрующихъ. А если желающіе отвлекутъ народъ отъ Церкви достигнуть своей цѣли, то они легко могутъ повести этотъ народъ въ сторону, желательную только для людей неблагонамѣренныхъ,—къ отрицанію вѣры и богоучрежденности власти, а оттуда ко всякаго рода нестроеніямъ, отъ чего да сохранить Богъ православный нашъ народъ!

Мы утомили ваше вниманіе продолжительностію слова; любовь и благочестіе ваше да простятъ неблаговременность слова о неблаговременномъ дѣлѣ. Не будь послѣдняго, не было бы и перваго. Впрочемъ, для напоминанія объ опасности, угрожающей гибелью для душъ христіанскихъ, едва ли можно считать какое либо время неблаговременнымъ, подобно тому, какъ не признается неблаговременнымъ спасать кого либо отъ воды или отъ огня, если бы это понадобилось въ самый священный или высокаторжественный день.

Поспѣшаемъ закончить слово тѣмъ, чѣмъ мы его начали: *сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны.* Но будемъ радоваться и веселиться не грѣховною, не грубою или языческою радостію, но веселимся *божественнѣ, яко воскресе Христосъ, яко всеиленѣ.*

Макарій, Митрополитъ Московскій.

Родительская бдительность.

Внимайте убо себѣ и всему стаду,
въ немже васъ Духъ Святыи постави
епископы (Дѣян. 20, 28).

Такое увѣщаніе дѣлаетъ апостоль Павѣль епископамъ Ефесской церкви; приложимо оно и ко всѣмъ христіанскимъ родителямъ. И они суть такіе же Богомъ поставленные епископы—наблюдатели за своими дѣтьми, и они также бдительно должны слѣдить за порученнымъ имъ стадомъ. *Азъ есмь пастырь добрый*, говоритъ Спаситель о Себѣ. И вы, христіанскіе родители, являетесь пастырями, а овечки, пасти которыхъ поручено вамъ, это—ваши дѣти. Думаю, что всѣ вы желали бы быть добрыми пастырями, хорошо знать и добросовѣстно выполнять ваши пастырскія обязанности, а первый долгъ и главное условіе пастырской дѣятельности—бдительность о ней; примѣнительно къ пастырско-родительскимъ обязанностямъ, мы и побесѣдуемъ съ вами. Чтобы яснѣй и доказательнѣй представить вамъ это важное и существенное средство успѣшнаго воспитанія дѣтей, начертимъ образъ добраго пастыря, какимъ онъ долженъ быть по отношенію ко всѣмъ сторонамъ и условіямъ родительской жизни и дѣятельности.

Добрый пастырь прежде всего сознаетъ, что стадо, которое онъ обязанъ пасти, принадлежитъ не ему, но что онъ долженъ дать за него отвѣтъ своему господину; онъ сознаетъ также и то, какое драгоцѣнное благо въ лицѣ этого стада вручилъ ему господинъ.

Такъ и вамъ, христіанскіе родители, особенно часто нужно приводить себѣ на память, что вы обязаны за вашихъ дѣтей дать отчетъ Господу Богу. Богъ вѣрилъ вамъ ихъ не какъ собственность, которую вы свободно можете распоряжаться по своей волѣ и произволу, но только какъ приставникамъ, какъ отвѣтственнымъ стражамъ. И какое высокое и драгоцѣнное сокровище вѣрено вамъ въ лицѣ дѣтей вашихъ! Вамъ вѣрено попеченіе не о безсловесныхъ и неразумныхъ животныхъ; но о безсмертныхъ человѣческихъ душахъ, которыя суть образы и подобія Бога; о душахъ, которыя Спаситель купилъ безконечно дорогою цѣною Своей крови и которыя освящены Духомъ Святымъ во св. крещеніи и призваны къ вѣчному блаженству. Какое драгоцѣнное сокровище—ваши дѣти, это вы можете видѣть изъ того, что Богъ къ каждому изъ нихъ, съ самаго появленія ихъ на свѣтъ, приставилъ ангела-хранителя, который защищаетъ и охраняетъ его отъ всякаго зла, какъ тѣлеснаго, такъ и душевнаго. Господь поставилъ васъ пастырями дѣтей, которыхъ въ особенности любилъ и отличалъ Спаситель во время Своей земной жизни, которыхъ Онъ выставлялъ предъ Своими учениками, какъ образецъ смиренія,—пастырями дѣтей, о которыхъ Онъ сказалъ; *пріемляй одинаго отъ малыхъ сихъ во имя Мое, Мене пріемлетъ. А иже аще соблазнитъ одинаго отъ меньшихъ сихъ, вѣрующихъ во имя Мое, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Матѣ. 18, 5, 6). Итакъ видите, родители, какое драгоцѣнное сокровище вручилъ вамъ Богъ въ лицѣ вашихъ дѣтей! Но и не забывайте никогда, что вы должны будете нѣкогда дать строгій отчетъ за этотъ врученный вамъ талантъ. Да, вы отвѣтите за каждаго изъ дѣтей вашихъ, если допустите

его до вѣчной гибели. Господь поставилъ васъ надзирателями за душами дѣтей вашихъ; изъ вашихъ же рукъ Онъ нѣкогда потребуеъ ихъ и обратно. И горе, горе вамъ, если по вашей винѣ подвергнется вѣчной гибели хотя одна изъ такихъ душъ! Но благо, вамъ, если, представъ нѣкогда, въ тотъ великій день страшнаго суда, предъ лице Небеснаго Судіи, окруженные вашими дѣтьми, вы въ правѣ будете сказать Ему: *се азъ, Господи, и дѣти мои, которыхъ Ты даровалъ мнѣ, и не едино изъ нихъ не погибло.*

Въ сознаніи того, какое драгоцѣнное сокровище вручилъ ему Богъ, и въ чувствѣ своей отвѣтственности за цѣлость его, добрый пастырь водить свое стадо только на добрыя, злѣчныя пажити. Онъ прилагаетъ все свое стараніе и заботу къ тому, чтобы ни одна изъ его овецъ не наѣлась вредной или даже ядовитой травы. Такъ и вы, христіанскіе родители, должны заботиться о томъ, чтобы безсмертныя души дѣтей вашихъ кормить здоровою, питательною пищею. А таковою пищею для дѣтскихъ душъ служитъ христіанское ученіе и божественная благодать, изливающая на нихъ въ молитвѣ и таинствахъ православно-христіанской церкви. А путь и средства къ тому—христіанское обученіе и наставленіе. Если хотите вести души дѣтей вашихъ на добрыя и здоровыя пажити, питать ихъ хорошою пищею, то позаботьтесь обучить ихъ съ самаго ранняго возраста спасительнымъ истинамъ христіанства и приучать къ ежедневной въ опредѣленное время совершаемой молитвѣ. Старайтесь доставлять имъ не одинъ только тѣлесный, матеріальный хлѣбъ, но и духовный. Какъ нужно поступать въ этомъ отношеніи съ дѣтьми и до-школьнаго возраста и во время обученія ихъ въ школѣ, и по выходѣ изъ нея,—объ этомъ сказано было въ прежнихъ бесѣдахъ.

Добрый пастырь, какъ мы уже сказали, заботится и о томъ, чтобы ни одной изъ его овецъ не попалъ вредный и ядовитый кормъ. Равнымъ образомъ вы, христіанскіе родители, если только хотите быть добрыми пастырями, должны предохранять вашихъ дѣтей отъ вредоносной, ядовитой, смертоносной духовной пищи. Вы не должны допускать въ вашихъ домахъ никакихъ сочиненій, брошюръ, книгъ и журналовъ, изъ которыхъ ваши дѣти могутъ извлекать ядъ невѣрія или которыя могутъ причинять вредъ ихъ нравственной чистотѣ и невинности. Вы должны бдительно наблюдать, чтобы въ руки подрастающихъ дѣтей вашихъ не попадали никакія книги, журналы и газеты, гдѣ открыто проповѣдуется невѣріе, осмѣиваются обряды и обычаи православной церкви, представляются въ карикатурномъ видѣ ея богослуженія, ея служители и т. п. Равнымъ образомъ не должны вы допускать и того, чтобы ваши дѣти, особенно подрастающія дѣвочки, искали для себя развлеченіе въ книгахъ, гдѣ разсказываются какія-нибудь любовныя интриги и похождения, соединенныя съ нарушеніемъ цѣломудрія, брачнаго союза и т. п., и представляются какъ извинительныя человѣческія слабости. Къ такому сорту сочиненій принадлежитъ бѣольшая часть романовъ и очень многія повѣсти, помѣщаемыя въ современныхъ беллетристическихъ изданіяхъ или издаваемыя отдѣльными книгами. Когда вы берете изъ аптеки ядъ для истребленія вредныхъ домашнихъ животныхъ или насѣкомыхъ, на примѣръ мышей, крысъ, таракановъ и т. п., то вы стараетесь прятать его какъ можно подальше и запираете его въ какомъ-нибудь безопасномъ мѣстѣ, дабы никто изъ вашихъ дѣтей не съѣлъ его и не причинилъ вреда своему тѣлесному здоровью и жизни. Еще крѣпче запирайте, еще дальше прячьте, прошу васъ

во имя блага дѣтей вашихъ, такія книги и сочиненія, если уже такъ необходимо держать ихъ въ домѣ, въ которыхъ содержится ядъ невѣрія и безнравственности, или же, еще лучше, подражайте примѣру первенствующихъ христіанъ, которые бросали въ огонь таковыя книги (Дѣян. 19, 19), дабы онѣ не попали въ руки дѣтей вашихъ и не отравили ихъ безсмертныя души.

Добрый пастырь, наконецъ, съ неусыпаемою бдительностію смотритъ за своимъ стадомъ, чтобы не потерять ни одной изъ овецъ его и чтобы не ворвался въ его овчарню какой-нибудь хищный волкъ. Если заблудилась часть его стада, онъ бѣжитъ за нею и ищетъ ее до тѣхъ поръ, пока не найдетъ. Такимъ же образомъ и вы, христіанскіе родители, должны смотрѣть за вашими дѣтьми, какъ за самыми малыми, такъ и за болѣе взрослыми. Вы должны бдительно наблюдать за ихъ поведеніемъ въ церкви, на улицѣ, въ мѣстахъ ихъ занятій, игръ и развлеченій; слѣдить за ихъ общеніемъ съ другими и за ихъ товариществомъ, дабы они не развращались отъ другихъ и не приобрѣли склонности къ какому-нибудь пороку; слѣдить за ихъ уходомъ изъ дому и за возвращеніемъ домой. Особенно нужно бываетъ во время зимы имѣть строгій глазъ за дѣтьми, когда при долгихъ вечерахъ могутъ возрастать для нихъ разнаго рода опасности при недостаткѣ бдительнаго за ними надзора. Христіанскіе родители не должны терпѣть никакихъ ночныхъ отлучекъ и походовъ, никакихъ маскарадовъ и другихъ опасныхъ сборищъ лицъ обоюго пола, а тѣмъ болѣе какихъ-либо отношеній и знакомствъ съ людьми сомнительной нравственности. Но, къ сожалѣнію, какъ часто и много въ этомъ отношеніи погрѣшаютъ нѣкоторые изъ родителей, какъ безопасно нарушаютъ многіе изъ нихъ свои пастырскія обязанности, когда

они нисколько не заботятся о поведеніи своихъ дѣтей и въ домѣ и въ не его! Когда у добраго хозяина сбѣжитъ со двора гусакъ или гусыня и не возвратится къ вечеру домой, то онъ обыкновенно старается отыскать его и до тѣхъ поръ не затворяетъ воротъ, пока не возвратится сбѣжавшее животное. Но какъ много такихъ родителей, которые преспокойно запираютъ двери дома и ложатся спать, хотя сына или дочери ихъ нѣтъ дома, хотя бы они были въ какомъ-нибудь маскарадѣ, на танцахъ, въ трактирѣ, или проводили ночное время въ другихъ какихъ-нибудь не совсѣмъ нравственныхъ и безопасныхъ сборищахъ!

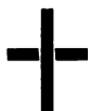
Если одно изъ дѣтей твоихъ сбилось съ пути, оставило путь добродѣтели и пошло по пути порока и грѣха, то твоя обязанность, христіанскій отецъ, христіанская мать, догнать твое заблудшее дитя, упросить, умолить, запретить, предостеречь, наказать и до тѣхъ поръ, такъ сказать, преслѣдовать его твоими слезами и мольбами, пока оно снова не возвратится на истинный путь. Таковъ образъ добраго пастыря! Подражайте ему, христіанскіе родители, и исполняйте вѣрно и добросовѣстно пастырскія обязанности въ отношеніи дѣтей вашихъ. Помните всегда, какое драгоцѣнное сокровище даровалъ вамъ Богъ въ лицѣ дѣтей вашихъ; но и не забывайте того строгаго отчета, какой вы должны будете нѣкогда отдать за нихъ предъ престоломъ Вѣчнаго Судіи. Водите всегда ввѣренныхъ вамъ овецъ на добрыя пажити, питайте ихъ небеснымъ хлѣбомъ христіанскаго ученія и божественной благодати, сообщаемой имъ въ таинствахъ православной церкви. Наблюдайте бдительнѣе за поведеніемъ вашихъ дѣтей и дома и внѣ его, слѣдите за ихъ товариществомъ, за ихъ уходомъ изъ дома и возвращеніемъ въ домъ.

А вы, христіанскія дѣти, будьте послушными овцами пастырей, которыхъ приставилъ къ вамъ Самъ Богъ.

Слушайте совѣты и наставленія вашихъ родителей, строго соблюдайте пятую заповѣдь, дабы наслѣдовать вамъ и благословеніе ея. Если родители, такимъ образомъ, будутъ вести себя, какъ вѣрные пастыри, а дѣти какъ послушныя имъ овцы, тогда Господь Іисусъ, этотъ добрый Пастырь, приведетъ нѣкогда и пастырей и овецъ къ небесной пажити и къ вѣчному блаженству. Аминь.

Владиміръ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

Духовный дневникъ.

*„Всѣ вы — сыны свѣта и сыны дня...
Будучи сынами дня, да трезвимся,
облекшись въ броню вѣры и любви и
въ шлемъ надежды спасенія“—(1 Тес.
сал. 5 г. 5, 8 ст.).*

Отцы сказали: „разсужденіе главнѣе всего, молчаніе лучше всего, смиреніе прочнѣе всего, а послушаніе— такая добродѣтель, безъ которой никто изъ страстныхъ не узритъ Господа“.

Старець-игуменъ Зосимовской Пустыни говорилъ мнѣ: „уединенникамъ врагъ приводитъ на память прежніе грѣхи и, раздувая самые малые до ужасныхъ размѣровъ, повергаетъ уединенниковъ въ уныніе, въ страшную тугу. Все это можно отогнать отъ себя только молитвой. Поэтому, кто не навѣкъ молитвѣ, тотъ и не думай объ уединеніи, затворѣ“.

Въ предсмертный часъ врагъ также устрашаетъ умирающихъ памятью о прежнихъ грѣхахъ. Не потому ли во время кончины отъ многихъ приходится выслушивать такіе вопли: „не проститъ меня Господь, вѣч-

ная мука ожидаетъ меня“... Несомнѣнно, что ужасъ содѣянныхъ въ жизни грѣховъ вызываетъ такое чувство отчаянія у умирающихъ. И здѣсь много можетъ помочь молитва; счастливъ тотъ, кто сумѣетъ ее стяжать въ жизни!

Дѣланіе молитвы Іисусовой есть дѣло духовное и какое-либо фізіологическое средство здѣсь не годится. Въ наставленіяхъ Преосвященнаго Теофана, Вышенскаго затворника, мы относительно молитвы Іисусовой читаемъ: „Когда творишь молитву Іисусову—стань умомъ въ сердцѣ“. Здѣсь, конечно, разумѣется духовная, внутренняя сосредоточенность, когда нашъ умъ и сердце объединяются въ одномъ дѣлѣ—молитвѣ. Но вотъ два инока, любители искусственныхъ средствъ для достиженія молитвы, поняли вышеуказанное наставленіе Преосвящ. Теофана слишкомъ реально: они представили себѣ, что умъ и сердце, какъ внутреннія наши силы, нужно непременно сосредоточить на самыхъ внѣшнихъ органахъ, именуемыхъ у насъ умомъ и сердцемъ, и вотъ они отправились къ доктору съ просьбой—показать имъ сердце. Когда тотъ показалъ имъ, иноки срисовали его и, возвратившись домой, стали творить молитву, имѣя каждый предъ собою рисунокъ съ изображеніемъ сердца. Вниманіе ихъ, сосредоточенное на внѣшнемъ видѣ—сердцѣ, было напряженное. И вотъ начинаетъ казаться одному, что сердце все расширяется и расширяется, такъ что оно какъ бы уже охватываетъ всего его, и онъ весь самъ уже сидитъ въ сердцѣ. Итакъ, цѣль достигнута: онъ весь умомъ находится въ сердцѣ. Въ радости этотъ инокъ хвалится другому, а тотъ подтверждаетъ, что и онъ уже достигъ этого, какъ вдругъ у перваго сердце лопається,

миражъ разсѣивается и предъ нимъ остается простой рисунокъ на бумагѣ. Со скорбію передаетъ инокъ своему товарищу о несчастіи, а этотъ послѣдній признается, что и съ нимъ случилась такая же скорбь. Такъ, всякія фізіологическія средства при совершеніи молитвы опасны. Они могутъ приводить къ разгоряченію тѣла, къ кровянымъ движеніямъ, что граничить съ чувственностью, а гдѣ чувственность, тамъ и нечистота и всякая прелесть.

Чтеніе дневника о. Іоанна Кронштадтскаго весьма воодушевляетъ пастыря. Видно великая благодать Божія именно,—пастырская ревность почивала на о Іоаннѣ и, отобразившись на его писаніяхъ, передается пастырямъ, при чтеніи его дневника.

Замѣчено, что временами приходятъ въ голову добрыя мысли, но, къ сожалѣнію, онѣ быстро забываются. Эти мысли, какъ говоритъ митрополитъ Московскій Филаретъ, есть искры Божіей благодати, которыя, исходя отъ огнезрочнаго Престола Божія, бросаются въ нашъ умъ Ангелами Божіими, но какъ искры быстро угасаютъ, такъ и эти мысли мгновенно проходятъ въ нашемъ умѣ, всецѣло занятомъ браннымъ, земнымъ. То же нужно сказать и относительно чувствъ. И добрыя, святыя чувства временами охватываютъ наше сердце, но скоро на смѣну ихъ является все дурное, чувственное. Сердце человѣка—христіанина, освященнаго Духомъ Святымъ, можно сравнить со свѣтильникомъ, который временами то вспыхиваетъ, то замираетъ, то едва мерцаетъ, то ярко горитъ. Добрыя чувства и есть мерцанія благодатствованнаго нашего христіанскаго сердца,

Много у тебя почитателей. Но вотъ тогда какъ одни изъ нихъ, проявляя къ тебѣ только довѣріе, довольствуются молитвеннымъ общеніемъ съ тобою, другіе, и это часто тѣ, которые въ особенности обнаруживаютъ привязанность къ тебѣ, обсуждаютъ твои поступки, слѣдятъ за твоею жизнію, за твоимъ отношеніемъ къ людямъ и т. д.—отсюда они-то и бываютъ виновниками всякихъ о тебѣ слуховъ, наговоровъ, пересудовъ. Гдѣ искать причину этому? Ищи ее и въ себѣ самомъ, и въ людяхъ. По всей вѣроятности, ты еще подаешь поводъ къ этимъ пересудамъ и толкамъ, а твои почитатели еще не такъ высоко настроены, еще не мыслятъ только о горнемъ, а привязаны къ тебѣ лишь своими человѣческими чувствами.

На концѣ жизни духъ человѣческій какъ бы самъ стремится выйти изъ тѣла, которое для него служить темницею, оковами. И то недомоганіе, то разрушеніе тѣла, которое бываетъ у стариковъ, совершается какъ бы уже самимъ духомъ человѣческимъ. Представьте себѣ, что вы заперты, но вамъ необходимо выдти. Тогда вы начинаете ломиться въ дверь... Такъ точно и духъ человѣческій, дающій въ жизни много энергіи, силы тѣлу, въ концѣ самъ отказываетъ ему въ помощи и ищетъ себѣ выхода, какъ бы взывая ко Господу, Источнику вѣчныхъ благъ: „изведи изъ темницы душу мою“.

„Любы не раздражается“. Любовь исключаетъ гнѣвъ. Воспитай въ сердцѣ своемъ любовь и ты этимъ самымъ убъешь въ себѣ гнѣвъ. Хочешь ли поэтому бороться

искоренять въ себѣ гнѣвливость,—подави въ себѣ всякое себялюбіе, не помни себя, а помни ближнихъ, ради нихъ трудись, живи. Есть гнѣвъ, какъ злостное чувство по отношенію къ ближнему, и есть горячность, какъ свойство темперамента, какъ проявленіе энергіи, ревности, при этомъ кто горячится, у того впереди предносится дѣло, о которомъ онъ радѣеть, изъ-за котораго онъ горячится, тревожится, самаго же человѣка, на котораго эту горячность изливаетъ, онъ не представляетъ, не помнитъ, не желаетъ ему зла. Горячность, быстро проходя, не оставляетъ въ сердцѣ осадка зла на человѣка, а наоборотъ—сожалѣніе о томъ, что ты огорчилъ ближняго. Но и горячность нужно умѣрять, сдерживать. Молитвенное настроеніе, преданность волѣ Божіей, стяжаніе смиренія и кротости разсѣвають и горячность.

Въ твореніяхъ Блаженнаго Августина встрѣчается мысль, что всѣ находящіеся въ отверженіи отъ Церкви, всѣ еретики, раскольники, одолѣваются чувственностію, или лучше сказать, не могутъ быть свободны отъ чувственности. Это свидѣтельство Бл. Августина весьма цѣнно, потому что онъ, какъ увлекавшійся вначалѣ разными философскими воззрѣніями, напр., неоплатонизмомъ, и др., и впадавшій въ ересь-манихейство, самъ на опытѣ дозналъ то, о чемъ свидѣтельствуешь. И понятно, почему внѣ Церкви не можетъ быть чистоты. Очищаетъ человѣческое сердце только благодать Божія, а кто въ разрывѣ съ Церковью, тотъ слѣдовательно лишенъ этой благодати, лишенъ возможности освободиться и отъ чувственности. Но какъ смотрѣть на тѣ бьющія въ глаза добродѣтели, какія повидимому бываютъ и у еретиковъ? Древніе манихеи славились

добродѣтелями; наши братцы, раскольники также рекламируютъ себя, какъ людей воздержныхъ, святыхъ. Отвѣтимъ и на это словами того же Блаж. Августина. Объ этихъ добродѣтеляхъ онъ говоритъ: „всѣ добродѣтели людей, находящихся внѣ Церкви, суть блестящіе пороки“. Это значить то же, что говорить и св. Апостоль Павелъ во 2-мъ посланіи къ Тимоѳею 3 гл. 5 ст.: „въ послѣдніе дни будутъ бо челоуѣцы... имущіе образъ благочестія, силы же его отвергшіеся и сихъ отвращайся“. Можно имѣть внѣшній образъ благочестія и быть лишеннымъ силы его. Внѣшность можетъ быть хороша, а внутренность гнила. Гробъ съ виду украшенъ, а внутри полонъ костей и смрада. Внѣшне благочестивый челоуѣкъ можетъ быть исполненъ духовной прелести, тщеславія, гордости, самоуслажденія. Внѣшняя добродѣтель такого челоуѣка—что представляетъ изъ себя, какъ не блестящій порокъ, по мысли Бл. Августина? Русскіе люди! не отрывайтесь отъ Св. Православной Церкви! Помните, что Христось со Своею благодатією присутствуетъ только во Св. Церкви, а „безъ Мене“, сказалъ Онъ, „не можете творити ничесоже“!

„Виждь твоя пребеззаконная дѣла, о, душе моя! и почудися, како тя земля носитъ, како не разсѣдся, како дивіи звѣріе не снѣдають тебе; како же и солнце незаходимое сіяти тебѣ не преста; востани, покайся, и возопій ко Господу: согрѣшихъ Ти, согрѣшихъ, помилуй мя“. (Гласъ 7-й. Стихира покаянная на „Господи возвахъ“, въ недѣлю вечера). Какая сила покаянія вложена въ сіи слова, а вмѣстѣ, какая глубокая мысль просвѣчиваетъ въ нихъ! Челоуѣкъ—вѣнецъ творенія, царь природы, высшее созданіе Міръ хочетъ знать и

видѣть его только такимъ, въ противномъ случаѣ, когда человѣкъ теряетъ свое нравственное достоинство, тогда для міра онъ ничто, не нужное, а можетъ быть даже вредное существо, и какъ тогда земля тебя. человѣкъ, терпитъ, какъ тогда звѣри дикіе не растерзаютъ и солнце не перестанетъ надъ тобою сіять. Или вотъ еще образецъ глубокаго покаянія, вложеннаго въ слова молитвы Сумеона Метафраста, читаемой іереемъ предъ св. причащеніемъ (Смотр. „Правило молитвенное готовящимся ко святому Причащенію“. Изданіе Московской Синодальной Конторы 1893 года стр. 187): „Недостойнѣ высоту небесную зрю, недостойнѣ человѣческое зрю видѣніе (лице), недостойнѣ собесѣдую ближнему“. Здѣсь при силѣ покаянія также содержится глубокая мысль. Высота небесная—это олицетвореніе мѣста селенія славы Божіей, человѣкъ—образъ и подобіе Божіе;—то и другое по своему высокому значенію требуетъ и отъ обращающихся къ нимъ приличнаго вида, подобающаго настроенія и чести. Какъ же ты, весь грязный, безстыдный осмѣливаешься взирать на высоту небесную или смотрѣть на лице человѣка, этотъ образъ Божій. Не отъ того ли ты невольно покрываешься краской стыда и опускаешь внизъ глаза, когда послѣ только что содѣланнаго беззаконія ты взираешь на лице ближняго?..

Назначеніе жалованья духовенству не создастъ и не улучшитъ нравственной связи между пастыремъ и па сомыми. Эту связь создастъ только личность самого пастыря, его искренность, его беззавѣтное, пастырское служеніе. Тѣмъ и дорого, глубоко и вѣчно указаніе Св. Апостола Павла, что служащій алтарю отъ алтаря питается, что въ эти слова вложена мысль духовной

близости, родства пастыря съ пасомыми: какъ покорныя, добрыя дѣти питають и грѣють родителей, такъ преданныя и благодарныя духовныя чада заботятся о внѣшнемъ обезпеченіи своего духовнаго отца. Объединеніе нашего народа, появленіе сектантскихъ воззрѣній, дороговизна жизни ухудшили матеріальное положеніе нашего духовенства и ему необходимо помочь, назначить достаточное денежное пособіе, которое, однако, можетъ считаться только подспорьемъ, но не главнымъ источникомъ содержанія. Это денежное пособіе, назначаемое отъ казны духовенству, слѣдовало бы называть содержаніемъ, обезпеченіемъ духовенства, но не жалованьемъ, которое слишкомъ напоминаетъ формальное отношеніе къ дѣлу, чего такъ не терпитъ пастырское служеніе.

Признаки, что ты усваиваешь смиреніе,—это когда ты не замѣчаешь, что тебя обижаютъ, огорчаютъ, унижаютъ, не цѣнятъ.

1915 года Сентября 22 ѣздилъ въ село Починки, Серпуховск. у., отпѣвать старца іерея Петра. Сей старецъ умеръ 81 года; съ первыхъ лѣтъ священства принялъ подвигъ юродства и былъ отрѣшенъ отъ прихода. Онъ жилъ въ убогой хижинѣ въ простотѣ и скудости. На погребеніе его собралось множество народа. Это почитаніе и уваженіе народомъ старца—подвижника привело меня къ такому размышленію. Нашъ простой народъ, самъ до нѣкоторой степени подвижникъ, ищетъ подвижниковъ и, найдя, преклоняется предъ ними и идетъ къ нимъ толпою. И большое дѣло совершаютъ эти, любимые народомъ, Божьи

люди. Они въ силѣ держать всю округу въ повиновеніи Св. Церкви, ея уставамъ, завѣтамъ старины и родинѣ. Они служатъ сильнымъ противовѣсомъ современнымъ народнымъ развратителямъ, вожакамъ сектъ и пропагандистамъ социалистическихъ ученій. Безъ совѣта о. Петра никто изъ насельниковъ его села не женился, не продавалъ дома, не принималъ ничего существеннаго въ своей жизни. Св. подвижники, сильные Православной Вѣрой и проникнутые русскимъ національнымъ духомъ, по сердцу нашему простому народу и дай Богъ, чтобы побольше ихъ было у насъ, чтобы они горѣли въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, какъ свѣтильники, и ихъ свѣтъ привлекалъ бы вниманіе многихъ русскихъ людей, освѣщая имъ путь любви, преданности къ нашей Св. Православной Вѣрѣ и родинѣ.

Несмотря на то, что въ наше шаткое время враги стараются поколебать, ослабить, подорвать—Св. Православную Церковь, ея іерархію и устои—твердому и вѣрному сыну Церкви теперь болѣе чѣмъ когда-либо ясно съ одной стороны—истинность Св. Православной Церкви, а съ другой—ея непоколебимость, святость и неизмѣнность. Всему вредному, противоцерковному, несмотря на сильныя препоны отъ людей и отъ врага рода человѣческаго, Св. Церковь даетъ отпоръ, отвѣтъ, произнося свой справедливый судъ. Не поэтому ли всѣ ея противники такъ и злятся на держателей Св. Церкви? Намъ пришлось бы употребить много времени и бумаги, при перечисленіи всего того, что отстояла, что осудила и на что дала свой безпристрастный отвѣтъ за послѣднее время наша Св. Православная Церковь. Былъ Толстой, есть братцы. Какъ обществу не

хотѣлось, чтобы надъ ними былъ произнесенъ церковный судъ, но онъ, слава Богу, состоялся. Былъ свящ. Петровъ, іером. Иліодоръ, выбившіеся изъ пастырской колеи люди,—какой они имѣли успѣхъ среди православныхъ, о нихъ говорили, какъ объ истинныхъ пастыряхъ, но, однако, Св. Церковь, разоблачивъ ихъ ложный, вредный для Церкви и государства путь, извергла ихъ изъ своей ограды. Появились на Аѳонѣ мечтатели, которые святѣйшее Иисусово Имя стали толковать своимъ умомъ,—Св. Церковь и здѣсь дала справедливую оцѣнку возникшему на Аѳонѣ религиозному спору. Трудно, охъ, какъ трудно теперь для Церкви отстаивать истину! Но, всѣ архипастыри и пастыри Христовой Церкви, будемъ усердно молиться Пастыреначальнику-Христу, да не допуститъ Онъ нашей Русской Помѣстной Церкви отторгнуться отъ единства Вселенской Св. Церкви. Да хранитъ Онъ ее въ истинѣ, святости и въ непоколебимой вѣрности Православію. Аминь.

Первый человекъ черезъ вкушеніе древа познанія добра и зла, узнавъ силу грѣха, его горечь, оцѣнилъ то счастье, то блаженное состояніе, какое даетъ ему жизнь съ Богомъ и въ Богѣ. И какъ не велика та духовная радость, когда человекъ возстаетъ отъ грѣха, побѣждаетъ его, получаетъ помилованіе отъ своего Творца и вновь пріосѣняется отъ Него благодатію, но счастливѣе невинное блаженное состояніе перваго человека, когда онъ зналъ только добро и не былъ причастенъ ни къ какому злу. Христіанинъ, ты воинъ Христовъ, тебѣ надлежитъ бороться съ собственнымъ грѣхомъ, съ міромъ и духами злобы поднебесной. Собственный грѣхъ можетъ быть у тебя великимъ и ма-

лымъ, въ одномъ ты грѣшилъ, а въ другомъ не позналъ грѣха. И если содѣянный грѣхъ приводитъ тебя къ слезамъ покаянія, къ смиренію, къ подвигамъ и самоотверженному служенію Господу Богу, къ бѣльшей любви, вѣрѣ и надеждѣ на Него, и если черезъ борьбу съ содѣяннымъ грѣхомъ ты приобретаешь духовную опытность, духовную зрѣлость, то счастливѣе человекъ—христианинъ, который не зналъ грѣха. До грѣха тебя можетъ беспокоить только любопытство, нѣкоторая сладость грѣха, таящаяся въ нашей грѣховной плоти, послѣ же грѣха открывается жажда его, доходящая у нѣкоторыхъ до страданій и муки, открывается угрызение совѣсти, скорбь о потерянной чистотѣ, необыкновенная трудность возстановленія себя, изглаженія грѣха. До грѣха если ты и слабъ и удопреклоненъ ко грѣху, но съ тобой неразлучно пребываетъ благодать Божія, которую ты не можешь не чувствовать и которая накладываетъ особый отпечатокъ на твое внутреннее настроеніе, даже на лице и на твои глаза, накладываетъ на тебя отпечатокъ духовной радости и душевнаго спокойствія, послѣ же грѣха ты, по крайней мѣрѣ, на время лишаешься благодати Божіей, лицомъ дѣлаешься печаленъ, скорбенъ, нося на себѣ печать отверженія, а въ глазахъ твоихъ видна растерянность и зависть.

Мнѣ пришлось присутствовать въ Московской Синодальной Конторѣ при допросѣ аеонскихъ иноковъ, по поводу ихъ взгляда на сладчайшее Имя Господа нашего Иисуса Христа. Получилось тяжелое впечатлѣніе отъ ихъ настроенія: они обнаружили всѣ признаки гордыни, духовной прелести. Вѣдь на собраніи присутствовалъ цѣлый сонмъ архипастырей Православной

Русской Церкви (10), во главѣ съ Митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ, этимъ высокою духовной жизни старцемъ, который держалъ себя смиренно, кротко, какъ агнецъ. И что же,—аѳонскіе иноки не оказали должной чести этому сонму. Если бы они читли и уважали авторитетъ и голосъ православныхъ архипастырей, которымъ, собственно, Господь и вручилъ право учительства въ Церкви, если бы они были смиренны сердцемъ,—они пали бы ницъ предъ святителями и умоляли бы ихъ помочь имъ уяснить тотъ вопросъ, который такъ ихъ встревожилъ. И если бы и послѣ данныхъ разъясненій имъ казалось многое не яснымъ, не точнымъ и даже ошибочнымъ, то и тогда они не переставали бы просить молитвъ у святителей, чтобы Господь помогъ имъ пребывать въ истинѣ. Ничего этого не было. Чувствовалось, что аѳонскіе иноки въ своемъ сердцѣ давно уже произнесли судъ не только надъ собравшимися здѣсь іерархами, но, какъ въ послѣдствіи оказалось, и надъ самимъ Святѣйшимъ Синодомъ. И нужно было видѣть, съ одной стороны—спокойное, кроткое обращеніе съ аѳонскими иноками всѣхъ членовъ присутствія, а съ другой—волненіе аѳонскихъ иноковъ, чтобы убѣдиться—къмъ руководить благодать Св. Духа, которая, по пророку, „ни во огни, ни въ трусѣ, ни въ вихрѣ, а въ гласѣ хлада тонка -- въ вѣяніи тихаго вѣтра“. Своимъ неспокойнымъ настроеніемъ на собраніи аѳонскіе иноки ясно показали, какою мудростію они проникнуты. „Мудръ ли и разумень кто изъ васъ, говоритъ Апостоль, докажи это на самомъ дѣлѣ добрымъ поведеніемъ съ мудрою кротостію. Но если въ вашемъ сердцѣ вы имѣете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину: это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бѣсовская, ибо гдѣ за-

висть и сварливость, тамъ нестроение и все худое. Но мудрость, сходящая свыше, во-первыхъ чиста, потомъ мирна, скромна, послушлива, полна милосердія и добрыхъ плодовъ, безпристрастна и нелицемѣрна“ (Іак. III, 13—17).

Въ свѣтильничныхъ вечернихъ и утреннихъ молитвахъ заключено такое глубокое, всестороннее охватывающее челоуѣка молитвенное чувство, что кажется этихъ молитвъ вполне достаточно для священника, чтобы надлежащимъ образомъ настроиться на предстоящее служеніе Божественной Литургіи. Эти молитвы и вообще могутъ служить священнику въ духовной его жизни путеводной звѣздой. Не потому ли о. Іоаннъ Кронштадтскій такъ любилъ свѣтильничныя молитвы? Къ сожалѣнію, часто приходится читать ихъ безъ всякаго вниманія и чувства и черезъ это многое теряешь.

Какъ нынѣшнія зрѣлища и всякаго рода удовольствія связаны съ темными силами, съ сатаною—это видно, между прочимъ, изъ того, что устраивающіе ихъ не находятъ лучшей вывѣски для нихъ, какъ изображенія разнаго рода драконовъ, чудовищъ, т. е. именно того, что служитъ олицетвореніемъ у христіанъ сатаны. Намъ пришлось, къ великому прискорбію, быть свидѣтелями слѣдующаго случая. Былъ объявленъ сборъ табаку для воиновъ. Устроители этого сбора назначили храмъ Христа Спасителя сборнымъ пунктомъ для всѣхъ сборщиковъ, гдѣ объявленъ былъ и молебень предъ началомъ сбора. И вотъ въ храмѣ молебень, по нашему мнѣнію, въ обстановкѣ крайне оскорбительной для Господа Бога: кругомъ храма масса фургоновъ для сбора табаку, съ изображеніями разныхъ медузъ и др. чудовищ!..

Когда вникнешь въ содержаніе молитвъ, тайно читаемыхъ священникомъ на Божественной Литургіи. то поражаешься, какъ вдохновенно, мудро и цѣлесообразно онѣ составлены. Сначала священникъ молится, чтобы Господь принялъ бы всѣ молитвы, какія онъ и вѣрующіе будутъ возносить во время службы. Далѣе священникъ испрашиваетъ прощеніе у Господа своихъ грѣховъ, молится объ очищеніи своего сердца отъ всякой скверны плоти и духа въ виду предстоящаго совершенія великаго таинства Евхаристіи. Тайной молитвой Херувимской пѣсни: „никто же достоинъ отъ связавшихся плотскими похотями и сластями“—заканчивается этотъ отдѣлъ священническихъ молитвъ. Далѣе идутъ молитвы о предложенныхъ честныхъ Дарѣхъ, о томъ, чтобы наши грѣхи, наше недостойнство не возбранили бы Духу благодати пріити на предложенныя Дары. Сюда же можно присоединить молитвы Евхаристическаго канона, гдѣ воспоминается все дѣло нашего искупленія и установленіе Святѣйшаго Таинства Причащенія. Послѣ освященія Даровъ священникъ молится за живыхъ и умершихъ, о нуждахъ своихъ пасомыхъ— о болящихъ, страждущихъ, труждающихся. Затѣмъ идутъ молитвы о томъ, чтобы Господь сподобилъ достойно причаститься Св. Таинъ и, наконецъ, послѣ причащенія священникъ съ вѣрующими благодарить Господа за Св. Причащеніе. Итакъ, іерей Божій, тебѣ намѣчена программа, какія ты чувства долженъ переживать, совершая Божественную Литургію. Сначала ты молись о томъ, чтобы твои молитвы за себя и другихъ были дѣйственны, кайся въ своихъ грѣхахъ, проси у Господа Бога Духа благодати на предложенныя Дары, созерцай все дѣло нашего искупленія предъ

освященными Св. Дарами, предстоя предъ Самимъ Господомъ отъ всего сердца, молись о своихъ нуждахъ и нуждахъ пасомыхъ, молись далѣе о достойномъ причащеніи, затѣмъ со страхомъ и трепетомъ причащайся Святыхъ и Животворящихъ Таинъ Христовыхъ, и, наконецъ, въ радости духовной благодари Господа за великую милость, какую Онъ тебѣ даровалъ въ причащеніи Тѣла и Крови Его, и въ той же радости духовной, славя Господа, уходи на ожидающее тебя пастырское дѣло.

Память Свят. Филиппа, Митрополита Московскаго, воочію убѣждаетъ насъ въ истинѣ, что Правда Божія во вѣки живетъ и что часто Господь посмѣвается правдѣ человѣческой, которая иной разъ какъ бы тщится превзойти Правду Божию. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, что всѣ мѣры были приняты и властію и людьми, чтобы стереть съ лица земли Святителя Филиппа, чтобы погубить его. И что же? Людская правда, дѣйствовавшая въ то время, забыта, а Правда Божія осталась жить и прославилась Свят. Филиппа предъ всѣмъ православнымъ міромъ, какъ исповѣдника и мученика. И выходитъ, такимъ образомъ, что Правда Божія какъ бы еще могущественнѣй, еще сильнѣй и болѣе живуча, когда она современниками не уважается и попирается. Это обстоятельство является какъ бы какимъ залогомъ, капиталомъ, который кладется въ сокровищницу Церкви съ тѣмъ, чтобы со временемъ это сокровище послужило еще большимъ проявленіемъ богатства и славы Церкви. Въ первой стихирѣ Преп. Дометіана на 10-е января хорошо изображено, какъ вѣрными посрамляется всякая гордость человѣческая. „Иже землю истребити... и иссушити море хваляйся,

наругаемъ вѣрными показася, яко птица днесъ и посмѣятельнѣйшъ комаръ, ему же судися видъ, якоже нѣкое страшилище, и попрося Христовымъ угодникомъ“. Въ настоящее время люди порядка, православно-церковнаго настроенія не цѣнятся, и Св. Церковь унижается, оскорбляется.—И что же? Неужели вы думаете истребить память о великихъ духомъ людяхъ или разорить Церковь?—Ошибаетесь. Ваше посмѣяніе, ваше поношеніе послужитъ со временемъ еще къ большей силѣ и славѣ Св. Церкви. И посмѣется Правда Божія надъ вашей человѣческой правдой, и окажетесь вы тогда ничтожными, какъ птица или незамѣтный комаръ!

Бываютъ въ Православномъ Богослуженіи такіе моменты, когда уже нѣтъ никакой надобности въ проповѣди. Само Богослуженіе даетъ столько молитвенныхъ чувствъ, назиданія, столько слезъ и утѣшенія, что всякая проповѣдь можетъ только понижать, парализовать высокое настроеніе молящихся. Возьмемъ, напр., Богослуженія Страстной Седмицы. Какая тутъ проповѣдь, когда Церковь въ своихъ вдохновенныхъ молитвословіяхъ все, кажется, даетъ для ума и нашего сердца. Вообще пастырь постоянно долженъ соображаться, когда ему слѣдуетъ говорить и когда лучше молчать. Чѣмъ трогательнѣе Богослуженіе, чѣмъ истовѣе совершается и чѣмъ больше пастырь имъ проникается,—тѣмъ меньше требуется пастырскаго слова. Не умѣлъ пастырь самимъ Богослуженіемъ убоготорить молящихся, вотъ онъ и поправляется, думая по крайней мѣрѣ своимъ словомъ это сдѣлать, но какъ бы пастырское слово не было хорошо,—оно ничто въ сравненіи съ самимъ Богослуженіемъ.

Вы думаете, что всѣ невѣрующіе, противящіеся Церкви и ея узаконеніямъ таковы отъ того, что слишкомъ умны, начитаны, хорошо изучили исторію Церкви, ея каноны, что на опытѣ сами пережили все то, что касается Православной Вѣры? Нѣтъ, какъ разъ наоборотъ! Они потому и невѣрующіе, что существа Вѣры нашей не знаютъ. Если бы они ее узнали и на опытѣ пережили бы, —они почувствовали бы отъ Нея такое благо, такое духовное утѣшеніе, что непременно сдѣлались бы Ея защитниками и даже исповѣдниками.

Какъ приобрѣтается чистота сердца? Большое значеніе для достиженія этого—есть постоянное укореніе себя въ своихъ немощахъ и недостаткахъ. Укореніе даетъ возможность распознать себя, свою грѣховность, оно парализуетъ всякую гордость, духовную прелесть, которая такъ часто тормозитъ нашъ духовный ростъ. Укореніе приводитъ насъ къ смиренію,—этой основѣ для всякаго нравственнаго преуспѣянія. Но укоренія мало. Бываютъ у насъ такія душевныя язвы, которыя и укореніемъ не исцѣляются. Нужно болѣе сильное средство, чѣмъ укореніе и это—обнаруженіе, открытіе внутренней нашей язвы предъ духовникомъ, старцемъ, или просто другомъ. Одинъ братъ страдалъ отъ дурныхъ помысловъ и чувствъ; много онъ въ этомъ себя укорялъ, но это не помогало, онъ продолжалъ страдать. Онъ тогда пошелъ къ одному старцу и, не смотря на весь стыдъ и внутренній тормозъ, съ Божьей помощью открылся въ грѣхѣ и, какъ только онъ это сдѣлалъ,—вся нечистота, одолѣвшая его, пропала у него. Укореніе и открытіе помысловъ это, такъ сказать, личная работа надъ самимъ собою для выработки чистоты сердца. Но надъ нами Господь Богъ.

Ему мы повинны въ своихъ грѣхахъ, и вотъ далѣе, что мы должны дѣлать для очищенія сердца,—это постоянно каяться Господу Богу въ своихъ грѣхахъ, ища примиренія со своею совѣстью, и молясь, чтобы Господь простилъ намъ грѣхи. И Милостивый Господь всегда готовъ принять наше покаяніе и помиловать насъ. Грѣхи—нашъ долгъ предъ Господомъ. Хорошо не быть никому должнымъ. Хорошо чаще уплачивать долги, въ противномъ случаѣ они, накопившись, дѣлаются слишкомъ великими, тягостными, непосильными, неоплатными. Такъ и грѣхи, долги наши предъ Господомъ; хорошо какъ можно чаще ихъ уплачивать, ежедневно, ежечасно, ежеминутно, постоянно каюсь предъ Господомъ. Люди, радѣющіе о духовной жизни, удѣляя по требованію своего сердца время для такого внутренняго покаянія, молятся Господу Богу до тѣхъ поръ, пока не почувствуютъ сердцемъ, что Господь имъ прощаетъ. Да, примиреніе со своею совѣстью, прощеніе Господомъ намъ грѣховъ можетъ чувствовать наше христіанское сердце! Но вотъ намъ даны еще для очищенія сердца благодатныя средства—исповѣдь и св. Причащеніе. Здѣсь уже Сама Благодать Божія приходитъ къ намъ и очищаетъ и оживотворяетъ наше сердце, все наше существо. Внутреннее наше дѣланіе можно сравнить съ воздѣлываніемъ земной почвы. Какъ почву нужно разрыхлять, удобрять и поливать, чтобы она производила злаки, такъ и почву нашего сердца также нужно воздѣлывать. Вотъ укореніе и откровеніе—тоже что разрыхленіе, внутреннее покаяніе и молитва—удобреніе, а таинства—благодатный дождь на почву нашего сердца.

Въ притчѣ о неправедномъ домоправителѣ (Ев. Лук. 16 гл. 1—13) Спаситель дѣлаетъ укоръ сынамъ свѣта

за то, что они въ своемъ служеніи Господу Богу часто бываютъ непостоянны. Спаситель какъ бы такъ говорить: „посмотрите на сыновъ вѣка сего, какъ они бываютъ ловки въ родѣ своемъ, умѣя выходить изъ затруднительныхъ обстоятельствъ; вы же сыны свѣта, когда вамъ грозитъ опасность отъ врага рода человѣческаго или отъ собственныхъ грѣховъ, часто по неосмотрительности, беспечности, лѣности, по недостатку бодрости и энергіи, попадаете въ сѣти врага и не умѣете выйти изъ опаснаго положенія. Спаситель, значитъ хвалить не дурные поступки неправеднаго домоправителя, а указываетъ на него сынамъ свѣта, какъ на примѣръ умѣнія пользоваться средствами, какія приняты у сыновъ вѣка—хитрость, ловкость и т. п., сыны же свѣта имѣющимися у нихъ средствами, разумѣется—благодатными средствами, не пользуются. Проводится, такимъ образомъ, параллель между сынами вѣка и сынами свѣта и указывается, какъ первые въ родѣ своемъ (земномъ, несправедливомъ) хитры, умѣлы и какъ вторые, тоже въ родѣ своемъ (вышемъ, духовномъ) вялы и неумѣлы. И въ жизни нашей мы часто укоряемъ ссылкой на что-либо въ нравственномъ отношеніи низкое, однако гдѣ можно брать примѣръ чисто формальнаго свойства, напр., энергіи, умѣнья и т. п. Мы, напр., говоримъ: „посмотрите на сектантовъ, какая у нихъ сплоченность, поддержка другъ друга“ и т. п. И такъ, Господь Спаситель имѣлъ въ виду дать назиданіе сынамъ свѣта, чтобы они были въ своемъ родѣ, въ своихъ высшихъ стремленіяхъ—тверды, постоянны, мудры, такъ какъ невозможно въ одно и то же время работать Богу и мамонѣ, словомъ,—такъ умѣлы, какъ сыны вѣка сего въ родѣ своемъ, т. е. въ своихъ мірскихъ, низкихъ дѣлахъ, дѣлахъ вѣка сего, которыхъ съ нравственной

стороны, конечно, никогда нельзя похвалить. И если въ этой притчѣ идетъ сравненіе, то и въ слѣдующихъ словахъ девятаго стиха также нужно продолжить тоже сравненіе: „И я говорю вамъ (сынамъ свѣта): приобрѣтайте себѣ друзей*), (какъ сыны вѣка приобрѣтаютъ своихъ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители“. Слова поставленныя въ скобкахъ въ дѣйствительности въ св. евангеліи не имѣются, но они по смыслу рѣчи сами собою подразумеваются.

Арсеній, епископъ Серпуховскій.

*) Здѣсь друзья разумѣются—добрые, соотвѣтственно духу и настроенію сыновъ свѣта напр., пастыри Церкви, угольники Божіи и т. п.

Воистину воскресь!

Христось воистину воскресь!
Воскресъ земною пастью взятый!
Творецъ неслыханныхъ чудесъ
Воскресъ, злодѣями распятый!
И вѣру въ Господа Христа,
Предъ Кѣмъ отверзлася могила,
Ни злость враговъ, ни суета
Въ сердцахъ людей не истребила.
Господь воскресшій! предъ Тобой
Горить людей любовь и вѣра,
И дышитъ злобой и враждой
Къ Тебѣ лишь сердце Агасфера.
Лишь онъ, испачканный въ крови
Людской, какъ волкъ, средь паствы бродить,
И въ сердцахъ вѣры и любви
Къ Тебѣ ни искры не находить.
Отверженный людей семьей
Онъ съ злостью демонской внимаетъ,
Какъ радостно весь міръ земной
Тебя повсюду прославляетъ:
Воскресъ, воистину воскресъ
Христось, злодѣями распятый,
Воскресъ Творецъ земныхъ чудесъ,
Онъ живъ, воскресъ, могилой взятый!

Ф. П.

Крестъ-кивоть св. Діонисія-1383 г.

Въ числѣ святынь московскаго Благовѣщенскаго придворнаго собора, что въ Кремлѣ, имѣется драгоцѣнный по древности и по заключающимся въ немъ святынямъ Крестъ-кивоть, устроенный св. Діонисіемъ архіепископомъ Суздальскимъ 1383 г. Въ крестѣ семь заключаются, съ частью Животворящаго Древа Господня, такъ назыв. Страсти Господни, а именно: части терноваго вѣнца, губы, кою напоенъ страждующій Господь на крестѣ,—„трость, кою биша Христа“, часть камня—столба, къ коему былъ привязанъ Христосъ Спаситель во время бичеванія, часть камня отъ гроба Господня, часть камня—доски, на коей положено было тѣло Спасителя по снятіи со креста, части ризы Христовой,—ложной багряницы (порфиры) и—Хитона (срачицы) Христа, часть камней—яслей Христовыхъ, кровь Христова, истекшая изъ пречистыхъ ребръ и кровь, истекшая отъ иконы Спасителя, яже въ Виритѣ, власы Христовы, часть ризы Богоматери и ароматы, ими же помозаша Христа. Изъ надписи по краямъ верхней доски сего креста видно, что святыня сія принесена была изъ Царьграда св. Діонисіемъ, архіепискомъ суздальскимъ, получена отъ константинопольскаго патріарха Нила (1378—1388 г. г.) при князѣ Димитріѣ Константиновичѣ, который устроилъ и раку сію (т. е. Крестъ-Кивоть) для „Христовыхъ страстей“—въ 1891-е лѣто (въ 1383 г. отъ Р. Хр.). Обрѣтенный св. Еленою въ 326 г. св. Животворящій Крестъ Христовъ находился въ построенномъ св. Констан-

тиномъ Храма Воскресенія въ Иерусалимѣ. Но часть св. Животворящаго Древа Господня св. Еленою перенесена въ Константинополь¹⁾. Въмѣстѣ съ животворящимъ древомъ Креста Господня въ Иерусалимѣ хранились и нѣкоторыя орудія страстей Господнихъ: копье, трость, терновый вѣнецъ и губа съ сосудомъ, коею былъ напоенъ Христосъ Спаситель во время страданій оцтомъ и укусомъ. По свидѣтельству писателя VI в. Антонина Мартира (ок. 570 г.), святыни сіи хранились въ Иерусалимѣ въ Константиновой базиликѣ; о томъ же свидѣлствуютъ патріархъ Софроній (634—644 гг.), св. Іоаннъ Дамаскинъ (ок. 760 г.) и іеромонахъ Елифаній въ повѣсти о Иерусалимѣ, написаніе коей относится къ нач. IX в.²⁾ Русскіе путешественники XIII—XV в.в.—Антоній новгородскій, іеродиаконъ Зосима, Стефанъ новгородецъ и дьякъ Александръ—свидѣлствуютъ, что святыни сіи находились въ Царьградѣ³⁾. Время перенесенія ихъ изъ Иерусалима въ Константинополь въ точности неизвѣстно, думаютъ, что перенесеніе ихъ могло совершиться послѣ разоренія храма въ Иерусалимѣ въ 1009 г. и именно въ царствованіе Константина Мономаха (1042—1054 г.г.). Дальнѣйшая судьба означенныхъ священныхъ предметовъ такова: при султанѣ Баязетѣ копье, губа, трость съ нѣкоторыми другими святынями были найдены въ придворной сокровищѣ-хранительницѣ и посланы въ даръ папѣ Иннокентію VIII (1484—1492 гг.)⁴⁾.

Въ числѣ свящ. предметовъ, находящихся въ устроенномъ св. Діонисіемъ крестѣ-кивотѣ, имѣется часть камня-столба, къ коему привязанъ былъ Спаситель во время мученій. По свидѣтельству путешественниковъ IV в. въ Иерусалимѣ находится столбъ, у коего бичевали Христа.

1) Церк. ист. Сократа кн. I гл. 17.—Созомена кн. II, гл. 1.

2) Правосл. Палест. Сборн. вып. II стр. 49—57.

3) Путеш. Антонія, изд. Саввантова.

4) Тамъ же примѣч. 67.

Въ концѣ XI в. о колоннѣ бичеванія упоминается въ числѣ сокровища Константинополя. Упомянутые выше русскіе паломники свидѣтельствуютъ, что столбъ сей находился въ Царьградѣ въ церкви св. Апостоловъ. По свидѣтельству же паломниковъ XV и XVI в. в. — діакона Игнатія, Василя Познякава и др. — въ Іерусалимѣ — въ храмѣ Воскресенія находилась половина столба, а другая половина — въ Царьградѣ въ ц. патріарха, гдѣ находится и нынѣ. — Камень-доска (часть коей имѣется въ крестѣ-кивотѣ) находился, по свидѣтельству русскихъ паломниковъ XIII—XV в. в., въ Константинопольскомъ Пантократоровомъ монастырѣ; когда и кѣмъ принесенъ онъ былъ въ Царьградъ, неизвѣстно. — О крови Христовой, истекшей изъ ребръ Спасителя на крестѣ, говоритъ паломникъ діаконъ Игнатій: „въ Пантократоровомъ монастырѣ — цѣловахомъ кровь Господню, истекшую отъ ребра Его“. Другіе же паломники говорятъ только о крови, истекшей изъ иконы Спасителя, въ которую ударилъ ножомъ Жидовиць (въ Беритѣ). Чудо это совершилось ок. 765 г. Византійскій императоръ Никифоръ Фока (963—969 г. г.) перенесъ сію икону изъ Бейрута въ Царьградъ, а Іоаннъ Цимисхій (969—975 г. г.) перенесъ въ Царьградъ и Кровь, истекшую отъ иконы Спасителя. — Въ числѣ священныхъ предметовъ, находящихся въ крестѣ-кивотѣ св. Діонисія, указываются — риза Христова, порфира, въ которую облекли Христа и Хитонъ Христа Спасителя. Какъ части Животворящаго Древа Господня были разнесены въ разныя мѣста, такъ и части ризы Господней, раздвоенной воинами и — Хитона, о коемъ воины метали жребій, издревне были въ разныхъ церквахъ. Изъ древнѣйшихъ частей ризы Господней безъ сомнѣнія есть та, о которой упоминаетъ преданіе въ VII в. Въ 603 г. въ царствованіе Маврикія эта часть обрѣтена въ Іерусалимѣ въ Сафатѣ въ мраморномъ ковчегѣ. Послѣ 3-хъ дневнаго поста епископы іеру-

салимскій, константинопольскій и антиохійскій перенесли часть Ризы Господней въ ц. іерусалимскую, гдѣ находился крестъ Господень¹⁾. Паломникъ Антоній говоритъ, что въ царскихъ золотыхъ палатахъ (въ Царьградѣ) вмѣстѣ съ Страстями Господними находились багряница и срачица Господни“; инокъ Зосима свидѣтельствуеъ, что въ монастырѣ Прадромѣ находились страсти Господни: „Риза Спасава“—О ризѣ Богоматери (часть коей имѣется въ крестѣ-кивотѣ св. Діонисія) извѣстно, что она обрѣтена была въ V в. въ домѣ одной еврейки въ Палестинѣ, принесена въ 458 г. въ Царьградъ и положена б. во Влахернскомъ храмѣ, гдѣ и находилась до времени завоеванія Константинополя турками.—Таковы драгоцѣнныя святыни, заключающіяся въ крестѣ—кивотѣ, устроенномъ св. Діонисіемъ, находящемся нынѣ въ Благовѣщенскомъ придворномъ соборѣ.—Крестъ сей выносится для поклоненія вѣрующимъ —14 сентября, 1 августа и въ Крестопоклонную недѣлю В. поста. Въ Великій постъ—во всѣ воскресные дни въ Благовѣщенскомъ соборѣ, по окончаніи вечерни (начало ея въ 5^{1/2} ч. в.) совершаютъ предъ симъ крестомъ соборнѣ молебны съ чтеніемъ канона и акаѳиста Страстямъ Господнимъ и произнесеніемъ поученій.

Протоіерей Владиміръ Успенскій.

¹⁾ Дни Богослуж.—Дебольскаго.

Л и л и и.

(Пасхальный рассказ).

Огненный солнечный шар медленно поднимался, освѣщая багровымъ свѣтомъ быстрыя воды Тибра. Великолѣпные дворцы, въ которыхъ проводили свою жизнь въ пиршествахъ и утонченныхъ наслажденіяхъ, изнѣженные, пресыщенные патриціи; циркъ, гдѣ сотни гладіаторовъ терзали другъ друга для забавы алчной до вида крови римской толпы, гдѣ на аренѣ, не высухавшей отъ крови, африканскіе львы и пантеры разрывали христіанскихъ мучениковъ подѣ восторженный ревъ черни и аплодисменты цезаря и его придворныхъ; роскошные сады императора и величественные храмы Вѣчнаго города, казалось, были окутаны розовой дымкой.

На окраинѣ города, въ той части, которая называлась „старый Римъ“, дверь маленькаго домика медленно открылась и въ ней показалась молодая дѣвушка.

Остановившись у порога, она подняла руки, привѣтствуя солнце и наступавшее утро.

Голуби, сидѣвшіе на кровлѣ дома и, съ выжиданіемъ, смотрѣвшіе на дверь жилища, при видѣ молодой дѣвушки, съ шумомъ слетѣли къ ея ногамъ. Нѣкоторые изъ нихъ сѣли къ ней на плечи.

Старый слуга подошелъ къ своей молодой госпожѣ и подаль ей маленькую корзинку, наполненную зерномъ, которымъ молодая дѣвушка стала кормить своихъ ворковавшихъ друзей.

Отдавъ опорожненную корзинку слугѣ, молодая дѣвушка пошла по дорожкѣ сада. Ея гибкая, дѣвственная фигура, въ легкой голубой туникѣ, нагибалась къ цвѣтамъ, росшихъ въ изобиліи въ саду.

— Валерія!—послышался мужской голосъ.

— Иду, отецъ,—отвѣтила молодая дѣвушка, приближаясь къ высокому, худощавому мужчинѣ, среднихъ лѣтъ, стоявшему на порогѣ дома.

— Ты не забыла, дитя мое, что сегодня надо отнести супъ и фазана бѣдному Урсулу?—спросилъ онъ дочь.

— Нѣтъ, отецъ, я знаю,—отвѣтила Валерія.

— А теперь, помоги мнѣ подвязать цвѣты; послѣ такого вихря, какой былъ вчера, навѣрно ихъ, окажется много сломанныхъ,—сказалъ отецъ.

Димитрій Хилонъ былъ старшимъ садовникомъ у патриція Марка Сципіона. За спасеніе упавшей въ прудъ, любимой собачки Сципіона, Хилонъ былъ щедро награжденъ и отпущенъ на волю. На полученныя деньги Хилонъ приобрѣлъ себѣ домикъ съ садомъ, въ которомъ развелъ цвѣты, прославившіеся по всему Риму настолько, что даже самъ цезарь присылалъ къ нему за цвѣтами, для украшенія своего стола.

Чудныя, разноцвѣтныя розы, нѣжныя цѣломудренныя лиліи, голубые ирисы, бѣлоснѣжныя нарцисы, красныя анемоны, скромныя фіалки, хрупкія архидеи—цвѣли въ саду Хилона.

Но самымъ прекраснымъ и любимымъ цвѣткомъ его была единственная дочь Валерія.

Димитрій, его жена Ангелина и дочь Валерія были христіанами.

Еще въ молодыхъ годахъ, Хилонъ, сильно захворалъ, далъ обѣщаніе перейти въ христіанство, если выздоровѣетъ. Оправившись отъ болѣзни онъ исполнилъ свой обѣтъ и сдѣлался горячимъ послѣдователемъ Христа.

Въ его домѣ собирались все римскіе христіане, среди которыхъ Хилонъ пользовался большою любовью и уваженіемъ.

Солнце пекло невыносимо. Во всехъ домахъ окна были занавѣшаны, и только дѣти, несмотря на зной, играли на улицахъ.

Въ бѣдномъ кварталѣ города, тамъ гдѣ находились лавки мелкихъ торговцевъ, съ корзинкой на рукѣ торопливо шла Валерія. Въ ту минуту, какъ она собиралась перейти на другую сторону, изъ за поворота вылетѣла колесница, запряженная парой бѣлыхъ лошадей. Валерія, не успѣвъ перебѣжать улицу, была отброшена лошадьми въ сторону и упала.

Поднявшись, молодая дѣвушка, шатаясь прислонилась къ стѣнѣ дома, чувствуя сильную боль въ плечѣ. Въ это время, молодой патрицій, управлявшій лошадьми, обернулся и встрѣтился глазами съ страдальческимъ взглядомъ Валеріи.

Соскочивъ съ колесницы онъ быстро подошелъ къ молодой дѣвущкѣ и спросилъ её съ участіемъ:

— Тебѣ больно?

— Ничего, это пройдетъ,—тихо отвѣтила Валерія, опустивъ глаза.

Молодой патрицій, молча посмотрѣлъ на неё и, вскочивъ на колесницу, исчезъ въ облакахъ пыли.

— Виргиній Марцель, любимецъ Цезаря,—шептали въ толпѣ, окружавшей молодую христіанку.

Валерія оглянулась кругомъ, ища корзинку и увидала её валявшейся на дорогѣ, растоптанную копытами лошадей.

— Бѣдный Урсулъ, ты сегодня остался безъ завтрака,—прошептала Валерія и тихо пошла домой.

Плечо ея нестерпимо болѣло и мысль, что сынъ бѣднаго столяра, маленькій больной Урсулъ будетъ очень огорченъ ея отсутствіемъ, печалила молодую дѣвущку.

Нѣсколько дней Валеріи пришлось просидѣть дома, такъ какъ ушибленное плечо сильно болѣло.

— Валерія, сегодня надо отнести патрицію, Виргинію Марцелу, заказанные анемоны. Антоній ушелъ; онъ понесъ цезарю розы и тебѣ придется самой идти,—сказалъ дочери Хилонъ.

— Хорошо, отецъ,—сказала Валерія и, взявъ корзину съ цвѣтами вышла изъ дома.

Валеріи пришлось идти долго, прежде чѣмъ она достигла квартала знатныхъ римлянъ, гдѣ находился дворецъ патриція.

Виргиніи Марцель скучалъ. Сидя въ золоченомъ креслѣ, онъ разсѣянно слушалъ „лектора“ читавшаго ему стихи. Сквозь спущенныя на окнахъ пурпурныя занавѣси проникалъ красноватый полусвѣтъ, въ воздухъ разливался запахъ фіалокъ и едва слышный плескъ фонтана доносился съ мраморной галлерей.

Любимецъ боговъ, не встрѣчавшій препятствія своимъ прихотямъ и желаніямъ. Виргиніи былъ гордъ и своенравенъ. Пылкое сердце его жаждало любви, но, встрѣчая среди римскихъ женщинъ только алчность, тщеславіе и суетность, оно замкнулось, затаивъ въ себѣ напрасныя желанія. Смѣлый, мужественный и страшный въ гнѣвѣ. Марцель былъ добръ къ своимъ рабамъ, которые обожали своего господина.

Отпустивъ, движеніемъ руки, своего чтеца, Виргиніи подошелъ къ окну, выходявшему на внутренній дворъ и скучающимъ взглядомъ сталъ слѣдить за полетомъ ласточекъ. Случайно опустивъ глаза, онъ увидѣлъ во дворѣ молодую дѣвушку съ корзиной цвѣтовъ. Его правитель Скула подошелъ къ ней и, взявъ у нея корзину долго разговаривалъ съ ней.

Приложивъ руку ко лбу, Виргиніи, старался вспомнить, гдѣ видѣлъ онъ эту стройную изящную фигурку, блѣдное

тонкое личико, такъ напоминавшее своей бѣлизной лепестокъ лиліи, золотистые волосы падавшіе прихотливыми локонами на плечи.

Въ это время, молодая дѣвушка подняла глаза и встрѣтила восхищенный взглядъ Виргинія.

— Ахъ, этотъ взоръ синихъ глубокихъ глазъ! Онъ вспомнилъ дѣвушку, которую едва не растоптали его лошади.

• Проводивъ глазами уходившую Валерію, Марцель приказалъ невольнику позвать къ себѣ правителя.

— Кто эта дѣвушка, принесшая цвѣты?—спросилъ Виргиній, вошедшаго Скулу, опускаясь въ кресло.

— Валерія, дочь Хилона, господинъ?

— Дмитрій Хилонъ? это, кажется, главный христіанскій проповѣдникъ?

— Да господинъ.

— Такъ она христіанка,—какъ бы про себя проговорилъ Виргиній,—ты знаешь Хилона?

— Да, господинъ, я часто покупаю у него цвѣты для твоего стола.

— Правду-ли говорятъ, что христіане возмущаютъ народъ противъ цезаря?

— Нѣтъ, господинъ,—съ жаромъ заговорилъ Скула,—они никого не возмущаютъ, они учатъ милосердію, кротости, смиренію, воспрещенію любви. Они любятъ всѣхъ, и богатыхъ и бѣдныхъ и несчастныхъ и счастливыхъ; мужчины и женщины у нихъ исполняютъ разныя работы, помогаютъ бѣднымъ и ухаживаютъ за больными. И если Хилонъ извѣстенъ среди народа, какъ проповѣдникъ, то жена его Ангелина и дочь Валерія не менѣе извѣстны своей добротой и кротостью...

— Ты знаешь, Хилонъ, какъ я люблю своего господина, онъ благороденъ и добръ, но онъ необузданъ и горячъ въ своихъ желаніяхъ. Ему понравилась, какъ видно, Ва-

лерія; я прослѣдилъ за нимъ—онъ каждый вечеръ прокрадывается къ твоему дому и ждетъ Валерію, когда она возвращается домой отъ своихъ больныхъ. Слѣди за ней, Хилонъ, а то какъ-бы Виргиній не похитилъ твою голубку, говорилъ Скула Димитрію.

— Благодарю тебя, Скула, я самъ замѣтилъ, что Марцель часто проѣзжаетъ мимо насъ. Нѣсколько разъ онъ даже останавливался и покупалъ у меня цвѣты. Я вижу, что онъ слишкомъ страстно смотритъ на Валерію и поэтому стараюсь отсылать её, когда патрицій заѣзжаетъ ко мнѣ. Господь да сохранить мое дитя,—сказалъ Хилонъ.

Становилось все темнѣе и темнѣе. Виргиній, завернутый въ тогу, стоялъ, прислонившись къ гранатовому дереву, возлѣ дома Хилона и ждалъ.

Прошло немного времени съ того дня, какъ Виргиній, въ первый разъ увидалъ молодую христіанку, но онъ уже полюбилъ её.

Послышались шаги на улицѣ. Къ калиткѣ сада Хилона подошла женщина, закутанная въ покрывало и Виргиній узналъ Валерію.

Едва молодая дѣвушка вошла въ садъ, какъ Марцель былъ уже около неё.

— Валерія, подожди!—воскликнулъ онъ.

Она вздрогнула и обернулась.

— Виргиній, это ты? что дѣлаешь ты въ такой часъ въ нашемъ саду? и что нужно тебѣ отъ меня?

— Выслушай меня, Валерія,—съ мольбой заговорилъ Марцель.

— Говори,—отвѣтила молодая христіанка.

— Я люблю тебя, Валерія, люблю съ той минуты, какъ увидалъ тебя; ты одна можешь дать мнѣ то счастье, котораго жаждетъ моя душа. О, Валерія, какъ ты прекрасна! Въ твоихъ глазахъ я вижу небо, твой нѣжный голосъ такъ сладко волнуетъ меня... будь моей женой. Я осыплю

тебя золотомъ и драгоценными камнями, все, что въ моей власти, я отдамъ тебѣ и у твоихъ ногъ буду забывать весь міръ,—страстно говорилъ Виргиній, склоняясь къ ногамъ дѣвушки.

Валерія стояла неподвижно; грудь ея тяжело дышала и синіе ясные глаза затуманились.

— Встань, Виргиній,—сказала она тихо, — зачѣмъ ты прельщаешь меня дорогими уборами и роскошью, развѣ въ этомъ счастье? Бѣдною или богатою—я все равно любила бы тебя, но... язычника я не могу любить. Если Господь захочетъ соединить насъ—Онъ откроетъ глаза твои и ты увидишь свѣтъ истины и тогда я скажу тебѣ: Виргиній, я люблю тебя. Вотъ вѣтка лилій, я взяла её сегодня съ Распятія, храни её какъ память о Томъ, Кто отдалъ Себя на распятіе ради спасенія людей. Христосъ открылъ намъ, что, кромѣ земной любви, есть иная высшая любовь и ею Онъ заповѣдалъ намъ любить другъ друга. Этой любви ты пока не знаешь, но... я буду молиться за тебя.

Съ этими словами молодая дѣвушка исчезла въ дверяхъ дома. А Виргиній, спрятавъ на груди вѣтку лилій, вышелъ изъ сада Хилона.

Темлая ночь спустилась надъ Римомъ. Яркія звѣзды загорались на темно-синемъ небѣ. Тихо плескались воды Тибра о ступени мраморной лѣстницы дворца Марцела. На террасѣ, на золоченомъ ложѣ лежалъ Виргиній. Лицо его было блѣдно и утомлено, а большіе черные глаза съ тоской смотрѣли въ спокойное ночное небо.

Онъ зналъ, что въ эту ночь христіане празднуютъ Воскресеніе Христа.

— О, Валерія, Валерія, какъ бы я желалъ, чтобы ты научила меня любить твоего Бога такъ какъ любишь ты Его,—шепталъ Виргиній, прижимаясь пылающимъ лбомъ къ изголовью своего ложа.

Что эта за любовь, ради которой она отказывается отъ всего...

Марцель вспомнилъ какимъ сіяніемъ было озарено лицо Валеріи, когда она говорила ему о Христѣ.

— Храни эту вѣтку какъ память о распятомъ Христѣ, — звучало въ ушахъ Виргинія.

Да, онъ бережно хранилъ эту вѣтку, поставивъ её въ драгоценную вазу. Вотъ и теперь она здѣсь, около него. Марцель протянулъ руку и, взявъ засохшую вѣтку, поднесъ её къ лицу. Имъ овладѣло горячее желаніе познать эту любовь; онъ вдругъ почувствовалъ, что истина близка отъ него и ему стало страшно отъ силы внезапно охватившаго его чувства, и въ тоже время какое-то отрадное спокойствіе сошло въ его душу. Онъ опустилъ голову и закрылъ глаза.

Раннее утро. Царить полная тишина.

Розовые лучи утренней зари освѣщаютъ окрестность. Виргиній видитъ приближающуюся къ нему фигуру въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ, окруженную сіяніемъ. Это Онъ, воскресшій Христосъ! Его глаза свѣтлые, прекрасные, полные любви смотрятъ прямо на него и взглядъ ихъ зоветъ къ себѣ... Охваченный восторгомъ Виргиній падаетъ на колѣни и... просыпается.

Ночь уже прошла. Свѣтлые лучи восходящаго солнца заливаютъ террасу. Виргиній подымается съ золоченаго ложа, опускается на колѣни и его первая молитва Воскресшему Христу, молитва безъ словъ, возносится къ небу.

В. К. Кузнецова.

Письма въ Возвъ почившаго Высокопреосвященнаго Николая, Архієпископа Японскаго.

21 Сентября 1911.
Токіо.

Ваше Высокопреподобіе, досточтимый о. Павелъ!

Позвольте симъ представить Вамъ японскаго православнаго священника Петра Сибаяма, отправившагося въ Корею совершить требы между разсѣянными тамъ японскими христіанами.

На соборѣ нынѣшняго года мы хотѣли поставить особаго священника для христіанъ въ Корей, но не состоялось это, а положили отправлять туда въ годъ раза два или три священника города Нагоя, о. Петра Сибаяма, уже посѣщавшаго христіанъ Кореи.

Въ Сеулѣ есть нѣсколько японцевъ христіанъ; ихъ также посѣтитъ о. Петръ, чтобъ преподавать имъ духовное утѣшеніе. Если онъ тамъ найдетъ желательнымъ отслужить Литургію, чтобы приобщить св. Таинъ яп. христіанъ, то будьте добры и любезны дозволить ему въ Вашемъ храмѣ сдѣлать это.

По оповѣщеніи въ Корейскихъ газетахъ, что туда прибудетъ японскій священникъ, отозвалось до ста яп. христіанъ въ разныхъ мѣстахъ. Если Вы имѣете свѣдѣнія и о другихъ, то будьте любезны сообщить о. Петру.

Къ сожалѣнію, нѣсколько христіанъ живутъ въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ, что о. Петру едва ли удастся до-

браться до нихъ. Но всѣхъ живущихъ въ главныхъ городахъ или по пути, либо вблизи желѣзныхъ дорогъ онъ долженъ посѣтить.

Будьте любезны содѣйствовать ему, насколько зависить отъ Васъ въ исполненіи его миссіи!

Преосвященный Сергій нынѣ на Сахалинѣ, повезъ туда водворять священника Николая Кузьмина, присланнаго для русскихъ христіанъ на Сахалинѣ, а также для крещенныхъ Орогонъ и Гиляковъ, живущихъ тамъ. Японскія власти очень любезно передаютъ намъ четыре Церкви, сохранившіяся на Южномъ Сахалинѣ, и Церковное имущество какое найдется. Дай Богъ, чтобъ молодой священникъ прижился тамъ!

Великолѣпный самоваръ Вашъ пребываетъ въ своей природной чистотѣ и цѣлости. Обѣщался въ завѣщаніи оставить его такимъ же Преосвященному Сергію, который скоро изопьетъ свой собственный, которымъ такъ усердно пользуется. Я же буду по прежнему ежедневно Вашимъ скромнымъ судкомъ вспоминать Васъ *).

Впрочемъ вещевыхъ напоминаній о Васъ и не нужно. Узнавъ разъ, какъ Вы милы, добры и любезны, никогда не забудешь Васъ, а всегда съ чувствами истинно братской любви, уваженія и душевной преданности Вамъ будемъ помнить Васъ.

Истинно полный сими чувствами, призывая благословеніе Божіе на Васъ и Церковь Вашу, остаюсь Вашимъ покорнѣйшимъ слугою и богомольцемъ

Николай, Архіепископъ Японскій.

*) Архіепископу Николаю, который пилъ дома чай изъ метал. чайника, былъ подаренъ архимандритомъ Павломъ самоваръ, при письмѣ, въ которомъ въ шутовомъ тонѣ восхвалялось „поэтическое“ чаепитіе изъ самовара. Судокъ былъ подаренъ раньше.

О чудесахъ и знаменіяхъ въ Церкви Христовой *).

(Богословско-апологетическій очеркъ противъ сектантовъ-раціоналистовъ и мистиковъ).

II.

Отличительные признаки истинныхъ чудесъ и чудотворцевъ.

Черезъ вышеизложенныя разсужденія мы незамѣтно пришли къ вопросу о признакахъ, по которымъ можно отличить истинное чудо отъ ложнаго. Вопросъ этотъ не менѣе важенъ, чѣмъ только что разсмотрѣнный нами вопросъ о возможности и необходимости чудесъ въ Церкви Христовой. Согласно предсказанію Спасителя: „возстанутъ лжехристы и лжепророки, и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно и избранныхъ“ (Мѣ. XXIV, 24), для истинныхъ послѣдователей Христа всегда существовала опасность принять за подлинно чудесное то, что на самомъ дѣлѣ являлось слѣдствіемъ враждебныхъ Богу силъ и такимъ образомъ впасть въ заблужденіе. Поэтому необходимо точно опредѣлить характерныя черты истиннаго чуда, а вмѣстѣ съ тѣмъ указать и тѣ признаки, по которымъ бы можно было отличить истинныхъ чудотворцевъ отъ ложныхъ.

1. Признаки истиннаго чуда.

а) Все истинно-сверхъестественное имѣетъ религіозную цѣль и религіозно-нравственное значеніе, какъ свой коренной и необходимый признакъ. Поэтому и чудо, какъ видимое проявленіе сверхъестественной божественной силы, должно прежде всего обладать этимъ необходимымъ при-

**) Продолж. См. м. Февраль.*

знакомъ истинности. О немъ можно тоже сказать, что ска- залъ ученый Гамалиилъ о проповѣди апостольской: „аще будетъ 'отъ человѣка дѣло сіе, разорится, аще ли же отъ Бога есть не можете разорити то, да не како и Богоборцы обрящетеся“ (Дѣян. V, 38—39). Если чудо направлено ко благу чело́вѣческому и производитъ благотворное въ религіозно-нравственномъ отношеніи дѣйствіе, то оно не- сомнѣнно имѣетъ своею причиною высшую силу — волю Божію. Если же чудо направлено къ худу и не произво- дитъ благихъ послѣдствій, то оно отъ злого начала. Чи- тая библейскія и историческія повѣствованія о чудесахъ Божіихъ, мы дѣйствительно замѣчаемъ, что всякое про- явленіе всемогущей силы Божіей направлено было ко благу чело́вѣка, къ назиданію и утверженію его въ добръ и вѣрѣ. Съ этой точки зрѣнія чудесными являлись такія событія, которыя сами по себѣ, безъ отношенія ихъ къ цѣли, не носили характера чуда и могли бы быть объяснены естественными причинами. Нѣтъ, напр., ничего удивительнаго въ томъ, что сѣть рыболова наполнилась рыбою, или что левъ растерзалъ встрѣтившагося чело́вѣка (3 Цар. XIII, 24), или что случилась гроза въ необыкно- венное время года (I Цар. XII, 16—19). При всемъ томъ обстоятельства эти такъ приспособлялись къ утверженію вѣры, къ наказанію непокорности, къ пробужденію раская- нія, такъ могли служить высшимъ цѣлямъ нравствен- наго богоуправленія, что мы рѣшительно присоединяемъ ихъ къ области чудеснаго дѣйствія Божія среди безчи- сленныхъ дѣлъ Господнихъ въ природѣ и чело́вѣческой жизни.

б) Второю характеристическою чертою истиннаго чуда, можетъ служить то, что оно должно быть Богоприлично. Много мы можемъ встрѣтить и въ книгахъ и въ жизни, повидимому, чудеснаго и удивительнаго, но истинно чу- деснымъ мы должны признать лишь то, что достойно Вы- сочайшаго Существа и сообразно съ духомъ православнаго

ученія. Въ апокрифическихъ книгахъ разсказывается часто о такихъ чудесахъ Іисуса Христа и апостоловъ, о которыхъ мы не знаемъ изъ каноническихъ Писаній, но этимъ разсказамъ нельзя вѣрить, такъ какъ они представляютъ собою продуктъ фантазіи человѣческой. Въ Евангеліи Никодима, напр., говорится о чудесныхъ дѣйствіяхъ Спасителя въ дѣтскомъ возрастѣ: Онъ лѣпилъ будто бы изъ глины птицъ и дыханіемъ Своимъ оживлялъ ихъ. Однако изъ каноническихъ Евангелій мы знаемъ только, что Іисусъ Христосъ отъ младенчества до совершеннаго возраста жилъ въ полномъ уединеніи, въ домѣ своихъ родителей и „бѣ повинуюся има“. Всякое истинное чудо должно быть запечатлѣно характеромъ Божественнаго величія и силы, а вслѣдствіе этого оно должно всегда быть обставлено особенно торжественно. Вотъ почему въ исторіи чудесъ Спасителя мы не находимъ ни одного чуда, которое бы было пустымъ зрѣлищемъ, служившимъ только для славы Чудотворца; но на всѣхъ ихъ отражается всемогущая, премудрая и милосердная десница Божія. Когда фарисеи и саддукеи требуютъ отъ Спасителя чуда съ неба (Мѣ. VIII, 13), желая испытать Его чудодѣйственную силу, Господь молчитъ. Самарійское селеніе изгоняетъ Его отъ себя, ученики Его требуютъ, чтобы Онъ низвелъ на жителей огонь съ неба (Лук. IX, 54). Христосъ напоминаетъ имъ о милосердіи. Иродъ и его дворъ надѣются, что Христосъ сотворитъ предъ ними чудо и предлагаютъ Ему тысячу вопросовъ (Лук. XXIII, 8), Господь молчитъ. Во всѣхъ этихъ поступкахъ виденъ Богочеловѣкъ, чудесныя дѣйствія Котораго являются фактическимъ комментариемъ Его личности.

в) Третій признакъ истиннаго чуда, вытекающій изъ самаго понятія о немъ, есть тотъ, что чудесное явленіе не можетъ быть вполне объяснимо дѣйствіемъ естественныхъ силъ и законовъ природы. Напрасно наука старается

проникнуть въ сферу дѣйствительно чудеснаго съ помощью знанія естественныхъ силъ и законовъ природы. Она никогда не достигнетъ успѣха, такъ какъ беретъ на себя задачу, совершенно неосуществимую. Представители науки въ данномъ случаѣ, повидимому, смѣшиваютъ двѣ совершенно различныя области: область сверхъестественнаго и область естественно-невозможнаго или необычайнаго. Исходя изъ этого смѣшенія, они питаютъ надежду, что многое изъ чудеснаго и непонятнаго теперь будетъ объяснено впоследствии, когда вполне выяснены будутъ извѣстныя силы и законы природы. Однако отождествленіе сверхъестественнаго и чудеснаго (*mirum*) съ чрезвычайнымъ или необычайнымъ (*miraculum*) совершенно ошибочно. Необычайное можетъ являться въ естественномъ порядкѣ вещей и не имѣть сверхъестественнаго значенія, какъ, напр., необычайныя явленія природы, поразительныя феномены въ психической области, замѣчательныя аномаліи въ органической жизни и проч. Съ другой стороны, многое въ кругу сверхъестественныхъ явленій не поражаетъ необычайностію, и безъ отношенія къ обстоятельствамъ его сопровождающимъ могло бы быть объяснено дѣйствіемъ естественныхъ силъ природы. Ясно, что при опредѣленіи сверхъестественнаго или чудеснаго центр тяжести долженъ быть полагаемъ не въ физическомъ, такъ сказать, превышеніи естественныхъ силъ, а въ его специфическомъ значеніи, — религіозномъ. Только религія и церковь могутъ имѣть компетентный судъ о немъ; только съ точки зрѣнія религіи мы и можемъ разсматривать вопросъ объ истинно чудесномъ. Въ противномъ же случаѣ вопросъ о чудесахъ—это важнѣйшій пунктъ богословія — пришлось бы отнести къ задачамъ естествоиспытателей, въ кругъ наукъ естественныхъ. Но если бы мы и предоставили возможность судить объ истинно чудесномъ представителямъ науки, то въ концѣ-концовъ оказа-

лось бы, что въ данномъ случаѣ наука безсильна. Никогда она не откроетъ такого закона, при посредствѣ котораго мертвецъ могъ бы сдѣлаться живымъ, слѣпой отъ рожденія прозрѣть отъ умыванія простою водою, разслабленный—встать и ходить отъ одного слова.

г) Наконецъ, послѣднимъ признакомъ чуда должна быть его достовѣрность, какъ дѣйствительнаго внѣшняго факта или историческаго событія. Такъ какъ о большинствѣ чудесъ мы узнаемъ обыкновенно отъ очевидцевъ или же изъ письменныхъ повѣствованій, то естественно здѣсь возникаетъ прежде всего принципиальный вопросъ: насколько возможно констатировать чудесный фактъ посредствомъ свидѣтельскихъ показаній. Среди отрицателей чуда вопросъ этотъ подвергся особенно рѣзкой критикѣ со стороны двухъ англійскихъ профессоровъ—Локка и Юма. Въ своемъ трактатѣ о чудесахъ послѣдній высказалъ то общее положеніе, что всякое свидѣтельство даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ бываетъ „намѣренно или ненамѣренно ложнымъ“. Если же при этомъ „фактъ, о которомъ сообщаетъ свидѣтельство, противорѣчитъ опыту, то мы не можемъ вѣрить въ дѣйствительность этого факта. Это правило соблюдаютъ всѣ осмотрительные люди во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Тѣ, которые не дѣлаютъ этого, страдаютъ легковѣріемъ“. „Чудеса противорѣчатъ всеобщему и единогласному опыту, потому что, если бы они не противорѣчили опыту, то они не были бы чудесами. Существуетъ такимъ образомъ самое сильное основаніе не вѣрить въ чудеса и въ свидѣтельскія показанія относительно ихъ реальности“¹⁾. Основная мысль возраженій Юма сводится такимъ образомъ къ положенію, что все, что противорѣчитъ нашему опыту, не можетъ считаться достовѣрнымъ. Однако подобная аргументація едва

¹⁾ Проф. Н. Рождественскій. Христіанская апологетика. Т. II, стр. 154—155. Спб. 1893 г.

ли можетъ быть признана безошибочной. Тотъ же самый опытъ, на который ссылаются Локкъ и Юмъ, свидѣтельствуе намъ, что на него нельзя вполне положиться. Бываетъ, что явленіе, противорѣчащее опыту, въ послѣдующее время тѣмъ же опытомъ подтверждается. Наполеонъ I считалъ, напр., совершенно невѣроятнымъ пароходы, современники Галилея не вѣрили въ движеніе земли около солнца, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ люди не повѣрили бы, что можно разговаривать на разстояніи сотенъ верстъ. Очевидно, опытъ не всегда можетъ служить вполне надежнымъ критеріемъ достовѣрности. Помимо всего, неосновательно и утверженіе Юма, будто противъ дѣйствительности чудесъ говорить всеобщій, единогласный опытъ. Напротивъ, громадное большинство людей во всѣ времена признавали возможность чудесъ. Повѣствованіе о нихъ можно встрѣтить почти въ каждой религіи. Правда, повѣствованія эти не всегда говорятъ о дѣйствительныхъ чудесахъ, но въ данномъ случаѣ мы указываемъ лишь на всеобщую увѣренность людей въ возможность чудесъ. Что же касается достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, то таковая можетъ быть несомнѣнной, если при этомъ будутъ выполнены извѣстныя условія. Для увѣренности въ достовѣрности свидѣтельствъ необходимо, чтобы: 1) показанія были даны не однимъ, а нѣсколькими свидѣтелями: 2) въ показаніяхъ сквозила точная фактическая передача чуда и 3) фактъ чуда былъ повторенъ нѣсколько разъ. Всѣмъ этимъ требованіямъ вполне удовлетворяютъ какъ библейскія повѣствованія, такъ и исторія чудесъ, имѣвшихъ мѣсто въ Церкви Христовой. О чудесахъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ рассказываютъ не одинъ, а многіе писатели и при томъ вполне согласно. Въ рассказахъ ихъ мы не находимъ никакой натянутости; вездѣ сквозитъ непосредственная простота. Большинство описаній чудесъ изобилуетъ фактическими подробностями вплоть до указанія на то недовѣріе, съ какимъ встрѣчались эти чудеса

со стороны людей маловѣрующихъ. Факты чудесъ изображаются не какъ однажды происшедшіе, но какъ повторяющіеся множество разъ. Справедливо поэтому говорить Гизо: „исторія всѣхъ религій обилуетъ чудесами; но во всѣхъ религіяхъ, кромѣ христіанской, чудеса, разсказываемыя ихъ историками, суть хитрость основателя для пріобрѣтенія себѣ довѣрія, или игра человѣческаго воображенія, которое любуется собою въ чудесномъ и предается въ области религіозной всякаго рода фантазіямъ. Нѣтъ ничего подобнаго въ чудесахъ евангельскихъ, никакой хитрости въ ихъ Виновникѣ, никакого поэтическаго настроенія или поспѣшнаго легковѣрія въ ихъ повѣствователяхъ“¹⁾. Православная Церковь Христова всегда требовала самыхъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о чудѣ, прежде чѣмъ признавала его за истинное. Она точно провѣряла на мѣстахъ всѣ показанія и только послѣ тщательнаго обслѣдованія выносила свое рѣшеніе. Если же человѣкъ самъ является очевидцемъ чуда, то для него не трудно убѣдиться въ его достовѣрности. Для истиннаго чуда необходимо: 1) чтобы оно совершено было на виду у всѣхъ и 2) чтобы при этомъ чудотворецъ не прибѣгалъ ни къ какимъ средствамъ подобно тѣмъ, къ какимъ прибѣгаютъ фокусники.

Таковы главнѣйшіе и существеннѣйшіе признаки истиннаго чуда. Всякое явленіе, необычайное на первый взглядъ, но не обладающее всѣми этими признаками, не можетъ быть признано дѣйствительно чудеснымъ. Задача наша — представить теперь примѣры ложныхъ чудесъ, которые бы съ неотразимою наглядностію убѣдили насъ въ необходимости перечисленныхъ признаковъ для константированія истиннаго чуда:

А. Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Гизо. Размышленія о сущности христіанской вѣры. М. 1885 г., стр. 167.

Святой Апостолъ Павелъ, какъ образецъ для пастыря Церкви Христовой.*)

Въ его ученіи не было ни заблужденія, ни примѣси нечистыхъ побужденій, ни хитрости. Но какъ Богъ удостоилъ Апостола того, чтобы ввѣрить ему благовѣстіе, такъ и онъ говорилъ, угождая не людямъ, но Богу, испытующему сердца. Ибо никогда не было у апостола передъ его слушателями ни словъ ласкательства, ни видовъ корысти. Апостолъ не искалъ славы человѣческой ни отъ кого. Апостолъ въ простотѣ и богоугодной искренности, не по его плотской мудрости, но по благодати Божіей, жилъ въ мірѣ, проповѣдуя Христа.

Апостолъ вращался среди другихъ, держалъ себя въ сношеніяхъ съ другими и дѣйствовалъ на нихъ и предъ ними *въ простотѣ и чистотѣ Божіей*. Дается понятіе о такой простотѣ отношеній, какая бываетъ у дѣтей, безхитростной, никакихъ замысловъ и заднихъ цѣлей не скрывающей,—и такой искренности, при коей—что на душѣ, то и вовнѣ, когда ничто внѣшнее человѣка (ни слово, ни дѣло, ни даже жестъ) не разнится съ тѣмъ, что у него на сердцѣ. Так. обр., Апостолъ ничего не дѣлалъ коварно, или лицемѣрно, или притворно, или изъ ласкательства, или злонамѣренно, или для обмана и обольщенія, или по другимъ подобнымъ побужденіямъ; но поступалъ всегда со всякой свободою, простотою, истиною въ чистотѣ

*) Продолженіе.

и незлобіи сердца, искренно отъ души (Златоустъ). Божественное ученіе Апостоль передавалъ такъ, какъ оно есть: „когда оно строго, не позволялъ себѣ смягчать его произвольно, изъ человѣкоугодія; если въ немъ невмѣстимо что для мудрости человѣческой, не закрывалъ того и не сокращалъ въ надеждѣ помирить его съ сею мудростію; просто-ли оно или крайне высоко, никогда не примѣшивалъ къ нему своихъ соображеній, чтобъ иное приподнять, какъ кажущееся не высокимъ, а другое низвести долу, какъ кажущееся недосыгаемо-высокимъ... И надеждами льстивыми не обставлялъ слова благовѣстія своего; не говоритъ напр., только увѣруй и счастье потечетъ къ тебѣ рѣкой, а прямо открывалъ, что вѣрующихъ ждутъ скорби и всякаго рода лишенія.

Утверждая души учениковъ, увѣщевая ихъ пребывать въ вѣрѣ, Апостоль особенно поучалъ, что „многими скорбями надлежитъ намъ войти въ царствіе Божіе“. Апостоль не такъ возвѣщалъ истину, что на словахъ обѣщалъ многое, а на дѣлѣ показывалъ другое, какъ поступали лже-апостолы; но былъ таковымъ же и на дѣлѣ, какимъ показывалъ себя на словахъ; онъ не имѣлъ ничего двусмысленнаго; Онъ и на самомъ дѣлѣ былъ таковъ, какимъ казался, и не имѣлъ ничего скрытаго и коварнаго, какъ въ жизни своей такъ и въ самомъ проповѣдованіи.

Апостоль былъ далекъ отъ приемовъ и способовъ дѣйствованія, „повреждающихъ“ слово божіе, „корчемствующихъ“ имъ. Корчемники, чтобы имѣть больше дохода, подливаютъ въ вино воду, а чтобъ эта смѣсь сохранила цвѣтъ и вкусъ вина, прибавляютъ иногда и другія, уже и совсѣмъ безвредныя вещества. По мысли Апостола, удоболюбуются имъ тѣ проповѣдники, которые къ Чистой Истинѣ примѣшиваютъ свои измышленія. Пусть даже эти собственныя мысли и доводы не представляютъ прямой лжи и заблужденія; пусть они сами по себѣ безвредны,

нейтральны,—однакожь и въ подобныхъ случаяхъ все-же слѣдуетъ остерегаться, чтобы, „расширяя и разводя слово безъ нужды, не ослабить его, не отнять у него силу и цѣлительность, какія свойственны ему въ его безпримѣсной цѣлости. Если же примѣшивается ложь, то все уже извращается... Апостоль свидѣтельствуется, что онъ ничего подобнаго не дѣлалъ,—не только лжи но и никакого своего мудрованія не прилагалъ къ слову благовѣстія, передавая его въ его подлинной чистотѣ,—такъ какъ принявъ его отъ Бога,—съ сознаниемъ, что говорить предъ очами Самого Бога, говорить во Христѣ, Его силою, Его сохраненіемъ, въ Его славу, какъ Его дѣло исполняющій“.

Апостоль отвергъ все „постыдное“ не по внѣшности только, но въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ сердца,—все постыдное,—хотя бы оно было и не грубаго характера. (напр. малодушіе, колебаніе, ропоть и под.). Ни почета или славы, ни выгодъ какихъ-либо, ни пріятнаго для себя лично въ какомъ-либо смыслѣ, — ничего подобнаго не имѣлъ Апостоль въ виду. Одна любовь къ истинѣ, одна покорность волѣ Божіей руководить Апостоломъ. Лжеучители по внѣшности являются святыми, а внутри оставляютъ непобѣжденными страсти, какими кто поработченъ. Апостоль-же имѣлъ чистое и непорочное сердце, чуждое всего зазорнаго; напротивъ полное истинно-святыхъ возвышенныхъ чувствъ.

Совокупность всѣхъ означенныхъ положительныхъ и отрицательныхъ качествъ Апостоль обозначаетъ, какъ постоянное сохраненіе „непорочной“ „доброй“ „совѣсти“ предъ Богомъ и людьми—каковаго состоянія Апостоль, не смотря на добрыя природныя предрасположенія, достигъ и его поддерживалъ не безъ подвижническаго боренія и аскетическаго напряженія. Руководимый такою безупречною совѣстію, Апостоль не только не допускалъ чего-либо дѣйствительно несомѣстимаго съ апостольскимъ достоин-

ствомъ, но всѣми мѣрами стремился къ тому, чтобы ка-кимъ-либо поступкомъ не подать повода къ соблазну или недоумѣнiю слабыхъ или колеблющихся, не дать матеріала и поводовъ врагамъ евангелiя набросить тѣнь подозрѣнiя на достоинство послѣдняго путемъ дискредитированiя его глашатая, „споспѣшника“. „Остерегаясь, чтобы ему не подвергнуться отъ кого нареканiю при обилiи прилошенiй, ввѣряемыхъ Апостолу, св. Павелъ принимаетъ предусмотрительно особыя мѣры предосторожности въ предотвращенiе только возможныхъ нареканiй. При этомъ Апостоль высказываетъ и общiй пастырскiй принципъ: „мы стараемся о добромъ не только предъ Господомъ но и передъ людьми“. Соблазнъ, причиняемый другимъ людямъ, неразумнымъ совершенiемъ добрыхъ дѣлъ, много умаляетъ значенiе этихъ дѣлъ. „Нельзя такъ говорить: совѣсть моя чиста, пусть какъ хочетъ думаетъ любящiй подозрѣвать. Это обличаетъ жесткое сердце, никакого вниманiя не хотящее имѣть къ немощамъ немощныхъ, сердце и горделивое, призирающее другихъ. Такъ дѣйствовать, значить идти на проломъ. Бываютъ обстоятельства, когда и такъ неизбѣжно дѣйствовать, но не всегда. Въ обычномъ теченiи дѣлъ необходимо щадить совѣсть немощныхъ.

По словамъ Златоуста, кто можетъ сравниться въ мудрости съ Павломъ? Онъ не сказалъ: да будетъ несчастень и да погибнетъ тотъ, кто станетъ подозрѣвать въ чемъ-либо подобномъ; доколѣ не изобличаетъ меня совѣсть—мнѣ нѣтъ дѣла до подозрѣвающихъ. Напротивъ, чѣмъ они были слабѣе, тѣмъ болѣе снисходилъ къ нимъ. Не негодовать на больного, но помогать ему нужно...

Сколько ни далеку былъ Апостоль отъ того, чтобы могли худо объ немъ думать, все дѣлаетъ и устрояетъ такъ, чтобы не оставить даже ни малѣйшей тѣни для тѣхъ, которые захотѣли бы хотя сколько-нибудь подозрѣвать въ худомъ. Онъ избѣгаетъ не только обвиненiя, но

и худого мнѣнія, малѣйшей укоризны и пустого подозрѣнія“. Съ тою же цѣлью отнять всякій поводъ нанести ущербъ благовѣствованію Христову какими-либо пререканіями Апостоль старался „не быть въ тягость“ вѣрующимъ въ отношеніи своего матеріальнаго обезпеченія. Цѣль своего поведенія въ данномъ отношеніи объясняетъ самъ Апостоль. „Почему же такъ поступаю? Чтобы не дать повода ищущимъ повода, дабы они, чѣмъ хвалятся, въ томъ оказались *такими же*, какъ и мы“.

Лжеапостолы всякимъ случаемъ пользовались, чтобъ представить въ неблагопріятномъ свѣтѣ и самого св. Павла и проповѣдь его, и тѣмъ полагать препоны успѣхамъ Евангелія. Противники Апостола, еслибы св. Павелъ пользовался чѣмъ-либо отъ вѣрующихъ, и это могли бы обратить въ поводъ къ нареканіямъ, унижающимъ достоинство евангельской проповѣди. Въ противовѣсъ Апостолу они могли бы выставить свое безкорыстіе, „не излишне припомнить, что въ Коринфѣ были и философскія секты“. Нѣкоторые философы отличались презрѣніемъ къ земнымъ благамъ. „Не это-ли обстоятельство расположило Апостола явить въ себѣ лицо, дѣйствительно отъ всего отрѣшенное, преподающее небесную философію, ради того одного, чтобъ ей слѣдовали и тѣмъ пріобрѣтать себѣ существенное благо, не временное, но вѣчное“.

Поступая подобнымъ образомъ Апостоль могъ съ полною увѣренностью свидѣтельствовать о себѣ, что онъ „никого не обидѣлъ, никому не повредилъ, ни отъ кого не искалъ корысти“.

Неуклонно руководясь въ своей пастырски-апостольской дѣятельности указаннымъ принципомъ, св. Павелъ могъ вполне твердо свидѣтельствовать о себѣ: „мы никому ни въ чемъ не полагаемъ претыканія, чтобы не было порицаемо служеніе, но во всѣмъ являемъ себя, какъ служители Божіи“. Дѣло апостольскаго служенія было цѣлью

всей его жизни; оно поглощало всю безраздѣльно жизнь св. Павла, всю его энергію, такъ что ни для чего другого не оставалось уже и мѣста. Это былъ „человѣкъ“, въ самомъ полномъ смыслѣ „предавшій душу свою за имя Господа Иисуса Христа“. За „благовѣстіе“ Христово онъ „страдалъ даже до узъ, какъ злодѣй“, но и въ такихъ обстоятельствахъ показалъ, что „для слова Божія нѣтъ узъ“. Апостолъ и въ такихъ обстоятельствахъ не стыдился, не страшился, не терялъ присутствія духа, воодушевляясь воспоминаніемъ о воскресшемъ Господѣ и о томъ, что Богъ всегда „пребываетъ вѣренъ, ибо Себя отречься не можетъ“. Примѣръ—для всѣхъ пастырей не только назидательный но и воодушевляющій! Живописно изображаетъ это св. Златоустъ: „еслибъ мы были мірскими воинами, или вели войну чувственную, то эти узы, связывающія руки, имѣли бы силу; нынѣ же Богъ сдѣлалъ насъ такими, что насъ ничто не побѣждаетъ. Намъ связываются руки, но не языкъ; языкъ связать ничто не можетъ, развѣ только страхъ и невѣріе; если въ насъ нѣтъ ихъ, то хотя кто наложитъ на насъ оковы, проповѣдь не связывается...

Наше слово не подчиняется узамъ; но когда мы связаны, оно развязано и простирается впередъ. Какимъ, скажешь, образомъ? А вотъ—мы проповѣдуемъ (и „пишемъ“—*Θеофилакты*), хотя и связаны. Это говоритъ онъ для поощренія тѣхъ, которые не связаны: если мы, связанные проповѣдуемъ, то тѣмъ болѣе это надлежитъ дѣлать вамъ несвязаннымъ!—Апостолъ „ежечасно“ „подвергался бѣдствіямъ“, „каждый день“ чувствовалъ себя такъ, что онъ какъ бы обреченъ на смерть. И однако, съ какимъ „благодарушіемъ“ и изумительнымъ „терпѣніемъ“ переносилъ великій глашатай Христовой правды всѣ эти по—истинѣ нечеловѣческія „бѣдствія“, „нужды“, „тѣсныя обстоятельства“, „удары“, „темницы“, „изгнанія“, „бдѣнія“, „посты“, „го-

лодь и жажду“, „и наготу“, „и побои“, „и скитаніе“. Апостола бранили, злословили, а онъ благословлялъ; его по непріязни гнали, а онъ сносилъ это благодушно, безъ озлобленія, не допуская даже внутренняго движенія мстительныхъ чувствъ; его хулили, кляли, презрительно поносили,—какъ на отверженнаго призывали гнѣвъ Божій, Апостоль же молилъ за нихъ Бога, просилъ имъ отъ Бога всякой милости.

Не только безъ всякаго „унынія“, но и „съ великимъ дерзновеніемъ“, „съ радостію“ претерпѣвая ужаснѣйшія лишенія и страданія, проходилъ, т. обр., Апостоль свое служеніе, ибо онъ всегда ясно сознавалъ и чувствовалъ; что онъ поставленъ быть „служителемъ Новаго Завѣта“, въ коемъ „служеніе“ особенно „славно“, ибо оно есть служеніе „духа“, сл. „пребывающее“. Какъ таковое оно приноситъ ни съ чѣмъ несравнимыя блага для вѣрующихъ. И потому Апостоль „все терпѣлъ“ „ради избранныхъ, дабы и они получили спасеніе во Христвъ Иисусъ съ вѣчною славою“.

Профессоръ С. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Путь ко спасенію по св. Григорію Нисскому.

Богословско-психологическій этюдъ.

Изъ богатой сокровищницы богословско-философскихъ твореній св. Григорія еп. Нисскаго, сіявшаго на небосклонѣ „золотого“ (IV) вѣка христіанской литературы яркой звѣздой въ т. н. каппадокійскомъ созвѣздіи¹⁾,—мы черпаемъ сейчасъ мысли святого отца о процессѣ личнаго спасенія; иначе—о взаимодѣйствіи божественныхъ и человѣческихъ фактовъ на пути созиданія каждымъ человѣкомъ личнаго спасенія. Этотъ путь начертанъ Нисскимъ епископомъ—образно, всесторонне и со всею глубиною свѣтлаго ума святителя.

Но прежде чѣмъ сосредоточиться на анализѣ ученія св. Григорія о средствахъ и способахъ *субъективнаго* усвоенія человѣкомъ спасенія, совершеннаго Христомъ, наша мысль задерживается на томъ вопросѣ, который непосредственно и генетически связанъ съ темой нашего изслѣдованія и также имѣетъ мѣсто въ твореніяхъ св. отца,—на актѣ искупленія и всеобщаго спасенія человѣчества, какъ *объективномъ* данномъ. Объ этомъ мы скажемъ въ немногихъ словахъ²⁾.

I.

По ученію св. Григорія, тягчайшимъ послѣдствіемъ грѣхопаденія прародителей явилось искаженіе богоподобнаго человѣческаго образа и потеря людьми первобытнаго блаженства: боговидная красота души, говоритъ онъ, „созданная по подобію первообразной“, не сохранилась въ цѣ-

¹⁾ Свв. Василій В., Григорій Богословъ и Григорій Нисскій. ²⁾ Говоритъ объ этомъ вообще—мы вынуждаемся необходимостью избѣжать изложенія нашего вопроса *ex abrupto*.

лости, но „измѣнилась въ гнусный видъ грѣха“¹⁾. Человѣкъ лишился своего достоинства, „склонившись“ къ безобразію порока и разрушивъ гармонію своей собственной природы: его природа стала удобопреклонной ко злу, къ которому получила постоянное, „тяжелое и внизъ стремящееся“—тяготѣніе²⁾. Послѣ того, какъ человѣкъ палъ, преступно нарушивъ волю Божию, разрушилось и первоначальное тѣсное нравственное общеніе съ источникомъ всякаго блага; бездна между Богомъ и человѣкомъ увеличивалась, по мѣрѣ размноженія человѣческаго рода и грѣховности человѣчества. Отпаденіе человѣка отъ Бога повлекло за собою вообще всѣ бѣдствія человѣческой жизни и, наконецъ, смерть. Носитель образа Божія—сталъ „рабомъ“ діавола³⁾.

Возвратиться къ первоначальному своему состоянію—было выше силъ человѣка. Тѣ отдѣльныя черты прежняго совершенства, которыя сохранились въ человѣкѣ и послѣ его паденія—стремленіе къ добру и совершенству, что соединено „съ самой сущностью и природой человѣка“, любовь къ Первообразу, „т. е. религіозно-этическія потребности, свободная воля, умъ⁴⁾—все это не давало человѣку силъ, необходимыхъ для его возстанія⁵⁾. „Кому—говорить св. отецъ—должно было снова воззвать къ первоначальной благодати“?—исправить падшаго, воззвать погибшаго, руководить заблудшаго? — Конечно, — только Господу естества: „ибо одному только давшему жизнь въ началѣ—возможно и вмѣстѣ прилично было воззвать и жизнь погибающую“. Богъ человѣка сотворилъ въ началѣ и спасъ

¹⁾ Т. 7, стр. 342 сл.; ср. т. 2, стр. 363, стр. 78. Русскій переводъ св. Григорія нами цитируется по изданію: „Творенія иже во святыхъ отца нашего Григорія, еп. Нисскаго. Части I—VIII. Москва. 1861—65 гг.“.

²⁾ Подробно объ этомъ см. у насъ ниже. Т. 7, стр. 149; ср. т. I, стр. 152; т. 2, стр. 30; т. 8, стр. 4, 35 и др. ³⁾ См. т. 2, стр. 119; т. 3, стр. 49, 445; т. 4, стр. 17 сл.; т. 5, стр. 451, 352, 394, 397 и др. ⁴⁾ Т. 7, стр. 217. См.

насъ ниже. ⁵⁾ Т. 1, стр. 259, 280, 383, 432.

его, когда онъ палъ¹⁾. Богъ совершилъ спасеніе человѣчества черезъ Единороднаго Сына своего, Который принесъ Себя въ жертву за грѣхи людей²⁾, и Своимъ искупительнымъ подвигомъ оправдалъ все надшее человѣчество передъ очами правосуднаго Бога³⁾, освободилъ человѣка отъ власти діавола⁴⁾ и возстановилъ человѣка въ первоначальное состояніе, въ прежнее „*богоподобіе*“⁵⁾.

Но по отношенію къ спасенію cadaго отдѣльнаго чело-вѣка эти плоды искупительнаго подвига Христа имѣютъ объективную значимость—все человѣчество спасено въ потенціи⁶⁾: новое „нѣкое начало“, говоритъ св. Григорій, которое внесъ Христосъ въ естество чело-вѣка, „переходитъ на весь родъ чело-вѣческой—*въ возможности*“⁷⁾. Каждый чело-вѣкъ призванъ ко спасенію, искупленіе—универсально, но не каждый чело-вѣкъ пользуется плодами искупленія и спасенія. Поэтому актъ спасенія cadaго чело-вѣка необходимо имѣть другую свою сторону—субъективное усвоеніе чело-вѣкомъ—самостоятельно, при содѣйствіи Божіемъ,—совершеннаго Господомъ дѣла спасенія чело-вѣчества.

Это усвоеніе плодовъ спасительнаго дѣла Христова и вводитъ въ наше естество то жизненное „начало“ и очищаетъ насъ отъ грѣховъ, отъ которыхъ мы искуплены Христомъ. Св. Григорій говоритъ: Тотъ, Кто принялъ на Себя, „подобіе грѣха“, освобождаетъ чело-вѣка отъ грѣха, но, дѣлая „угрызения его не смертельными“, Онъ не уничтожаетъ самыхъ змievъ *похотѣній*. Кто взираетъ на

¹⁾ Т. 4, стр. 35—36. *Migne*, t. 45, *Op. cat.*, c. 8, col. 40. Ср. т. 1, стр. 433, 387; т. 2, стр. 41, 30, 37; т. 5, стр. 456, 497; т. 7, стр. 448 и др.

²⁾ Т. 7, стр. 113, 114; т. 1, стр. 408 и др. ³⁾ Т. 6, стр. 43; т. 1, стр. 268 и др. ⁴⁾ Т. 4, стр. 60; т. 2, стр. 41; т. 8, стр. 33, 15 и др. ⁵⁾ Т. 7, стр. 79

254; т. 1, стр. 339 - 340, 401, 433; т. 6, стр. 24, 25 и др. Христосъ сообщилъ чело-вѣчеству *врачеваніе* отъ его недуга, прившедшаго въ чело-вѣческое естество съ грѣхопадениемъ, и при этомъ—см. у насъ подробно далѣе—поскольку *вся жизнь чело-вѣка осквернена грѣхомъ, то и омывающая сила должна коснуться всего чело-вѣка*. Т. 4, стр. 70 - 71, стр. 73, 74. ⁶⁾ Т. 4, стр. 50; т. 3, стр. 388. ⁷⁾ Т. 4, стр. 50. *Migne*, t. 45, *Op. cat.*, col. 52.

крестъ, тотъ не подвергается дѣйствию на него „лукавой смерти“, но „похотѣніе плоти на духъ“ не „вовсе погнбло въ нихъ“¹⁾. И вотъ, человѣческому личному труду предлежитъ тяжелая нравственная борьба въ жизни за возвращеніе подобія Божія и за обѣщанное блаженство въ вѣчной жизни; ему „предстоитъ очищать наросшую отъ грѣха нечистоту и извести на свѣтъ скрытую въ душѣ красоту образа Божія“²⁾, чтобы очищеннымъ войти въ обѣтованное царство Божіе и наслаждаться всѣми благами вѣчнаго спасенія и вѣчнаго Богообщенія³⁾.

Какъ совершается человѣкомъ этотъ путь ко спасенію? Мы подошли къ области нашей проблемы.

Одинъ изъ западныхъ патрологовъ вполне справедливо отмѣчаетъ, что св. отецъ рѣшаетъ нашъ вопросъ не на спекулятивно-богословской почвѣ, но исходя изъ этико-практической точки зрѣнія⁴⁾. Мы собираемъ, сопоставляемъ и освѣщаемъ тѣ отдѣльныя мысли св. отца по этому предмету, какія разбросаны въ его наставленіяхъ касательно практической нравственной жизни; а эти изложены, главнымъ образомъ, въ его разсужденіяхъ аскетическаго характера и при изъясненіи Св. Писанія⁵⁾. Систематиче-

¹⁾ De vita Moys Migne, t. 44, col. 416. Русск. пер. т. 1, стр. 360—361.
²⁾ Т. 7, стр. 344 сл. Ср. т. 1; стр. 137, 169; т. 2, стр. 66, 77; т. 3, стр. 26 162—3, 170 сл., 234, 388; т. 4, стр. 235, 274 и др. ³⁾ См. т. 2, стр. 2, 82, В. Aufhauser. Die Heilslehre des hl. Gregor von Nyssa. München. 1910. 83, 114, 253, 320, 324, 342, 362: „Съ чистотою жизни опрягается царство“— т. 1, стр. 331; ср. стр. 89 и др.; т. 8. стр. 22—23 сл., 131, 404: „настоящая жизнь—зерно; жизнь ожидаемая—колосъ“. „Очищенный, по Григорію Н., дѣлается участникомъ въ чистотѣ, и истинная чистота есть Божественная природа“—говоритъ Julius Kapp, Gregors, des Bischofs v. Nyssa, Leipzig, 1834. S. 237. ⁴⁾ Ioh. Leben und Meinungen. S. 127. ⁵⁾ Weiss, на примѣръ. говоритъ, что св. Гр. Н. въ псалмахъ Давида находитъ „философію добродѣтели“ и по псалмамъ строить (св. Гр.) „лѣстницу, которая должна вести человѣка къ совершенству (Weiss, Die gros sen Kappadocier: Basilius, Gregor von Nazianz und Gregor von Nyssa, als Exegeten. Braunsberg. 1872. S. 105—106.—Матеріалъ для раскрытія нашего вопроса даютъ преимущественно слѣдующія произведенія св. Григорія Нисскаго: „Точное изъясненіе Соломонова Екклесіаста“ (т. II), Точное объясненіе на книгу „Пѣснь Пѣсней“ (т. III), О молитвѣ Господней, (т. I), О блаженствахъ, О дѣвствѣ,

скаго и даже вообще спеціального въ особомъ трактатѣ, разрѣшенія вопроса о факторахъ спасенія чловѣка—у св. Григорія Нисскаго нѣтъ.

Итакъ—мы приступаемъ къ разрѣшенію поставленной нами задачи.

Іеромонахъ Николай (Ярушевичъ).

(Продолж. слѣд.)

О цѣли жизни по Богѣ, Слово противъ македоніанъ духоборцевъ, Поученія объ образѣ и подобіи Божіемъ въ чловѣкѣ, Слова на Св. Пасху, Слово „на день свѣтовъ, въ который крестился Господь нашъ“, „Двѣ книги о надписаніи псалмовъ“, О жизни Моисея, О христіанскомъ званіи или упованіи, О совершенствѣ и о томъ, каковымъ нужно быть христіанину, О душѣ и воскресеніи, О преждевременно умирающихъ младенцахъ, Бесѣда на шестой псаломъ и др.

Забытые заветы.

(Педагогическія воззрѣнія св. Іоанна Златоуста).

Въ настоящее время, когда вопросы педагогики получили такую живучесть и интересъ, что о нихъ чуть ли не толкуютъ на рынкахъ и площадяхъ и печатные органы перестраиваютъ множествомъ самыхъ противоположныхъ взглядовъ, не излишне вспомнить, какъ рѣшали эти вопросы св. отцы и учителя церкви. Вѣдь они, въ сущности, воспитали и образовали цѣлыя поколѣнія христіанъ, и христіанъ, если можно такъ выразиться, весьма высокой пробы. Могучая самособранность ихъ духа давала имъ возможность всесторонне наблюдать жизнь и предлагать пасомымъ совѣты во всѣхъ ея областяхъ. Такой вопросъ, какъ вопросъ воспитанія и образованія восходящихъ поколѣній, конечно, не могъ быть обойденъ ими и долженъ быть рѣшаемъ. Правда, эти рѣшенія не получали характера стройно развитой педагогической системы и высказывались лишь отрывочно по мѣрѣ нужды съ церковной кафедры. Нужно помнить, что всѣ св. отцы свои педагогическія воззрѣнія строятъ на одномъ общемъ фундаментѣ—св. Писаніи. Свящ. Писаніе—это ихъ единственный источникъ, ихъ единственная база. Отсюда—одинаковость и сходство существенныхъ чертъ въ рѣшеніи ими основныхъ педагогическихъ вопросовъ. А если такъ, то знакомство съ воззрѣніями Іоанна Златоуста можетъ ввести насъ въ духъ свято-отеческой педагогики. Наша непосредственная задача—дать концепцію взглядовъ І. Златоуста на воспитаніе и образованіе. Къ строенію ея мы и обращаемся.

I.

Корень воспитанія кроется въ семьѣ. Будучи источникомъ здоровой нравственной жизни, она является первымъ и главнымъ „очагомъ воспитанія“. Такъ какъ тѣ впечатлѣнія, которыя западаютъ въ душу дитяти остаются на всю жизнь, то отсюда—воспитаніе дѣтей—первая и священнѣйшая обязанность родителей; она есть ихъ природная обязанность и только исполненіе ея даетъ право называться родителями. „Богъ вложилъ въ природу родителей влеченіе къ дѣтямъ, чтобы поставить ихъ въ неизбѣжную необходимость заботиться о дѣтяхъ, дабы они имѣли въ нихъ наставниковъ въ добродѣтели. Это наставленіе въ добродѣтели и хорошее образованіе дѣтей, а не одно только рожденіе и ношеніе во чревѣ дѣлаеть отцами и матерями. Что это—справедливо—могутъ подтвердить намъ сами родители. Они часто видя, что дѣти ихъ сдѣлались негодными и развратными,—отсѣкаютъ ихъ отъ своего родства, отказываются отъ нихъ и усыновляютъ себѣ другихъ. Всякое нарушеніе родителями обязанностей воспитанія не извинительно и „доставляетъ высшее несчастіе“. Чѣмъ ты—говоришь Іоаннъ Зл.—оправдаешься? Не предоставилъ ли я, сказано будетъ тебѣ, дитяти жить вмѣстѣ съ тобою съ самаго начала? Я поставилъ тебя надъ нимъ въ качествѣ учителя, наставника, опекуна и начальника, всю власть надъ нимъ не отдалъ ли я въ твои руки? Не повелѣлъ ли я тебѣ его обрабатывать и упорядочивать? Какое же ты получишь оправданіе, если съ безпечностью будешь смотрѣть на его прыжки. Что ты скажешь? Что онъ разнузданъ и неукротимъ? Но тебѣ нужно было глядѣть на все это сначала, обуздывать его, когда онъ былъ молодъ и доступенъ уздѣ; тщательно его пріучать и направлять къ должному, укрощать его душевные порывы, когда онъ былъ

воспримчивѣ къ воздѣйствию; вотъ тогда бы оставленные тобой безъ вниманія страсти не усилились и не сдѣлались неисправимыми. Родители, нерадящіе о дѣтяхъ тяжело наказываются“, какъ напр. первосвящ. Илій; они недостойны и Царства Божія за необученіе дѣтей, тогда какъ попечительныхъ Богъ удостоиваетъ почестей и похвалъ, какъ напр. Анну. Такъ нѣтъ оправданія родителю, допустившему сына до порочности и развращенія. Но этого мало. „Нерадѣніе о дѣтяхъ—больше всѣхъ грѣховъ, оно равносильно дѣтоубійству. Родители, которые не заботятся о благопристойности и скромности дѣтей, бываютъ дѣтоубійцами и жесточе дѣтоубійць, поскольку здѣсь дѣло идетъ о погибели и смерти души. „Не такъ жестоко изострить мечъ, взять его въ правую руку и вонзить въ самое горло сына, какъ погубить и развратить душу, ибо равнаго ей нѣтъ у насъ.

Слѣдствія, какія вытекаютъ изъ воспитанія дѣтей, заботы объ ихъ благѣ и собственная же польза родителей „не позволяютъ быть безпечными по отношенію къ нимъ, и даютъ новый мотивъ для ревностнаго исполненія этой обязанности. Отъ воспитанія дѣтей зависитъ вся общественная жизнь: „если бы отцы тщательно воспитывали своихъ дѣтей, то ненужно бы было ни законовъ, ни судилищъ, ни мщеній, ни наказаній, ни убійствъ, такъ какъ тогда бы „прекратились всѣ скорби, настоящая жизнь избавилась бы отъ безчисленныхъ золъ“. Отцы и матери, воспитывая дѣтей, могутъ пожать плоды добродѣтели своихъ дѣтей, положить основаніе своему собственному спасенію, получаютъ великую награду за ихъ воспитаніе отъ Бога и будутъ прославлены Христомъ. Мало того, они воздадутъ будущее благо дѣтей: „дѣти, хорошо воспитанныя, будутъ уважаемы, ибо „человѣка, живушаго добросовѣстно и пристойно—всѣ почитаютъ, а отъ порочнаго и развратнаго—всѣ отвращаются“. А то, не радѣя о воспитаніи дѣтей „мы

же первые и пожинаемъ плоды, видя дѣтей дерзкими невоздержанными, развратными, и т. д. "... Будучи общою обязанностью супруговъ, попеченіе о дѣтяхъ лежитъ, главнымъ образомъ, на матери. Причина этого ясна; тогда какъ на обязанности отца лежитъ забота о добываніи средствъ къ жизни, въ силу чего, онъ часто даже не бываетъ дома, мать, окруженная постоянно дѣтьми, естественно стоитъ какъ бы на стражѣ ихъ интересовъ, болѣе понимаетъ ихъ духовныя потребности, а потому и является ихъ ближайшей воспитательницей.

Изображая идеаль женщины—матери въ лицѣ Анны, Іоаннъ Златоустъ рисуетъ ее въ такихъ восторженныхъ словахъ: „не могу я выбросить этой жены изъ своего ума,—такъ удивляюсь благолѣпію ея души и красотѣ сердца. Я люблю глаза, слезящіяся во время молитвы и постоянно бодрствующія; люблю губы и уста не раскрашенныя какими-нибудь притираньями, но красующіяся благодарностью къ Богу, каковы и были у Анны. Удивляюсь ей за то, что она показала терпѣнье, будучи женщиной, — женщиной, которую часто многіе порицали. Ея любомудріе, великодушіе и терпѣніе всѣ знаютъ и прославляютъ. Ей подражайте, жены“, ибо воспитаніе только такой матери и можетъ быть дѣйствительнымъ. А „что, если сама мать будетъ безчестна и исполнена безчисленныхъ пороковъ? Уже ли воспитаніе дѣтей принесетъ имъ какую-либо пользу? Не будетъ ли болѣе вѣроятнымъ, что она воспитаеъ ихъ, подобными себѣ?“

Подводя итогъ сказанному, мы находимъ, что воспитаніе дѣтей, будучи преимущественно заботой матери, въ силу ея большей близости къ ребенку, есть въ то же время и общая обязанность родителей. Отсюда естественно возникаетъ вопросъ: какъ же они должны воспитывать своихъ дѣтей. А такъ какъ воспитательныя средства всегда должны вытекать изъ той цѣли, какую ставить воспитатель

и ею опредѣляться, то мы должны посмотрѣть, какую цѣль воспитаніе указываетъ Іоаннъ Зл. въ своихъ педагогическихъ воззрѣніяхъ?

II.

Мы уже упомянули, что въ рѣшеніи всѣхъ принципиальныхъ вопросовъ педагогическаго характера св. отцы исходили изъ св. Писанія. На немъ же утверждается и І. Златоустъ въ рѣшеніи вопроса о цѣли воспитанія, полагая таковою начертанный въ св. Писаніи вѣчный идеаль— нравственное совершенство. Отсюда—созданіе самособранной нравственно-мощной личности, которая могла бы преуспѣвать въ добродѣтели, должно ставить своею цѣлью христіанское воспитаніе. А такъ какъ, зло и добродѣтель происходятъ не отъ природы, а получаютъ отличительныя свойства свои отъ душевнаго настроенія, то для достиженія поставленной цѣли нужно заботиться объ укрѣпленіи и воздѣльваніи души. „Нѣтъ болѣе суровой пустыни, какъ невоздѣланная душа, ставшая обиталищемъ звѣрей; подобно тому, какъ въ пустыняхъ обитаютъ звѣри и произрастаютъ терніи,—такъ и въ невоздѣланныхъ душахъ людей“. Отсюда—усовершенствованіе души и укрѣпленіе въ добродѣтели—первая и прямая задача воспитанія. Какъ рука художника тщательно обрисовываетъ статую, такъ должно съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усовершенствовать душевную красоту. Такой душевной красотой является добродѣтель. „Не оставляй лучше дѣтямъ богатства, а оставь имъ добродѣтель“, потому что если она отсутствуетъ, то и тѣ сокровища, какія есть, погибаютъ; если же она на лицо, то и тѣ, какихъ нѣтъ, приходятъ. Поэтому, родителямъ слѣдуетъ думать не о томъ, какъ бы сдѣлать дѣтей богатыми серебромъ и золотомъ,—а о томъ, чтобы они стали всѣхъ богаче стяжаніемъ добродѣтели“. Обращаясь къ дѣй-

ствительному положенію воспитанія, Іоаннъ Эл. находить, что оно не соотвѣтствуетъ указанной цѣли. „Многіе изъ отцовъ принимаютъ всѣ мѣры, чтобы у сына былъ прекрасный конь, блестящій домъ и многоцѣнное поле; преподають ему искусство и внѣшнее знаніе, посредствомъ которыхъ онъ станетъ пріобрѣтать деньги; о томъ же, чтобы у него была прекрасная душа и благочестивое намѣреніе,—этому они не оказываютъ ни какого вниманія, а между тѣмъ, всѣ пріобрѣтенія безъ добродѣтели должны погибнуть и приносятъ вредъ. Мало того,—если „ничто такъ не дѣлаетъ дней глупыми, какъ злоба, то ни что такъ и не дѣлаетъ ихъ разумными, какъ добродѣтель; она дѣлаетъ ихъ признательными, благонамѣренными, человѣколюбивыми, тихими, кроткими—рождаетъ и всѣ другія совершенства“. Въ силу такого важнаго значенія добродѣтели, Іоаннъ и просить родителей „посвящать на служеніе (добродѣтели) своихъ дѣтей и заготовлять для нихъ богатство, свойственное этой жизни, не закапывая въ землю золота и не собирая серебра, но слагая въ душѣ ихъ кротость, цѣломудріе, скромность и всѣ другія добродѣтели. вмѣсто того, чтобы заботиться объ имуществѣ „обуздай душу сына твоего, а имущество онъ уже послѣ получить. Если душа у него не хороша, то онъ не будетъ имѣть ни малѣйшей пользы отъ денегъ, и наоборотъ, — если ей дано правильное воспитаніе,—то бѣдность нисколько не повредитъ ему. Хочешь оставить его богатымъ—научи его быть добродѣтельнымъ. Наученіе дѣтей добродѣтели не должно откладывать, а начинать съ дѣтства, не оставляя его и въ юности. „Этотъ то (дѣтскій) возрастъ преимущественно и нуждается въ такихъ урокахъ. Возрастъ нѣжный,—онъ скоро усвоетъ себѣ то, что ему говорятъ, и какъ печать на воскѣ въ душѣ дѣтей отпечатлѣвается то, что они слышатъ. А между тѣмъ, и жизнь ихъ тогда уже начинаетъ склоняться или къ пороку или къ добродѣтели. Поэтому,

если вначалѣ, и такъ сказать, въ преддверіи отклонить ихъ отъ порока и направить ихъ на лучшій путь, то на будущее время это уже обратится имъ въ навѣкъ и какъ бы въ природу и они уже не такъ удобно по своей волѣ будутъ уклоняться къ худшему, потому что новыхъ будетъ привлекать ихъ къ добрымъ дѣламъ“. Такъ, насаждая добродѣтель въ душѣ дитяти, нельзя оставить его и въ юности, особенно, если въ дѣтствѣ не успѣлъ выработаться прочный навѣкъ къ добродѣтели. „Шипы должно исторгать въ юномъ возрастѣ, ибо страсти, оставленныя въ пренебреженіи, возрастаютъ и дѣлаются неисправимыми“.

„Что конь необузданный, что звѣрь неукротимый,—то же самое и юность. Поэтому, если вначалѣ поставили для нея надлежащія предѣлы, то впослѣдствіи не будемъ имѣть для нея нужды въ великихъ усиліяхъ, напротивъ, потомъ привычка обратится для нихъ въ законъ. Не позволимъ же имъ дѣлать того, что пріятно и вмѣстѣ вредно“. Изъ добродѣтелей особенно цѣнно цѣломудріе; оно создаетъ истинную красоту души, красоту юности, оно укрѣпило праотцовъ, сдѣлавъ ихъ непоколебимыми столпами вселенной, врачующими души людей. А между тѣмъ, „ничто не требуетъ у юношей такого старанья и заботы, какъ цѣломудріе и чистота, потому что эта особая страсть обуравляетъ этотъ возрастъ“. Отсюда, необходимо зорко наблюдать за окружающей обстановкой и вліяніями дѣтей. „Что дѣлаемъ мы относительно свѣтильниковъ, тоже будемъ соблюдать по отношенію къ дѣтямъ. Часто случается, что когда служанка зажжетъ огонь мы не велимъ ей подносить свѣтильника туда, гдѣ лежитъ тростникъ, сѣно или что-нибудь подобное, чтобы не упала незамѣтно искра и не сожгла всего дома. Такъ же будемъ заботиться и о дѣтяхъ и не станемъ обращать ихъ взоры туда, гдѣ бываютъ безчестныя служанки, нескромныя дѣвицы и распутныя рабыни; а если есть у насъ такая служанка, или рабыня, или вообще дру-

гая какая этого рода дѣвица, то прикажемъ и подтвердимъ имъ, чтобы онѣ и не являлись на глаза и не вступали въ разговоръ съ юношами, чтобы попавшая отсюда искра не воспламенила всей души дитяти, и не причинила безутѣшнаго горя“. Такъ какъ и общественная жизнь въ силу того, что корни язычества были въ ней глубоки, представла немало соблазновъ, то и здѣсь нужно всячески оберегать дѣтей: „будемъ удалять дѣтей не только отъ зрѣлищъ, но и отъ слушанія соблазнительныхъ и развратныхъ пѣсень, чтобы ими не прельстилась душа ихъ. Не будемъ водить ихъ въ театры, на пиры и попойки, но станемъ беречь юношей еще болѣе, чѣмъ дѣвъ, скрывааемыхъ во внутреннихъ покояхъ“. Такъ какъ влеченіе чувственности сильнѣе всего проявляются въ юношескомъ возрастѣ, то однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ сохранить дѣтей въ цѣломудріи—является благовременный бракъ. „Пусть тѣ, которые имѣютъ дѣтей, находящихся въ юношескомъ возрастѣ и намѣреваются ввести ихъ въ мірскую жизнь—скорѣе соединяютъ ихъ узами брака. Когда наступитъ пора брака, пусть никто не медлитъ связывать дѣтей своихъ брачными узами, такъ какъ отъ чистоты и цѣломудренности брачующихся зависитъ благоденствіе ихъ дальнѣйшей жизни.

Но какъ преуспѣяніе въ добродѣтели вообще и въ цѣломудріи вчастности возможно лишь при извѣстномъ направленіи воспитанія и именно направленіи религіозно-нравственномъ. Это направленіе Златоустъ опредѣляетъ словами: станемъ воспитывать дѣтей въ наказаніи, ученіи и страхѣ Господнемъ. Все у насъ должно быть второстепеннымъ въ сравненіи съ тѣмъ, чтобы воспитать дѣтей въ наказаніи и ученіи Господни“. Такими воспитательными средствами и должно быть. чтеніе св. Писаніе и посѣщеніе храма. „Никто не говори мнѣ, что намъ нужно заниматься этимъ (св. Писаніемъ) съ дѣтьми. Не только этимъ

должно заниматься, но объ этомъ только одномъ и надо бы вамъ заботиться. Но я не отвожу дѣтей отъ постороннихъ занятій... Я считаю только справедливымъ, чтобы одинъ изъ семи дней былъ посвященъ нашему общему Господу“. „Всякія отговорки не извинительны. Когда вы водите дѣтей на зрѣлища, то не находите препятствія къ этому ни въ наукахъ, ни въ другомъ чемъ-нибудь. А когда надо собрать и получить какую-нибудь духовную пользу,—вы это дѣло называете бездѣльемъ. Какъ же вы не прогнѣваете Бога, когда во всемъ другомъ упражняете своихъ дѣтей, и на то находите время, а занимать ихъ дѣломъ Божьимъ считаете тягостнымъ и неблаговременнымъ для дѣтей. Не говорите, что это хорошо только для монастыря. Я не отсылаю васъ туда..., но довольно, если сынъ вашъ будетъ христіаниномъ. Ему опредѣлено жить въ мірѣ. Въ священныхъ книгахъ онъ узнаетъ правила своего поведенія, особенно, если будетъ прибѣгать къ нимъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. И „не безразсудно ли учить дѣтей искусствамъ, посылать ихъ для этого въ училище, ничего не жалѣть для этого, а о воспитаніи въ наказаніи и ученіи не заботиться. Вся порочность дѣтей оттого что мы не сначала, не съ перваго дѣтства руководимъ ихъ къ благочестію. О томъ, чтобы они получили внѣшнее воспитаніе и поступили въ военную службу мы стараемся... а на то, чтобы они были въ уваженіи у Царя Ангеловъ— не обращаемъ никакого вниманія. На зрѣлища ходитъ мы постоянно позволяемъ имъ, а въ церковь—не принуждаемъ никогда, если же однажды или дважды дитя побудетъ, то бываетъ тамъ безцѣльно, тщетно, напрасно и для забавы. Не такъ должно быть; но какъ посылая въ училище мы требуемъ отъ нихъ отчета въ наукахъ, такъ и въ церковь посылая, а еще болѣе ведя. Не другимъ ввѣрятъ ихъ, но самимъ съ ними нужно бы входить сюда и должно было бы требовать, чтобы они понимали слышанное и

преподаваемое здѣсь... Если бы и дома они постоянно слышали бесѣды о любомудрїи и совѣсти о должномъ и здѣшнее присоединилось бы у нихъ къ тому, то скоро бы они показали намъ плодъ этихъ прекрасныхъ сѣмянъ“.

Такимъ образомъ, каждый отецъ долженъ дѣлать изъ своего дома какъ бы церковь, подобно Филимону и, собирая дѣтей, долженъ читать слово Божіе, равно какъ и воспроизводить слышанное въ церкви, насаждая и поддерживая духъ церковности, долженствующей обнять всю жизнь и объединить всѣхъ въ великій нравственный союзъ любви. Въ этомъ и заключается цѣль и смыслъ религіозно-нравственнаго направленія въ воспитаніи по ученію святаго отца. Но такъ какъ жизнь тогдашняго общества требовала знаній и развитіе ума, то родители, сознавая свое безсиліе, должны были вести дѣтей къ учителямъ и поручать ихъ воспитателямъ.

Но въ виду того, что такими учителями были по большей части язычники и очагами образованія классическія школы, то къ нимъ и должны были прибѣгать родители. Какъ же къ этому относится Іоаннъ Златоустъ, и какъ вообще рѣшаетъ вопросъ объ образованіи?

Георгій Чайкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Основы русскаго сектантства^{*)}).

III.

Двоякій характер сектантскаго самоавторитета, въ силу котораго все русское сектантство, выйдя изъ одной общей основы—авторитета своего „я“, въ дальнѣйшемъ, однако, потекло по двумъ различнымъ русламъ—раціоналистическому и мистическому, естественно наложилъ свою печать и на дальнѣйшія судьбы каждой, въ отдѣльности, изъ двухъ категорій сектъ — раціоналистическихъ и мистическихъ. Поставивъ свой личный разумъ высшимъ для себя авторитетомъ, русское раціоналистическое сектантство тѣмъ самымъ бросило себя въ объятія крайняго произвола въ дѣлѣ чтенія и пониманія Библии и вообще вопросовъ вѣры. Вслѣдствіе этого оно и стало дробиться на враждебныя одна другой секты, а секты, въ свою очередь,—на враждебныя одинъ другому толки. Попытки создать въ своихъ нѣдрахъ авторитетъ *коллективнаго* „я“ и тѣмъ пресѣчь взаимныя распри и раздѣленія—потерпѣли крушеніе. А между тѣмъ жгучій вопросъ о необходимости единенія становился все болѣе и болѣе роковымъ для русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ. Они видѣли, что быстро идутъ по пути къ самоуничтоженію, что сами насаждаютъ въ нѣдрахъ своихъ царство внутреннихъ междоусобій и хаоса. Въ стремленіи найти

^{*)} См. м. Февраль.

базу для взаимнаго единенія, они сперва выдвинули, было, въ качествѣ такой базы, общую борьбу съ Православною Церковью, подъ именемъ борьбы съ „*обрядовѣріемъ*“ и во имя служенія-де Богу „въ духѣ и истинѣ“ (Ев. Иоан. 4 гл. 23—24 ст.), что тоже, по ихъ превратному истолкованію, служенія „безобрядоваго“ или „духовнаго“. Но такая *отрицательная* база скоро перестала ихъ удовлетворять. Да это и психологически вполне понятно: религиозное чувство не можетъ долго питаться однимъ только отрицаніемъ. Посему, скоро обнаружилась и у русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ жгучая потребность въ положительной базѣ для религиознаго единенія, открылась нужда въ работѣ творческой въ этомъ направленіи и притомъ внѣшне ощутимой, воплощаемой въ религиозной видимости: такъ тѣло мстило за искусственное удаленіе его отъ прославленія Бога и за лжедуховное самообольщенное служеніе Богу. Давалъ себя со всею силою знать завѣтъ св. апостола: „прославляйте Бога и въ *тѣлахъ* вашихъ... которыя суть Божіи“ (1 Коринѣ. 6 гл. 20 ст.). Вотъ здѣсь то ярко и сказалось безсиліе сектантовъ-раціоналистовъ создать единеніе *внутреннее, въроисповѣдное*,— безсиліе, обусловленное главною основою ихъ, т.-е. признаніемъ ими для себя авторитета только своего „я“.

Стремленіе къ взаимному единенію у сектантовъ-раціоналистовъ особенно ярко обрисовалось уже въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда „западничающіе“ или сектофильскіе слои русской интеллигенціи рѣшили принять судьбы внутренне-мятущагося русскаго сектантства въ свои руки и тѣмъ взять его подъ свою духовную опеку.

Уже въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія весьма богатый отставной полковникъ Пашковъ, пресыщенный „злаками“ великосвѣтской жизни и духовно закабалившій себя, по примѣру многихъ изъ русской аристократіи по-

слѣ—Петровскаго времени, западу, въ поискахъ дѣла у себя, въ Россіи, увлекся мыслью объединить всѣхъ русскихъ сектантовъ въ одинъ союзъ. Для этой цѣли онъ и сталъ практиковать поразительную „приспособляемость“ или подкладливость въ вопросахъ вѣры. Требовалось ввести въ союзъ какъ можно большее число сектъ, для чего надо было найти въ нихъ нѣчто общее и на немъ обосновать ихъ объединеніе. Задача была трудная, особенно при множествѣ сектъ, при разнообразіи и противорѣчивости ихъ ученій. Дѣло осложнялось еще и тѣмъ, что къ этому времени секты, враждуя между собою и поглощая одна другую, уже съ рѣзкимъ фанатизмомъ отгородились одна отъ другой и вели между собою сильныя распри по вопросамъ вѣры—догматическимъ и обрядовымъ (напр. молокане и баптисты).

Какъ духовный питомецъ англійскаго лорда, Пашковъ, усвоивъ въ Лондонѣ самую идею опеки надъ простонароднымъ сектантствомъ,—тамъ же нашель разрѣшеніе вопроса и о базѣ для объединенія русскихъ сектъ.

Еще въ 1845 г. въ Шотландіи образовался „Всемирный Евангельскій Союзъ“, избравшій, затѣмъ, своимъ центромъ Лондонъ. Союзъ этотъ поставилъ для себя цѣлью—объединеніе всѣхъ протестантовъ, безъ различія ихъ конфессій, т. е. исповѣданій и сектъ, чтобы общими силами повести дѣло „евангелизаціи“ всего міра. Въ основу объединенія было положено *одно только признаніе Евангелія*, внѣ связи такого признанія съ самымъ пониманіемъ евангелія. Отсюда союзъ усвоилъ себѣ и названіе „евангельскаго“, а своимъ членамъ званіе „евангельскихъ христіанъ“.

Какъ ни произвольна, формальна, искусственна и шатка была база Союза, при наличности признанія Евангелія и сотнями милліоновъ *непротестантскихъ* христіанъ, при нерѣдко до крайности противорѣчивомъ пониманіи Евангелія и многочисленными протестантскими сектами, напри-

мѣрь, — „адвентистами седьмого дня“, считающими не суб-
ботствующихъ христіанъ за язычниковъ, — однако, Союзъ
сталъ постепенно расти, представляя собою конгломератъ
протестантизма, механическую спайку часто весьма вра-
ждебныхъ другъ-другу исповѣданій и сектъ. Такая спайка
является лучшимъ доказательствомъ безсилія протестан-
тизма понять самую природу христіанства, самое суще-
ство подлинно евангельскаго союза, не какъ конгломерата
осколковъ разныхъ породъ, а какъ организма, всѣ члены
котораго объединены одною душою, однѣми мыслями, одними
чувствованіями, одною жизнью. Здѣсь разномысліе, да еще
по многимъ существеннымъ вопросамъ вѣры и жизни, чѣмъ
такъ богаты многочисленныя протестантскія секты, рушить
гармонію и самое существо истинно-христіанскаго Союза.
Вмѣсто „Всемирнаго Евангельскаго Союза“ получается соб-
ственно „Всемирный“ римскій Пантеонъ, крышу котораго
замѣняетъ евангельская обложка. Вѣдь, только согласное
пониманіе евангелія, проявляющееся внѣ—въ вѣроопредѣле-
ніяхъ или догматахъ и въ самой жизни, составляетъ су-
щество подлинно евангельскаго союза или Церкви Хри-
стовой. И это вызывается не только стремленіемъ вѣрую-
щихъ стать однимъ тѣломъ и одною душою во Христѣ,
но и потребностями Церкви, какъ воинствующей здѣсь—
на землѣ и обязанной дать отчетъ о своемъ упованіи
всѣмъ вопрошающимъ. Отнимите отъ любой христіанской
Церкви или конфессіи ея вѣроопредѣленія, въ которыхъ
сказались ея пониманіе благой вѣсти Христа и принципы
ея религіозной жизни, или хотя-бы внѣдрите въ сознаніе
ея безразличное отношеніе къ этимъ вѣроопредѣленіямъ,—
и не станетъ самой Церкви, и превратится она въ поле,
усѣянное сухими костями. Вотъ почему за безразличіемъ
къ догматамъ вѣры или за бездогматностью обязательно
идеть принципиальная аконфессіональность или безцерков-
ность. Получается бездогматное и *безцерковное христіан-*

ство, котораго не знаетъ Евангеліе, но которое` составляетъ сущность „Всемирнаго Евангельскаго Союза“. Однако, природа вопросовъ вѣры такова, что на нихъ` возможенъ только двоякій отвѣтъ: или *да*, или *нѣтъ*. Въ первомъ случаѣ за рѣшеніемъ слѣдуетъ исполненіе, во второмъ—отрицаніе. И аконфессіонализмъ неизмѣнно завершается отнюдь не „нейтралитетомъ“ по отношенію къ идеѣ Церкви, а отрицаніемъ и изгнаніемъ этой идеи, подобно тому, какъ и государственный религіозный „нейтралитетъ“ обязательно завершается атеизмомъ и гоненіемъ на религію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ бездогматности и безцерковности „Всемирнаго Евангельскаго Союза“ сильно сказалось вліяніе политической жизни европейскихъ государствъ, насквозь пропитанной парламентаризмомъ, съ его партійными соглашениями, безконечными и безпредѣльными компромиссами и вѣшнимъ конгломератнымъ единеніемъ. Такое печальное вторженіе государственныхъ принциповъ въ жизнь протестантской Церкви является не случайнымъ, а историческимъ, и обусловлено въ своемъ исходномъ пунктѣ самой сущностью протестантизма, покоящейся собственно на вѣрелигіозномъ и чисто-человѣческомъ авторитетѣ, высшимъ воплощеніемъ коего и является государство.

Къ описанному нами религіозному „единенію“ Пашковъ сталъ звать и русскихъ сектантовъ. Поднятое имъ движеніе также получило названіе „евангельскаго“, причемъ пашковцы постепенно усвоили себѣ и званіе „евангельскихъ христіанъ“. Но къ чести русскихъ сектантовъ изъ среды простого народа надо сказать, что они долго не сдавались подъ духовную опеку сектантствующей русской интеллигенціи и не принимали „единенія“ съ заграничнымъ клеймомъ. Однако, по мѣрѣ того, какъ среди нихъ, при усиленной помощи той же русской сектофильской интеллигенціи, образовалась своя духовная „аристократія“, которая стала властно вершить ихъ духовными дѣлами, закабаленіе

русскаго престонароднаго сектантства быстро подвинулось впередъ. Я не буду входить въ оцѣнку мотивовъ, которыми руководились вожди русскаго престонароднаго сектантства, вышедшіе изъ его же среды, когда пошли навстрѣчу заграничной идеѣ объединенія русскихъ сектантовъ. Здѣсь было и стремленіе къ болѣе широкой дѣятельности, и надежда на матеріальное изобиліе и на „ключи властвованія“, и желаніе во что бы то ни стало причинить наибольшей ущербъ православію и т. д. Такъ, или иначе, а къ 1907-му году идея „объединенія“ уже настолько привилась въ средѣ русскихъ сектантовъ, что явилась возможность открыть „*Русскій Евангельскій Союзъ*“ съ опредѣленнымъ уставомъ. Уставъ Союза, вопреки дѣйствующимъ на сей предметъ законамъ, былъ утвержденъ въ маѣ 1908 г., каковая ошибка лишь много спустя была исправлена правительствомъ... Но еще въ іюнѣ 1907 г. отъ „Русскаго Евангельскаго Союза“ явились въ Лондонъ на 11-й международный съѣздъ „Всемирнаго Евангельскаго Союза“ баронъ П. Н. Николаи и И. С. Прохановъ. Отъ имени „Русскаго Евангельскаго Союза“ они подписали резолюціи этого съѣзда и тѣмъ объединили всероссійскую организацію сектантства съ всемірной, поставивъ „Русскій Евангельскій Союзъ“ въ положеніе отдѣла „Всемирнаго Евангельскаго Союза“. Мысль Пашкова, такимъ образомъ, осуществилась. Подобно „Всемирному Евангельскому Союзу“, и „Русскій Евангельскій Союзъ“ обосновался на базѣ безобрядности, бездогматности и безцерковности, стараясь провести эти принципы пока только въ жизнь многочисленныхъ въ Россіи сектъ протестантскаго отгѣнка. Объявивъ полное безразличіе къ вѣроисповѣданіямъ и, такъ называемый, „нейтралитетъ“ къ церквамъ, подъ которымъ проводится, въ сущности, полное отрицаніе самой идеи Церкви, какъ она сложилась въ христіанствѣ, „Русскій Евангельскій Союзъ“ поставляетъ себѣ цѣлью объединить христіанъ

просто-де „на почвъ *Евангелія*“ и распространять Евангельскія истины въ „*Христіанскомъ неконфессіональномъ духъ*“ ...

Но развѣ Евангеліе относится безразлично къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ и церквамъ?!. Развѣ не око ставитъ идеаломъ для христіанъ полное единеніе ихъ въ исповѣданіи Христа?!. Развѣ не оно создало идею единой и неодолимой вратами ада *Церкви Христовой*?!. И что это за единеніе просто на „*евангельской почвъ*“, безъ различія пониманія христіанами этой почвы?!. Или „евангельская почва“ не понимается каждымъ исповѣданіемъ и сектою не только разнo, но и часто до-нельзя противорѣчиво и притомъ нерѣдко по весьма существеннымъ вопросамъ вѣры и христіанской жизни?!.

Однако, несмотря на явную иллюзорность безобрядоваго, бездогматнаго и безцерковнаго христіанства, творцы „Русскаго Евангельскаго Союза“ ни о чемъ такъ не заботятся, какъ именно о томъ, чтобы Союзъ не сошелъ съ этой почвы. При выборахъ органа управленія дѣлами Союза, творцами его прежде всего было предложено, чтобы въ руководители Союза не прошли „люди партійные, т. е. ярко выразившіе направленіе своей дѣятельности въ *церковномъ домостроительствѣ*“, а избраны были люди совершенно нейтральные, т. е. стоящіе внѣ бюстительства интересовъ какой-либо церкви или конфессіи. Изъ такихъ аконфессіоналовъ и былъ образованъ „дѣйствующій Комитетъ Совѣта Союза“, подъ предсѣдательствомъ кн. А. П. Ливена, и въ составѣ: товарища предсѣдателя бар. П. Н. Николаи, казначея г. Оффенберга и секретаря г. Странберга.

Нѣтъ нужды болѣе подробно говорить о противоевангельской природѣ „Русскаго Евангельскаго Союза“, о полномъ несоотвѣтствіи предлагаемаго имъ „единенія“ съ тѣмъ единеніемъ, о которомъ молился Христосъ: „да будутъ вси едино“! Сознаніе несоотвѣтствія Союза евангель-

скимъ завѣтамъ уже начинаетъ сказываться и въ средѣ самыхъ сектантовъ. Изъ устъ ихъ уже раздаются сѣтованія, что въ Союзѣ „такъ мало небеснаго... такъ землю пахнетъ“, что и думать объ объединеніи чрезъ Союзъ „дѣтей Божіихъ въ работѣ для Бога невозможно“... Эта „земнота“ творцовъ „Русскаго Евангельскаго Союза“ ярко сказалась, между прочимъ, и въ томъ, что одни изъ нихъ уже стараются объединить различныя „евангельскія общины“ въ Россіи не въ Союзѣ, а вокругъ „Петроградской Общины евангельскихъ христіанъ“, гдѣ они играютъ первую роль. Съ этою цѣлью ими поднято знамя также „дружественнаго нейтралитета“ ко всѣмъ „евангельскимъ церквамъ“... Отъ всѣхъ этихъ призывовъ къ „единенію“ такъ и вѣтъ: съ одной стороны, гордынею, стремленіемъ къ власти и роли, а съ другой — „хлѣбомъ и рыбою“... И здѣсь невольно приходитъ намъ на мысль другое, но такого-же рода, единеніе, осуществившееся у насъ нѣсколько раньше, когда крышею русскаго Пантеона вздумали слить въ одно разновѣрныхъ и разномыслящихъ обитателей Россіи! И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, съ проникновеніемъ къ намъ политическихъ идеаловъ Запада, проникло и вліяніе ихъ на религіозную жизнь западныхъ и собственно протестантствующихъ христіанъ и проявилось у насъ прежде всего въ религіозной жизни тѣхъ, кто уже духовно закабалить себя западу!.. Но если нѣтъ въ этомъ ничего удивительнаго,—зато есть много поучительнаго, такъ какъ на этомъ фонѣ ярко предъ нами всплываетъ грозящее и намъ религіозное разложеніе Запада...

Такъ русское рационалистическое сектантство, вступивъ сперва на путь борьбы съ „*обрядовѣріемъ*“, закончило свое стремленіе къ взаимному единенію изгнаніемъ изъ своего религіознаго міровоззрѣнія уже и *догматовъ вѣры* и *самой идеи Церкви*. Конечно, *ни безобрядность, ни бездогматность, ни безцерковность*—еще далеко

не стали достояніемъ всей сектантской массы. Но важно то, что это безобрядовое, бездогматное и безцерковное христіанство, или, точнѣе, лжехристіанство, является идеаломъ для вершителей судебъ русскаго рационалистическаго сектантства, которые все съ большимъ и большимъ успѣхомъ ведутъ за собою и массы престопаднаго русскаго рационалистическаго сектантства. Послѣднему они начертали на Филадельфійскомъ съѣздѣ въ іюнѣ 1912 года, въ качествѣ главной и неотложной задачи,—это борьбу за соціально-революціонный переворотъ повсюду и, въ частности, въ Россіи, борьбу за „демократію“ и „демократическій строй“. Противленіе западныхъ—протестантской и католической—церквей французской и марксовской революціямъ на этомъ сектантскомъ съѣздѣ, съ участіемъ 32 делегатовъ отъ русскихъ сектантовъ, признано было „величайшимъ скандаломъ въ христіанствѣ“, въ сравненіи съ которымъ „всѣ умственныя погрѣшности вѣры незначительны“. Съ поразительной откровенностью руководители Филадельфійскаго съѣзда заявили, что напримѣръ, „баптисты“, стоящіе во главѣ этого сектантскаго единенія, являются собственно „потомками по прямой линіи самой радикальной партіи англійской революціи“ и что, т. обр., самый баптизмъ отнюдь не является въ собственномъ смыслѣ религіею, а только самымъ мощнымъ орудіемъ демократической революціи, посредствомъ котораго она „наполняетъ рабочій народъ“ не вѣрой въ Бога, а только „религіозной вѣрой въ его дѣло“—въ дѣло революціи и „религіознымъ терпѣніемъ и мужествомъ въ его борьбѣ“ за соціально-демократическій строй! Словомъ, „баптизмъ“—это прививка религіозной психологіи къ атеистичекой революціи, съ цѣлью сдѣлать революціонный пролетаріатъ наиболѣе „терпѣливымъ и мужественнымъ“ въ борьбѣ за революціонное дѣло, которое съ этою цѣлью и объявляется „дѣломъ священнымъ и Божіимъ“. Въ этой конечной

базѣ единенія русскаго рационалистическаго сектантства мы уже имѣемъ дѣло съ полнымъ отрицаніемъ самоцѣнности не только христіанской религіи, но и вообще всякой религіи, что и является скрытымъ лишь до времени атеизмомъ. И къ этому атеизму неуклонно идетъ русское рационалистическое сектантство нашихъ дней.

IV.

Проходимый всѣмъ и, въ частности, русскимъ рационалистическимъ сектантствомъ путь весьма ярко обрисовывается и въ особомъ, вышедшемъ изъ одной съ нимъ колыбели, движеніи, извѣстномъ подъ именемъ „*Всемирнаго Христіанскаго Студенческаго Союза*“.

Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ идей „Всемирнаго Евангельскаго Союза“, возникло въ С. Америкѣ религіозное движеніе среди высшей учащейся молодежи: образовались христіанскіе кружки студентовъ и студентокъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ эти кружки объединились въ національный „Американскій христіанскій студенческій союзъ“. Дѣлами этого „Союза“ управляетъ особый комитетъ изъ представителей отъ кружковъ; члены комитета ежегодно собираются на конференцію. Изъ Америки названное движеніе перешло въ Англію, гдѣ также образовались особые христіанскіе кружки учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, каковыя кружки въ 90-хъ годахъ объединились въ „Британскій христіанскій студенческій союзъ“. Затѣмъ, тоже движеніе перешло на континентъ Европы, проникло въ Германію, Данію, Швецію, Финляндію, Голландію, Францію и Швецію. Одновременно оно проявилось въ Австраліи, Японіи, Индіи и Китаѣ. Повсюду образовались сперва кружки, а затѣмъ и національные союзы. Въ 1895 году всѣ національные союзы объединились во „*Всемирный Христіанскій Студенческій Союзъ*“. Дѣлами Союза управляетъ „Генераль-

ный Комитетъ“, состоящій изъ двухъ делегатовъ отъ каждаго союза, которые разъ въ два года собираются на конференцію. Текущими же дѣлами вѣдаетъ особое „Правленіе“—въ составѣ председателя, вице-председателя, казначея и секретаря, которымъ долгое время является небезызвѣстный и у насъ Джонъ Моттъ, живущій въ Нью-Йоркѣ. При „Генеральномъ Комитетѣ“ образованъ и особый отдѣлъ, вѣдающій дѣла женскихъ союзовъ, объединенныхъ во „*Всемирный Христіанскій Союзъ курсистокъ*“. Секретаремъ этого отдѣла является также небезызвѣстная и у насъ миссъ Рауссъ. Въ 1899 г. это религиозное движеніе чрезъ секретаря нѣмецкаго союза г. Витта проникло въ Россію. Появились и у насъ—въ Петроградѣ, Москвѣ, Ригѣ и Юрьевѣ—маленькіе религиозные кружки студентовъ. Но въ Москвѣ кружокъ скоро распался. Въ Ригѣ онъ оказался ничтожнымъ. Въ Юрьевѣ—вошелъ въ принципиальный конфликтъ съ лютеранскими пасторами и профессорами богословскаго факультета, вслѣдствіе чего перемѣнилъ свой характеръ и порвалъ связь съ „Всемирнымъ Христіанскимъ Студенческимъ Союзомъ“. И только въ Петроградѣ „христіанскій студенческій кружокъ“ нѣсколько окрѣпъ и развился, благодаря руководству бар. Николаи. Но все же и доселѣ онъ малоплоденъ и малочисленъ. А „кружокъ курсистокъ“ насчитываетъ не больше 30 членовъ. Генеральный секретарь Джонъ Моттъ, при содѣйствіи бар. Николаи и миссъ Рауссъ, употреблялъ большія усилія къ образованію въ Россіи „христіанскихъ студенческихъ кружковъ“ и „кружковъ курсистокъ“, а затѣмъ къ объединенію этихъ кружковъ въ національный „Русскій христіанскій студенческій союзъ“ и къ присоединенію этого союза къ „Всемирному Христіанскому Студенческому Союзу“. Нельзя, однако, сказать, чтобы эти усилія сопровождались замѣтнымъ успѣхомъ. И это не единичное явленіе. Въ Германіи за 13 лѣтъ въ мѣстномъ

національномъ союзѣ едва насчитывается 400 членовъ, при 50.000 германскихъ студентовъ. Вообще должно сказать, что подавляющее число членовъ „Всемирнаго Христіанскаго Студенческаго Союза“ падаетъ на Америку, гдѣ ихъ насчитываютъ до 81.000 изъ 105.000 всѣхъ членовъ Союза, въ томъ числѣ и курсистокъ, и питомцевъ среднихъ учебныхъ заведеній и профессоровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ сказывается крайнее разнообразіе вѣроисповѣднаго состава Америки, лучше всего содѣйствующее цѣлямъ Союза. Притомъ должно замѣтить, что въ дѣлѣ объединенія русской молодежи „земнота“ уже одолѣла вождей „объединенія“, почему „объединеніе“ христіанской молодежи ведется теперь у насъ и подъ другимъ знаменемъ,—это знаменемъ „Союза христіанской молодежи въ Россіи“, во главѣ съ другими вождями.

Какъ возникшій подъ вліяніемъ идеи „Всемирнаго Евангельскаго Союза“ и вмѣщающій въ себѣ дѣятелей этого Союза, Всемирный Христіанскій Студенчeskій Союзъ“, по самой природѣ своей, по своимъ цѣлямъ и характеру своей дѣятельности, тождественъ съ „Всемирнымъ Евангельскимъ Союзомъ“. Различіе между ними только въ сферѣ преимущественной дѣятельности каждаго изъ нихъ. „Всемирный Христіанскій Студенчeskій Союзъ“ дѣйствуетъ почти исключительно въ учащейся средѣ, не безъ основанія полагая воспитаніе въ своихъ идеяхъ учащейся молодежи краеугольнымъ камнемъ перевоспитанія въ томъ же духѣ и страны, такъ какъ жизнью каждой страны несомнѣнно руководить образованный классъ общества.

Мы уже видѣли, что „Всемирный Евангельскій Союзъ“ является, главнымъ образомъ, безцерковнымъ и бездогматнымъ и, какъ возникшій въ нѣдрахъ протестантизма, проводитъ эти принципы прежде всего въ религіозную жизнь протестантскихъ исповѣданій и сектъ. Проповѣдуя бездогматное и безцерковное „христіанство“, онъ подъ ви-

домъ „нейтралитета“ къ церквамъ старается уничтожить самую идею Церкви въ христіанствѣ и необходимость въ немъ догматовъ вѣры. Созидаемое имъ „единеніе“ является собственно конгломератомъ и чуждо „евангельской почвы“, хотя онъ съ виду и базируется на ней.

То же мы видимъ и во „Всемирномъ Христіанскомъ Студенческомъ Союзѣ“. Поставивъ своею цѣлью „христіанизировать“ студенчество, Союзъ рѣшительно заявляетъ, что онъ „неконфессіоналенъ“ и „не считается съ конфессіональными взглядами своихъ членовъ“; что ему „нѣтъ дѣла до вѣроисповѣдныхъ убѣжденій своихъ членовъ“, такъ-какъ-де „вѣроисповѣданіе есть дѣло частной совѣсти cadaго“; болѣе того, что онъ „устраняетъ вѣроисповѣдныя перегородки“; что онъ, далѣе, и „не догматическій“, но возвѣщаетъ „истинное“, или, по выраженію Джона Мотта, „чистое христіанство“, чуждое „догматики“; что онъ, наконецъ,—„не церковь и не секта и не старается быть ими“, но „междущерковенъ, безразличенъ или нейтраленъ ко всѣмъ христіанскимъ церквамъ и общинамъ, такъ что радъ видѣть въ своей средѣ и православныхъ, и молоканъ, и лютеранъ, и баптистовъ, и меннонитовъ, трудящихся въ общемъ согласіи надъ общимъ Божьимъ дѣломъ“, чѣмъ якобы создается „здоровое христіанское общеніе въ неконфессіональномъ духѣ“. Такимъ образомъ, мы видимъ, что „Всемирный Христіанскій Студенческій Союзъ“, подъ видомъ „неконфессіональности“ и безразличія къ вѣроисповѣднымъ убѣжденіямъ своихъ членовъ, а равно на основаніи, что—де „вѣроисповѣданіе есть дѣло частной совѣсти cadaго“, старается совершенно уничтожить въ христіанствѣ вѣроисповѣдный элементъ, который проявляется въ христіанствѣ со временъ Христа и св. Апостоловъ и вызывается часто и даже постоянною необходимостью отличать истинное христіанство отъ ложнаго, еретическаго. Собственно, вѣроисповѣдальность присуца

природѣ каждой религіи, но только ярко проявляется тогда, когда возникаетъ въ ней потребность отличить себя отъ появившихся въ ея нѣдрахъ религіозныхъ заблужденій и чрезъ точное и ясное исповѣданіе своей вѣры по прекаемымъ вопросамъ сохранить себя неповрежденной. Отсюда понятно, что вѣроисповѣдальность не есть дѣло частной совѣсти христіанина, а совокупной совѣсти всѣхъ христіанъ, всей Церкви Христовой, которая одна только „столпъ и утвержденіе истины“ и которая посему въ потребныхъ случаяхъ охраны этой истины отъ возникающихъ въ ея нѣдрахъ ересей ясно и точно свидѣтельствуетъ о своемъ вѣроисповѣдномъ отличіи отъ нихъ и о своемъ осужденіи ихъ. И уничтоженіе вѣроисповѣдальности въ христіанствѣ равносильно потерѣ различія между истиннымъ и ложнымъ ученіемъ о Христѣ, между Христомъ и лжехристами, между христіанствомъ и лжехристіанствомъ. Подобно Пилату придется тогда сказать: „что есть истина?“— и отдать Христа на пропятіе и ризы Его на раздраніе!.. И къ этому несомнѣнно ведетъ „Всемирный Христіанскій Студенческій Союзъ“, стараясь задрапировать свою конечную цѣль формулой, что де „вѣроисповѣданіе есть дѣло частной совѣсти cadaго“. Такъ точно и социаль-демократы ведутъ свой походъ противъ религіи и особенно противъ христіанства подъ эгидою Эрфуртской программы, во 2-й части которой въ п. 6-мъ, гдѣ изложены требованія, которыя должны быть немедленно осуществлены, читаемъ: „прежде всего... объявленіе религіи-частнымъ дѣломъ— религія— есть частное дѣло“. Въ этомъ— основной принципъ религіозной политики и социаль-демократіи. Одинъ изъ лучшихъ теоретиковъ германской социаль-демократіи Карль Каутскій заявляетъ, что „социаль-демократія уважаетъ всякое религіозное убѣжденіе“ и держитъ „нейтралитетъ по отношенію къ Церкви“, а между тѣмъ самъ же начертываетъ цѣлюю „программу социаль-демокра-

тической церковной политики“, въ цѣляхъ—„лишить церковь ея вліянія на населеніе“; къ тому же онъ приглашаетъ и государство, рекомендуя ему для борьбы съ Церковью примѣнять особыя „педагогическія требованія“!.. Недаромъ лучшіе изъ ученыхъ государствѣдвовъ заявляютъ, что „нейтралитетъ“ къ религіи—есть „самая опасная форма враждебности къ ней“!.. Не знаменательно ли теперь это совпаденіе формулъ „Всемирнаго Христіанскаго Студенческаго Союза“ и социаль демократіи!..

Союзъ тщательно охраняетъ себя отъ догматовъ и настойчиво заявляетъ, что онъ „не догматическій“, что „истинное“ или „чистое христіанство“ якобы чуждо „догматики“. Но что такое догматъ, какъ не внѣшнее выраженіе въ той ли другой формѣ внутренняго исповѣданія христіанскою Церковью самыхъ существенныхъ или основныхъ истинъ христіанской вѣры и жизни?! Церковь Христова здѣсь на землѣ является воинствующей. Въ борьбѣ съ обуревающими ее различными религіозными заблужденіями она вынуждается вовнѣ проявлять хранящіяся въ нѣдрахъ сердецъ ея сыновъ истины вѣры, во всеуслышаніе ясно и точно сказать о нихъ, чтобы приковать къ нимъ вниманіе колеблющихся вѣтромъ ложныхъ ученій и тѣмъ предохранить ихъ отъ кораблекрушенія въ вѣрѣ. Въ такія эпохи догматы являются тѣми спасительными маячными огнями, которыхъ жадно ищутъ заблудшіе въ непроглядно-туманную ночь моряки. И если изъ разсужденій о догматахъ дѣлаютъ иногда „глупое состязаніе“, своего рода излюбленный спортъ, то при чемъ здѣсь самые догматы?! Вѣдь злоупотреблять возможно и Словомъ Божиимъ и его можно превращать въ орудіе спорта!.. Вина здѣсь—не догмата, и не Слова Божія, а спортсменомъ и глупыхъ состязателей. Справедливо замѣчаетъ В. С. Соловьевъ по этому поводу: „тѣ словопренія позднѣйшихъ схоластиковъ, которыя увѣковѣчены сатирою въ „Посла-

ніяхъ темныхъ мужей“, развѣ могутъ служить возраженіемъ противъ самой философіи?“ Но „очистите“ христіанство отъ догматовъ,—и вы „очистите“ не христіанскую письменность отъ буквы догматическихъ вѣроопредѣленій, а христіанскія сердца отъ основныхъ истинъ вѣры и жизни христіанской. Тамъ—и именно тамъ коренится буква догмата, оттуда она вышла и только хранящійся тамъ духъ вѣры она проявила. Внѣ этого духа буква мертвитъ. Но и внѣ буквы духъ часто безсиленъ должнымъ образомъ воздѣйствовать на религіозное сознаніе христіанъ. Я могъ бы сказать, что каждый догматъ является всецерковною молитвою и, въ цѣляхъ наибольшаго назиданія молящихся, онъ долженъ воплощаться въ словѣ. И не объ уничтоженіи буквы догматовъ надо заботиться, а о проникновеніи въ ту глубокую христіанскую истину, которую буква догматовъ воплощаетъ. Но когда рѣчь идетъ уже не объ уничтоженіи только буквы догматовъ, а объ „очищеніи христіанства вообще отъ догматовъ“, то мы имѣемъ предъ собою явный походъ противъ самихъ основъ христіанства. И бездогматное христіанство „Всемирнаго Студенческаго Союза“ если и можетъ быть названо еще иначе, то не „чистымъ христіанствомъ“, а „чистымъ *отъ* христіанства“!..

Союзъ объявляетъ себя „между—церковнымъ“. безразличнымъ или нейтральнымъ ко всѣмъ христіанскимъ церквамъ; и самъ онъ отнюдь „не старается быть церковью“... Здѣсь уже не задрапированное, но явное отрицаніе самой идеи Церкви въ христіанствѣ, той идеи, которая красною нитью проходитъ чрезъ весь Новый Завѣтъ; той идеи, ради которой пролита Искушительная Кровь Божественнаго Страдальца Христа. „Къ другимъ церквамъ я безразличенъ или нейтраленъ, но и самъ не хочу стать Церковью“, — такъ заявляетъ „Всемирный Христіанскій Студенческій Союзъ“, какъ-бы не вѣдая, что Церковь создана Христомъ;

что, по Апостолу, она есть Тѣло Христа; что не только отрицаніе Церкви, но даже непослушаніе ей низводитъ христіанина въ состояніе язычника и мытаря. И опять здѣсь невольно приходитъ мнѣ на мысль, какъ социаль-демократія, подъ такимъ же знаменемъ „нейтралитета по отношенію къ Церкви“, повела свой усиленный походъ противъ нея, попутно напѣвая коварную пѣснь, что де она „уважаетъ всякое религіозное убѣжденіе“!..

Не то-ли самое говорить и „Всемирный Христіанскій Студенческій Союзъ“, когда выражаетъ „радость видѣть въ своей средѣ и православныхъ, и молоканъ, и лютеранъ, и баптистовъ, и меннонитовъ, и, словомъ, всѣхъ христіанъ, безъ различія ихъ исповѣданій и сектъ, чтобы „въ общемъ согласіи трудиться надъ общимъ Божьимъ дѣломъ“ и „создать здоровое христіанское общеніе“!.. Но возможно-ли „согласіе“ и „общеніе“ у Ап. Павла съ нечестивцами: Именеемъ, Филитомъ и Александромъ?!... Не Апостоль-ли училъ, что таковыхъ еретиковъ надо отвращаться?! И какъ это возможна „общая согласная работа надъ Божьимъ дѣломъ“, напримѣръ, у католика и адвентиста, когда послѣдній смотритъ на папу, какъ на антихриста, какъ на апокалипсическаго звѣря?! Какъ возможно согласіе между убѣжденнымъ хлыстомъ и творцами Союза, между молоканикомъ и православнымъ?!.. Что это за „здоровое христіанское общеніе“, когда нѣтъ полного сліянія душъ, мыслей, чувствъ, вѣрованій?! Не ясно-ли, что цѣль предлагаемаго Союзомъ „единенія“ лежитъ за предѣлами истинно—евангельскаго, христіанскаго единенія?! Вѣдь даже предлагаемая Союзомъ база для единенія формулируется въ разныхъ странахъ различно, при чемъ каждый національный Союзъ въ своей собственной формулировкѣ выражаетъ и свои особыя мысли! Гдѣ же тутъ единеніе?! Далѣе, и базисъ опредѣленнаго національнаго Союза развѣ не можетъ пониматься различно? Развѣ въ одни

и тѣ-же слова Новаго Завѣта каждое исповѣданіе, а тѣмъ болѣе секта не влагаетъ свой смыслъ? Или слова базисовъ всѣми одинаково понимаются. безъ различія исповѣданій и сектъ? Возьмемъ базисъ Петроградскаго кружка: „Я вѣрю на основаніи Евангелія въ Господа Іисуса Христа Сына Божія, покаялся, отдался Ему и знаю, что Онъ принялъ меня“. Неужели этотъ базисъ безпрекословно приѣмлетъ всѣми, безъ различія исповѣданій и сектъ, христіанами?! Не потребуешь-ли каждое слово въ немъ особыхъ поясненій и не истолкуешь-ли его каждый сектантъ по своему?! Достаточно одного только выраженія: „знаю, что Онъ принялъ меня“, чтобы возбудить горячіе дебаты и разногласія между разными исповѣданіями и сектами! И не потребуешь-ли существенныхъ дополненій и поясненій выраженіе: „Я вѣрю въ Господа Іисуса Христа, Сына Божія“—и не произойдутъ-ли опять разногласія здѣсь между христіанами разныхъ сектъ: кто разумѣется подъ „Сыномъ Божіимъ“,—спросятъ одни, кто разумѣется подъ выраженіемъ: „Христось“,—спросятъ другіе...—и такъ безъ конца!.. Въ другихъ базисахъ такіе-же дебаты поднимутся вокругъ выраженій: „Искупителя“, „личнаго Спасителя“... Потребуется серьезныя добавленія и поясненія и къ выраженію: „Бога моего“. Какъ понимаетъ базисъ „Божественность Христа“,—это вопросъ кардинальный и многіе потребуютъ точныхъ и ясныхъ поясненій...

И вотъ, за этотъ произвольный, неясный, многообразный въ разныхъ союзахъ базисъ, каждый союзъ судорожно цѣпляется, какъ утопающій за соломинку и, ничтоже сумняся, заявляетъ: „уклоненіе кружка въ одну или другую сторону отъ этого принципа приведетъ къ расколу въ его средѣ“. Итакъ, единеніе—не въ духѣ, не въ мысляхъ, чувствахъ и вѣрованіяхъ, а въ произвольно набранныхъ для базиса буквахъ, за которыя цѣпляются, какъ за якорь спасенія, и отъ малѣйшаго измѣненія которыхъ

зависить: быть или не быть Союзу!.. Надлежитъ замѣтить, что въ средѣ русскихъ „христіанскихъ студенческихъ кружковъ“ сталъ уже выдвигаться и новый принципъ къ религіозному объединенію, по коему, какъ допускаетъ Петроградскій христіанскій студенческій кружокъ, возможно вступленіе въ такіе кружки и *нехристіанъ* и даже *язычниковъ*, лишь бы держащихся какой либо религіи. Эта мысль уже пробиваетъ себѣ дорогу въ названныхъ „кружкахъ“. Принципъ, лежащій въ ея основѣ, еще вполне не высказанъ, но онъ и безъ того ясенъ: это такъ называемый религіозный „нейтралитетъ“, т. е. безразличіе къ различіямъ религіи, за каковымъ безразличіемъ логически слѣдуетъ и полное равнодушіе ко всякой религіи,—потому-то даже „невѣрующіе“ пранимаются въ Союзъ, въ качествѣ „сотрудниковъ“,—и, наконецъ, враждебность къ ней, какъ къ „суевѣрію“ и пр. Посему то Петроградскій „Студенческій Кружокъ“ и зоветъ къ тѣсному единенію христіанъ съ социалистами: „вѣдь цѣли у насъ одинаковы“ („Студ. Листокъ“ Марта 1916 г. № 10 стр. 4). Мы уже видѣли, что такой путь проходитъ „Всемирный Евангельскій Союзъ“. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и его дѣтище— „Христіанскіе Студенческіе Союзы“ вступили на тотъ-же путь. Посему-то послѣдніе усвоили себѣ и лицемѣрную тактику перваго, въ своемъ отношеніи къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ.

И здѣсь, въ подлинныхъ отношеніяхъ Союза къ различнымъ религіямъ, насъ поражаетъ вопіющая неискренность. Такъ, руководители Союза, въ своей дѣятельности, являются уже не „нейтралистами“, а яркими: то методистами, то баптистами, а православіе трактуютъ уже не такъ, что „рады видѣть православныхъ въ средѣ своей, безъ перемѣны ихъ конфессіи“, но какъ полуязычество, полумагометанство, полуіудейство, вся конфессія котораго должна быть „разрушена“!.. И къ другимъ исповѣданіямъ мы ви-

димъ такое-же нетерпимое отношеніе, что сказалось, между прочимъ въ Юрьевѣ на отношеніяхъ мѣстнаго „кружка“ къ лютеранской церкви. Вотъ почему Союзъ повсюду встрѣчаетъ не симпатіи и не довѣріе, а только протестъ со стороны „исторически сложившихся христіанскихъ исповѣданій“.

Замѣчательно, что Союзъ строить объединеніе студентовъ разныхъ христіанскихъ исповѣданій и сектъ еще на началѣ „федерациі“. Принципъ единенія—чисто политической, взятый изъ государственной жизни С. Америки. Изъ той же сферы взяты и „нейтралитетъ“, и вѣроисповѣдное безразличіе, и идея такъ называемаго „общаго христіанства“, на которой базируется государственная вѣроисповѣдная система въ Америкѣ. Все это ярко свидѣтельствуеетъ о томъ, что весь „Всемирный Христіанскій Студенческій Союзъ“, какъ зародившійся въ Америкѣ и притомъ въ нѣдрахъ протестантизма, подпалъ подъ сильное вліяніе политическихъ идеаловъ Америки и силится насадить ихъ въ религіозной жизни уже не только протестантскихъ исповѣданій и сектъ, какъ и „Всемирный Евангельскій Союзъ“, а и во всемъ христіанствѣ. Съ этой цѣлью въ Союзѣ, вопреки его обѣщаніямъ оставаться на чисто-дерелигіозной почвѣ, однако, наряду съ кружками „для изученія жизни и ученія Иисуса Христа“, кружками библейскими и миссіонерскими, стали устраиваться кружки и для занятій *общественными* вопросами!.. Въ силу стремленія Союза подражать въ религіозной жизни политическимъ идеаламъ Запада и самое религіозное единеніе Союза является такимъ же конгломератомъ, какъ и политическое—въ парламентарныхъ странахъ. Удастся-ли Союзу, при помощи такого „единенія“ образовать „всемирный студенческій псевдохристіанскій блокъ“, въ помощь „антихристіанскому пролетарскому блоку“ социалистовъ: „для разрушенія алтарей“,—покажетъ будущее. Но будемъ вѣрить,

что русская учащаяся молодежь сердцемъ пойметъ всю гибель коварныхъ пѣсенъ этой новоявленной въ христіанскомъ обличіи Далиды и отвернется отъ нея. Вѣдь прошлое русскаго студенчества не разъ показало, что въ своихъ религіозныхъ поискахъ оно можетъ быть или Савломъ, или Павломъ,—или ярымъ гонителемъ Христа, или Его самоотверженнымъ исповѣдникомъ. Но призраку Христа, но миражу христіанства оно не поклонялось, какъ и не предавало Христа цѣлованіемъ!..

И. Айвазовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

На вѣсахъ правды.

Наблюдая вопросы и темы, волнующіе свѣтскую періодическую печать, невольно останавливаешься на одномъ странномъ явленіи.

Оставляя безъ всякаго вниманія и освѣщенія отношеніе различныхъ сословій и общественныхъ группъ къ настоящей войнѣ, въ смыслѣ отзывчивости и готовности къ матеріальнымъ и моральнымъ жертвамъ на нужды войны, эта печать настойчиво сосредоточиваетъ свое вниманіе и, увы, неблагоклонное, исключительно на духовенствѣ. Обвиненія его (и духовенства только православнаго) въ холодности, въ безучастномъ къ великому народному страданію—подвигу щедро разсыпаются на страницахъ всевозможныхъ печатныхъ органовъ.

Въ чемъ здѣсь причина? Въ духовенствѣ? Въ обличительномъ шаблонѣ нашей печати, или въ чемъ либо-иномъ? Приведемъ одну историческую справку.

Въ 1897 году состоялся конгрессъ социалистовъ въ Гентѣ. Депутатъ отъ бельгійскихъ социалистовъ Анзеель провозгласилъ: „Богъ—нашъ врагъ“. На засѣданіи германскаго рейхстага 31 декабря 1881 г. глава нѣмецкихъ социалистовъ Бебель такъ опредѣлилъ цѣли социаль демократіи: „Въ области политической—республика, экономической — социализмъ, религіозной — атеизмъ“. Отецъ социалдемократизма Марксъ объявилъ, что „уничтоженіе религіи—начало истиннаго благополучія“.

Итакъ, мы видимъ, что существуетъ цѣлый лагерь, цѣлое общественное теченіе, ставящее своимъ лозунгомъ „войну Богу“. И какъ во всякой войнѣ существуетъ тактика, то и вожди сатанинскаго возстанія противъ Бога выработываютъ тактическіе приемы для болѣе успѣшнаго изгнанія религіи изъ сердець людей. Другой вождь нѣмецкихъ социаль-демократовъ Либкнехтъ на конгрессѣ социалистовъ въ Галлѣ даетъ тактическія указанія веденія войны противъ Бога. „Школа—говорилъ онъ—должна быть восстановлена противъ церкви, учитель противъ священника“. Подробнѣе развилъ систему борьбы извѣстный вдохновитель закона объ изнаніи религіи изъ французской школы депутатъ Ферри. На конгрессѣ социалистовъ и масоновъ въ Лионѣ въ 1900 онъ произнесъ рѣчь, въ которой начертилъ планъ дѣйствій.—„Вся наша система—говорилъ онъ—построена на атеизмѣ, и мы не можемъ измѣнить этому направленію. Но слѣдуетъ измѣнить способы борьбы, доселѣ примѣнявшіеся. Не слѣдуетъ прямо говорить, что Бога, что святыхъ признаютъ только фанатики, страдающіе истеріей,—это оскорбляетъ и обостряетъ религіозное чувство. Покажите лучше народу расжирѣвшаго отъ обильныхъ привошеній священника и голоднаго ремесленника, епископовъ, сговорившихся съ свѣтскою властью держать народъ въ нищетѣ и невѣжествѣ, и вождей социализма, непрестанно заботящихся о народѣ. Такимъ путемъ вы достигаете цѣли“. Указанія Ферри были приняты къ руководству и всѣ органы партіи получили предписаніе дѣйствовать именно по этой системѣ. Газета „Вѣстникъ Соціализма“ указываетъ: „нужно чтобы атеизмъ незамѣтно проникалъ въ народныя массы, а для этого нападки нужно вести сначала на священника, потомъ на религію, а потомъ уже на Бога“.

Вотъ разгадка страннаго исключительнаго вниманія нашей свѣтской печати къ духовенству, хотя вообще наши журналисты и наши литераторы такъ чужды церковно-рели-

гіозной жизни, такъ мало знакомы съ ея вопросами, и мало интересуются ими. Разумѣется, не всѣ сознательно участвуютъ въ войнѣ противъ Бога чрезъ униженіе и опозореніе духовенства: иные мнятъ и „службу Богу сотворити“ имъ, иные легкомысленно вторятъ чужому голосу, но руководство принадлежитъ тѣмъ, кому данъ лозунгъ чрезъ низверженіе авторитета духовенства низвергать алтарь.

А что духовенство? Отрицаетъ ли оно этотъ потокъ обличеній, обвиненій и укоровъ? Оно молчитъ. Ужъ не привыкать ему молчаливо и терпѣливо сносить свою тяжкую долю. Оно несетъ ее уже два вѣка съ тѣхъ поръ, какъ въ „прорубленное въ Европу Петербургское окно“ налѣзли къ намъ всякіе „дымогазы“, отравившіе наши высшіе классы презрѣніемъ къ родной исторіи; къ народной вѣрѣ и всему, что съ ней связано. Все сносило православное духовенство и теперь молчаливо несетъ новый извѣтъ. Но правда, какой горой лжи ее не закрывай, все же проглянетъ на свѣтъ Божій.

Вотъ возьмемъ хотя бы тѣ же газеты, что выступаютъ съ обличительными статьями. Но загляните въ руководящій отдѣлъ, гдѣ читающей публикѣ навязываются взгляды и выводы, нужные кому либо, загляните туда, гдѣ очевидцы. „не мудрствуя лукаво“, заносятъ факты, только факты. происходящіе предъ глазами. Вотъ офицеръ пишетъ съ театра войны о страшномъ моментѣ, который пришлось ему пережить вмѣстѣ съ другими. Отрядъ нашъ былъ почти окруженъ. Большія силы противника давили съ запада, съ сѣвера и даже съ востока на лѣсъ, гдѣ находился отрядъ. Нужно было отбросить непріятеля. Рѣшена контръ атака. Роты двинулись. Но выйдя за опушку, встрѣтили такой беспощадный огонь, что залегли. Въ одномъ изъ полковъ отряда находился іеромонахъ Площинской пустыни о. Евтихій. Поднявъ высоко крестъ надъ головой, онъ двинулся

впередъ, навстрѣчу непріятельскому огню. „Трудно идти по кочкамъ и рытинамъ“—пишетъ офицеръ. Кусты цѣпляются за убогую рясу, не пускають, но монахъ идетъ. Прошелъ залегшія цѣпи и одинъ безбоязненно пошелъ впередъ.

Не выдержали солдаты, бросились за своимъ батюшкой. Пуля ранила его въ ногу. Рану перевязали, и онъ снова пошелъ впереди, и шелъ, пока пуля не ударила его въ грудь. „Онъ упалъ навзничъ лицомъ къ тому небу, гдѣ—онъ вѣрилъ—живетъ Богъ и святые его. Солнце ласково играло на лицѣ покойнаго, отражаясь на золотомъ крестѣ, оставшемся въ его рукахъ. Контратака удалась и многихъ спасла отъ смерти и плѣна. Миръ праху твоему святой монахъ“ (Нов. Вр.)! Повѣрьте, что у этого пережившаго страшныя минуты офицера никогда не будетъ желанія бросать грязью въ наше монашество.

А вотъ другой офицеръ-прапорщикъ Сироткинъ, павшій смертью героя въ одномъ изъ отчаянныхъ боевъ, въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ роднымъ пишетъ о своемъ полковомъ священникѣ о. Афанасіи Турулаевскомъ.

„Мы были окружены нѣмцами, но подъ шрапнельнымъ и пулеметнымъ огнемъ о. Афанасій бросился впередъ и крикнулъ: у меня Святой Крестъ, идите за Святой силой его! Солдаты бросились за священникомъ. Послѣ я ему говорилъ: батюшка, вы спасли людей“. Онъ весь заволновался: „Не я,—Сила Креста Святая“. Въ послѣдній разъ видѣлъ я его въ день отступленія нѣмцевъ. Я былъ въ пулеметномъ блиндажѣ. Появился священникъ: „я пришелъ къ вамъ съ Господнимъ благословеніемъ“. Мы увидѣли нѣмцевъ заходящихъ въ тылъ. „Батюшка, уйдите, васъ ранятъ“. О. Афанасій вынулъ крестъ: „Господь не оставитъ насъ“.

Какъ мы вышли изъ боя, я не помню—пишетъ Сироткинъ—я былъ, какъ въ безпамятствѣ, но слова: „Господь не

оставить “—оживляли. Когда мы вышли къ своимъ, первый вопросъ былъ: гдѣ батюшка? Но его нѣтъ... какъ бы я хотѣлъ положить вѣнокъ на его безвѣстную могилу“. (Рус. В.). Самъ прапорщикъ Сироткинъ скоро ушелъ въ ту же славную могилу, принявъ тотъ же вѣнецъ Христовъ, какъ и его полковой батюшка.

А вотъ офицеръ Черноморскаго полка пишетъ о своемъ батюшкѣ о. Александрѣ Вознесенскомъ: .

— Шелъ бой; о. Александръ безъ страха благословлялъ идущихъ въ бой. Дрогнула ли подъ натискомъ непріятеля какая-нибудь часть полка—о. Александръ среди нихъ и тѣ идутъ въ сраженіе вновь. Чуть замѣтитъ уныніе въ рядахъ, о. Александръ тотчасъ въ рядахъ солдатъ: ободряетъ, совѣтуетъ, поощряетъ, и тѣ напрягаютъ послѣднія силы и во время поспѣваютъ къ назначенному мѣсту (Рус. Слово). Непріятель ожесточенно обстрѣливаетъ окопы полка, расположенные въ двухстахъ шагахъ отъ германскихъ окоповъ, о. Александръ съ Крестомъ и Евангелиемъ идетъ изъ окопа въ окопъ подъ градомъ пуль, окропляя воиновъ Св. водой. Его просятъ сойти подъ прикрытіе на дно окоповъ онъ отвѣтилъ: „не бойтесь убивающихъ тѣло, но душу не могущихъ погубить“. Враги осыпаютъ пулями безоружнаго священно-служителя съ крестомъ и Св. Евангелиемъ въ рукахъ, а онъ идетъ безстрашно впередъ, пока, какъ подкошенный, не свалился на землю.

И сколько, сколько такихъ рассказовъ шлютъ въ своихъ письмахъ тѣ, кто сами и день и ночь смотрятъ въ глаза смерти. Это свидѣтельство героевъ, кровью и жизнью своею искупающихъ родину отъ ужасовъ тевтонскаго нашествія, есть то цѣнное золото, которое своимъ вѣсомъ перетягиваетъ весь ворохъ безсовѣстной лжи, злонамѣренной клеветы пустой легкомысленной болтовни, которой силятся опорочить православное духовенство, одни по задуманному плану, а другіе изъ легкомыслія подражательности.

Какого пастыря хочет для себя народъ?

Этимъ жгучимъ и вѣчно юнымъ вопросомъ церковной жизни занялись „*Костр. Епарх. Вѣдом.*“ и разрѣшили его, можно сказать, блестяще: „*несомнѣнно пастыря-подвижника, непорочнаго предстаеия за народъ предъ Богомъ, спасающаго мѣръ своею молитвою.*“ За многолѣтній періодъ своего существованія, пишутъ „К. Е. В.“, русская Церковь выдвинула немало истинныхъ пастырей—ходатаевъ предъ Богомъ за грѣшныхъ людей: таковъ въ ближайшее къ намъ время о. Іоаннъ Кронштадтскій. Съ другой стороны, послѣдніе годы создали особый типъ пастыря—общественника по-преимуществу, каковы, напирмѣръ, бывшій свящ. Г. Петровъ и „старообрядческій“ епископъ Михаилъ. Тотъ и другой типы пастыря выросли на почвѣ двухъ различныхъ пониманій пастырскаго идеала. Возникаетъ вопросъ: которой же изъ нихъ вѣрнѣе опознаетъ свой пастырскій долгъ, и въ чемъ заключается жизненно-практическое ядро пастырскаго дѣла?“ Разрѣшается этотъ вопросъ въ „К. Е. В.“ путемъ наблюденія. къ какому изъ вышеуказанныхъ типовъ пастырей „склоняется сочувствіе народа“ и каковы результаты дѣятельности этихъ пастырей.

И вотъ „К. Е. В.“ констатируютъ прежде всего „поразительную непопулярность въ народъ пастырей—общественниковъ, а затѣмъ указываютъ и на плачевные результаты ихъ дѣятельности. Самъ „старообрядческій“ еписк. Михаилъ, проповѣдникъ „соціального христіанства“, прямо сознался, что для успѣха пропаганды его ученія „людей нѣтъ, вождей нѣтъ, есть только робкая надежда, что народъ родитъ своего пророка“... Однако, послѣдующее

показало, что надежды, „еп.“ Михаила были напрасны: общинъ свободныхъ христіанъ изъ народа образовалось всего 3—4 (въ Тифлисъ, Царицынѣ и нѣкоторыхъ друг. мѣстахъ). Малочисленны онѣ и по своему составу. На съѣздѣ представителей свободныхъ христіанъ въ 1909 г. присутствовало, по одной версіи, трое, по другой—восемь человѣкъ. О полной неизвѣстности въ народѣ Гр. Петрова и говорить не нужно“...

— „Съ другой стороны, пишутъ „К. Е. В.“, спросите, у кого хотите, объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ, всѣ знаютъ и чтутъ этого праведника и послѣ его смерти, какъ почитали и при жизни. До сего времени народъ принимаетъ паломничества на его могилу. До какого преклоненія предъ истиной представляемаго имъ пастырскаго идеала дошелъ народъ, свидѣтельствуемъ успѣхъ іоаннитскаго движенія, обоготворившаго о. Іоанна, въ чемъ нельзя не видѣть болѣзненную крайность, плодъ извращенной народной психологіи, родившей также хлыстовство и множество другихъ мистическихъ сектъ. Эта самая болѣзненная крайность говорить, по нашему мнѣнію, о томъ, что *русскій народъ тоскуетъ объ истинномъ пастырѣ—непорочномъ богомольцѣ у престола Божія*“...

Да, *народнымъ* пастыремъ можетъ быть только *пастырь-молитвенникъ!*.. Да и народномъ-ли только?

„К. Е. В. справедливо указываютъ, что и интеллигенція, по-видимому, чтущая „пастырей общественниковъ“, однако, скоро отворачивается отъ нихъ и ищетъ другихъ пастырей: „пастырей-молитвенниковъ“ или „пастырей—подвижниковъ“. Недавно извѣстный писатель—интеллигентъ М. Меньшиковъ писалъ: „Намъ не нужно пастырей, какъ всѣ,—дворянъ, чиновниковъ,—намъ нужны совершенно особые люди, пастыри-подвижники“... Вспоминаютъ „К. Е. В.“ и необыкновенную популярность среди интел-

лигенціи пастырей-аскетовъ, старцевъ-подвижниковъ и молитвенниковъ въ Оптиной пустыни. Вотъ что, на примѣръ, говорилъ гр. Л. Толстой объ Оптиномъ старцѣ Амвросіи: „въ Оптиной пустыни, въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ лежалъ на полу разбитый параличемъ монахъ, владѣвшій только лѣвой рукой! Доктора говорили, что онъ долженъ былъ сильно страдать; но онъ не только не жаловался на свое положеніе, но, постоянно крестясь, глядя на иконы, улыбаясь, выражалъ свою благодарность Богу и радость за ту искру, которая теплилась въ немъ. Десятки тысячъ посѣтителей бывали у него, и трудно представить себѣ все добро, которое распространилось на мірѣ отъ этого, лишеннаго всякой возможности дѣятельности, человѣка. Навѣрное, этотъ человѣкъ сдѣлалъ больше добра, чѣмъ тысячи здоровыхъ людей, воображающихъ, что они въ разныхъ учрежденіяхъ служатъ міру“.

Враги Церкви, скажемъ мы, уже и эту глубокую душевную потребность народа въ пастыряхъ молитвенникахъ подмѣтили и проявили сильную склонность испытывать и ее въ своихъ цѣляхъ. И вотъ на религіозномъ фонѣ народной жизни появляется новый типъ „народныхъ молитвенниковъ“, такъ называемыхъ „*братцевъ*“. Подъ охраною интеллигентныхъ враговъ Церкви и съ ихъ помощью „братцы“ полоняютъ народныя массы и ведутъ ихъ подъ искуснымъ обличьемъ „молитвы и подвига“ къ завѣтнымъ цѣлямъ нашей поликанствующей и бредящей марксизмомъ и другими „измами“ интеллигенціи... Пока тамъ народъ разберетъ подлогъ, а завѣтное дѣло далеко продвинется впередъ... Благо, слѣпотноствуетъ и не одинъ простой народъ!..

Пастыри должны разумѣть знаменія временъ... Иначе, дворъ овчій запустѣетъ и на мѣстѣ святомъ воцарится мерзость запустѣнія!..

Зеркало жизни.

XXVI.

А н а ө е м а .

„Если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не тó, что мы благовѣствовали вамъ, *да будетъ анаөема*. Какъ прежде мы сказали, такъ и теперь еще говорю: кто благовѣствуетъ вамъ не тó что вы приняли, *да будетъ анаөема*» (Галат. 1, 8—9): такъ великій Апостоль языкъ поучалъ „несмысленныхъ Галать“...

И замѣчательно: у „несмысленныхъ Галать“ все же хватало смысла настолько, чтобы не бланзиться этимъ грознымъ прещеніемъ Апостола! Они—„несмысленные“, но все же понимали, что иначе и быть не могло: если кто благовѣствовалъ имъ иное благовѣстіе, чѣмъ какое уже они приняли отъ Апостола, тотъ не могъ быть общникомъ Апостола, тотъ подлежалъ отлученію—анаөемѣ отъ Апостола, а слѣдовательно—и отъ Христа, ибо: „отвергающійся васъ (апостоловъ) Меня отвергается“, сказалъ Христосъ (Луки 10, 16), а кто отвергается Христа,—анаөема, маранаөа (1 Коринф. 16, 22).

Съ тѣхъ поръ и донынѣ св. Церковь Христова возвѣщаетъ анаөему всѣмъ вѣстникамъ иного благовѣстія, чѣмъ какое она приняла отъ Христа чрезъ св. Апостоловъ.

Но поучительное явленіе: прежде „несмысленные“ Галаты находили такую анаөему вполне естественной и не

возражали противъ нея; нынѣ же тьмы-темь уже „смысленныхъ“ Галатъ подымають неистовый вопль, при малѣйшей попыткѣ Православной Церкви Христовой произнести анаѹему вѣстникамъ благовѣстія иного, чѣмъ какое она приняла отъ Апостоловъ!.. И такой вопль настолько печально дѣйствененъ, что анаѹема какъ бы укрылась въ церковныя хартіи и тамъ готова покрыться архивно-канонической пылью... Лишь разъ въ годъ она пугливо выходитъ оттуда подъ своды кафедральныхъ храмовъ и тамъ силится громовымъ раскатомъ напомнить православнымъ христіанамъ, что долженъ быть у нихъ въ Церкви „чинъ православія“, что его надо хранить, какъ драгоценнѣйшее сокровище души и тѣла, какъ залогъ правды православія, какъ залогъ вѣрности его Христу и св. Апостоламъ, какъ, наконецъ, огражденіе отъ безчинниковъ и разорителей Апостольскаго благовѣстія.

„Чинъ“ гремитъ безчинію, вѣра гремитъ лжевѣрію и безвѣрію: „анаѹема“!.. Не можетъ быть у „чина“ общенія съ безчинствомъ! Не можетъ быть у вѣры общенія съ лжевѣріемъ и безвѣріемъ! „Не можетъ быть“... ну, значить: „анаѹема“ отъ „чина“ — безчинію, отъ вѣры — лжевѣрію и безвѣрію... точь-въ-точь какъ: „отойди отъ Меня, сатана“!..

„Такъ должно быть, если „чинъ“ желаетъ быть „чиномъ“ и вѣра — вѣрою. И такъ должно быть не въ видѣ только церковнаго, разъ въ годъ творимаго торжества, тѣмъ болѣе, — не въ видѣ торжества съ печатью лишь красиваго остатка отъ великихъ зодчихъ Церкви былыхъ эпохъ... Нѣтъ, смыслъ „чина православія“ — анаѹема безчинію, лжевѣрію и безвѣрію должна быть жизненной стихіей Церкви во всѣ дни ея воинствованія здѣсь на землѣ.

Въ ней, въ этой завѣтно-апостольской анаѹемѣ, вѣнецъ борьбы Церкви съ своими врагами, вѣнецъ побѣдный, когда она, не подчинивъ появившагося въ ея нѣдрахъ

безчинія своему чину и лжевѣрія—вѣрѣ, все же берегаетъ чистымъ *своей* чинъ, неповрежденной—*свою* вѣру, исторгая или отлучая отъ нихъ безчиніе и лжевѣріе. А въ такомъ положеніи Церковь остается еще болѣе мощной вести борьбу съ своими врагами, такъ какъ борьба уже идетъ въ дальнѣйшемъ, такъ сказать, на внѣшнемъ ея фронтѣ, а внутренній фронтъ Церкви является сплоченнымъ одною душою, однѣми мыслями, одними чувствованіями и стремится къ одной цѣли—побѣдѣ надъ уже *внѣшнимъ* врагомъ.

Оттого то самые ожесточенные враги Церкви и напрягали всѣ свои силы на то, чтобы оставаться *внутри* Церкви и тамъ, на внутреннемъ церковномъ фронтѣ, вести свое дѣло борьбы съ нею. Оттого то они и выступали всегда самыми ярыми противниками церковной анаѣемы, которая сразу выбрасывала ихъ на внѣшній фронтъ и близила ихъ къ пораженію, что тоже, въ данномъ случаѣ,—къ побѣдѣ Церкви надъ ними и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія Церкви, къ спасенію ихъ для Царствія Божія.

Эту силу и значимость для Церкви апостольской анаѣемы прекрасно понимаютъ современные „смысленные Галаты“, почему, воинствуя противъ Распятаго Христа и противъ Кровью Его созданной Церкви, они стараются рушить крѣпостную стѣну Церкви—анаѣему, дабы вторгнуться въ самыя нѣдра Церкви и тамъ—сперва путемъ смѣшенія своего съ церковнымъ, а затѣмъ и замѣною своимъ церковнаго—осилить Церковь

Понятно, почему „анаѣема“ такъ пугаетъ враговъ Церкви, такъ злобитъ ихъ, такъ лишаетъ ихъ покоя!..

Вѣками Церковь анаѣемой отдѣляла свое отъ ей чуждаго, истину отъ лжи, вѣру отъ лжевѣрія, Христа отъ антихриста... Смолкнетъ анаѣема... и откроется широкій путь въ нѣдра Церкви для лжеистины, лжевѣрія, лжехриста и... Антихриста.

Пусть же неумолчно гремитъ на Св. Руси завѣтно-апостольская „анаѳема, маранаѳа“!..

XXVII.

Православная миссія въ Россіи.

Православіе въ Россіи обуреваются сектами, расколами, инославіемъ, иновѣріемъ, социализмомъ и множествомъ другихъ „измовъ“. Всѣ они ведутъ давнюю и смертную борьбу съ Православною Церковью. Эта борьба поражаетъ многочисленностью спеціальныхъ для нея дѣятелей у враговъ православія, богатствомъ ихъ снаряженія и обиліемъ затрачиваемыхъ ими на это средствъ. Въ этомъ отношеніи каждый новый годъ далеко за собой оставляетъ годъ истекшій. И, подводя итоги дѣятельности враговъ православія, приходишь въ ужасъ отъ ихъ сокрушительной работы и отъ непомернаго роста ихъ силъ!..

Но чѣмъ же все это объяснить? Богатствомъ ли разрушительныхъ силъ у враговъ православія, или же и чѣмъ другимъ? Думаемъ, что есть и другая, болѣе важная причина роста мощи враговъ православія за счетъ Православной Церкви. И эта причина коренится въ нѣдрахъ самой Церкви Православной.

Мы, упоенные многочисленностью чадъ Церкви, доселѣ пребываемъ въ вѣковой спячкѣ предъ лицомъ жестокихъ враговъ православія. Мы часто, оберегая эту спячку, входимъ даже въ преступный, съ религіозной точки зрѣнія, компромиссъ съ врагами Церкви, считая „великой заслугой“ своей, когда налаживаемъ съ ними „мирное житіе“, угашая духъ и возгрѣвая плоть, притупляя самое ощущеніе часто пагубнѣйшаго религіознаго расхожденія и подмѣняя его чисто житейскимъ миромъ!.. Мы сами этимъ усыпляемъ себя. А врагъ лишь призрачно дремлетъ... На дѣлѣ же онъ работаетъ еще интенсивнѣе и, какъ „татъ въ нощи“, успѣшнѣе похищаетъ наши драгоценности..

Въ самомъ дѣлѣ, что противопоставили мы невѣроятному множеству враговъ православія? Что выставили мы противъ многочисленныхъ кадровъ воинствующихъ противъ Церкви нашей, сектъ, расколовъ и проч?

Приходскаго пастыря! Это, можно сказать, альфа и омега нашего воинствованія съ сектами, расколомъ, инославіемъ, иновѣріемъ и тьмами „измовъ“!.. И какого еще пастыря: обремененнаго чисто сказочнымъ обиліемъ работъ, совершенно чуждыхъ духовному просвѣщенію его паствы! Пастыря, стонущаго отъ непосильнаго бремени гребъ и школьныхъ уроковъ, часто за десятки верстъ и при первобытныхъ путяхъ сообщенія!.. Пастыря, вынужденнаго выколачивать себѣ дневное пропитаніе и часто падающаго подъ гнетомъ житейской нужды и заботъ о своей семьѣ!.. Пастыря, согбеннаго подъ тяжестью указовъ, приказовъ, прещеній, штрафовъ!.. Мы оторвали его отъ паствы, мы, если хотите, оторвали его и отъ сердечной, всепоглощающей молитвы, заваливъ его брѣнное тѣло и душу грудю несвойственныхъ ему дѣлъ и житейскихъ заботъ,—да еще желаемъ въ немъ видѣть „альфу и омегу“ нашего воинствованія противъ сектъ и тьмы-темъ враговъ православія, тѣмъ только и занятыхъ, чтобы воинствовать противъ нашей Церкви!..

Взвалите на плечи любой боевой арміи тяжесть добыванія ею себѣ пропитанія, одежды, снарядовъ и проч..., да еще заботы о своихъ семьяхъ: что станетъ съ такой арміей, не трудно предугадать!..

А вотъ въ духовномъ воинствованіи мы почему то все это усвоили за норму!.. Впрочемъ, усвоили то только мы, православные, а не враги православія, которые снаряжаютъ свои боевыя рати по военному.

Правда, мы какъ-будто уже и поняли, что съ такими тяготами у нашего пастыря мы остаемся въ борьбѣ съ врагами православія не только безъ омеги, но и безъ

альфы. Мы поняли, что надо кое-что и изъ военнаго снаряженія дать нашимъ пастырямъ. Школьная наука у нихъ скоро испарялась. Да, при столкновеніи съ запросами жизни, школа и всегда то остается гдѣ-то на задкѣ... Требовалось не только подновить забытое, а и воспринять, главнымъ образомъ, новое. И вотъ пошли у насъ для этой цѣли кой-гдѣ курсы, съѣзды. Но все это, за краткость времени и сложностью дѣла, было такъ отрывочно, такъ лишь *впечатлительно*, что, съ возвращеніемъ во свояси, оставалось только нѣкоторое *ощущеніе* чего то „воинствующаго“, да и это ощущеніе, подъ напоромъ все той же громады иныхъ дѣлъ, скоро исчезало.

А обуреваемая врагами Церковь православная настойчиво требовала созданія особыхъ воинствующихъ ратей для своей защиты. Она требовала, чтобы эти воины Христовы были во всеоружіи, чтобы они всецѣло отдавали себя на дѣло воинствованія за Церковь Христову и были мощны знаніями ея враговъ и умѣніемъ не только отражать ихъ, но и привести ихъ въ лоно Церкви.

Эта насущнѣйшая нужда Церкви такъ ясно давала себя знать, что никакими софизмами нельзя было ея затемнить. И вотъ мы вступили на путь созданія специальныхъ воиновъ за Церковь Христову, стали и у себя, въ отпоръ разнымъ сектамъ и другимъ врагамъ Церкви, заводить *спеціальныхъ миссіонеровъ*.

Но какъ мы ихъ заводимъ? Какъ обставляемъ ихъ трудное, прямо подвижническое служеніе? Какъ оснащаемъ ихъ духовно и матеріально, чтобы они были мощными воинами за Церковь Христову и этимъ воинствованіемъ всецѣло были бы поглощены?..

По епархіямъ завели мы миссіонеровъ—уѣздныхъ, окружныхъ и епархіальныхъ. Стали привлекать на службу миссіи и лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ... И какъ только стали заводить миссіонеровъ, сразу же

столкнулись съ необходимостью средствъ на ихъ содержаніе, съ необходимостью дать имъ и опредѣленное правовое положеніе въ Церкви, а затѣмъ, естественно, и въ Государствѣ. Вотъ тутъ-то и началась своего рода трагедія миссіи: трагедія матеріальная, и правовая!.. Всюду раздавался вопль: „денегъ на мѣстахъ нѣтъ“!..—сыпались ходатайства въ Св. Синодъ, но что могъ дать Св. Синодъ, самъ въ своемъ бюджетѣ стоящій почти во всецѣлой зависимости отъ государства!.. То же, что у него еще оставалось *своего*, давно уже расплылось по смѣтнымъ §§-мъ... Выкраивали, впрочемъ, иногда изъ этихъ §§-въ какую-либо сотню или тысяченку, но и это стоило такихъ усилій, что отпадала охота на подобныя экскурсіи... А для того, чтобы поставить наши миссіи на прочный путь государственнаго ихъ обезпеченія, тѣмъ признавъ за ними и государственное значеніе,—не хватало дерзновенія... да и только ли дерзновенія?! И получилась на этомъ фонѣ удручающая картина; и нынѣ епархіальные миссіонеры у насъ получаютъ содержаніе съ прогонными и квартирными, отъ 600 и до 3.000 р. въ годъ!—И такіе счастливыцы, которые получаетъ 3.000 р. въ годъ, на перечесть... Да и это содержаніе, падая то на крупнѣйшіе города Россіи, то на обширнѣйшія епархіи, гдѣ или жизнь весьма дорога, или разѣзды весьма большіе и поглощаютъ много средствъ,—въ сущности, являлось весьма скуднымъ. Сверхъ того, означенное содержаніе является и неустойчивымъ, постоянно зависящимъ отъ мѣстныхъ „епархіально-властныхъ“ колебаній... Уѣздные же и окружные миссіонеры окормляются содержаніемъ, также съ прогонными и квартирными, въ предѣлахъ отъ 100 р. и не свыше 1.700 р. въ годъ,—последняя цифра весьма рѣдка,—а то просто пособіемъ въ размѣрѣ отъ 25 р. и до 60 р. въ годъ!.. Можно себѣ представить, въ какомъ матеріальномъ положеніи пребываетъ остальная, низшая миссіонерская братія!..

А правовое положеніе! До 1908 г. наши миссіонеры, даже высшаго ранга—епархіальные, трактовались какъ „наймиты“, обязанные служить въ епархіи положительно чуть ли не разсылному консисторіи. Кой-какія права въ епархіальномъ мірѣ они получили лишь въ 1888 г. и значительно большія—въ 1908 г., когда вышли особья „Правила объ устройствѣ внутренней миссіи“. Съ этого времени епархіальныя миссіи вздохнули значительно легче и повели свое дѣло интенсивнѣй. Но государственныхъ правъ и особенно правъ на пенсію наши миссіонеры, даже съ академическимъ образованіемъ, и доселѣ не имѣютъ!..

И эта печать поразительной скудости средствъ и безправнаго положенія дѣятелей миссіи прямо гнетъ долу нашу миссію. Нынѣ, когда духовно-учебная служба, церковно-школьная, законоучительская и другія служебныя поприща значительно улучшились съ матеріальной и правовой стороны,—замѣчается прямо повальное бѣгство отъ миссіонерскаго дѣла. Годами епархіи ищутъ себѣ миссіонера и все не найдутъ!.. Характерное явленіе: сперва предъявляются къ кандидату высокія требованія; высшее богословское образованіе, такъ надобное особенно для епархіальнаго миссіонера, священныи санъ, даръ слова и пр.. Но проходитъ съ полгода,—и уже требуютъ и „безъ священнаго сана“, а далѣе—уже и „безъ высшаго образованія, но со среднимъ“, и, наконецъ, „можно и домашняго образованія, но свѣдующаго“!.. Это картины съ натуры нашего времени.. А что будетъ дальше—Богъ вѣсть!..

Скажутъ: „идейные борцы за Церковь“ пойдутъ въ миссію, не взирая ни на какія лишенія!.. Такъ то такъ! Да вотъ бѣда въ чемъ: почему же это мѣрило примѣнять только къ миссіонерамъ! И почему бы говорящимъ такъ—самимъ не поработать на миссіонерской нивѣ въ такихъ условіяхъ хотя бы съ годокъ, чтобы при свѣтѣ собственнаго опыта рѣшать столь сложный „идейный“ вопросъ!.. Иль и впрямь: безправіе и голодуха—это „привиллегія“

православныхъ миссіонеровъ, да еще въ православной странѣ!.. Нѣтъ, не можетъ быть! Не должно даже ^{быть} мѣста подобнымъ софизмамъ... Кто кого любитъ, тотъ того и цѣнитъ... Можно даже много недостатковъ усматривать въ любимомъ существѣ, но любовь все покрываетъ, все нѣжно исправляетъ и усовершенствуетъ, но не отбрасываетъ, не угнетаетъ, не отягощаетъ... Православная же миссія уже потому заслуживаетъ любви къ себѣ со стороны и Церкви Православной и Государства Православнаго, что она *ихъ*, родная имъ миссія... Не любить ея они не могутъ... А гдѣ любовь, тамъ и раздѣленіе тяготъ: „несите бремена другъ друга“... Вотъ чего ждетъ нынѣ многострадальная православная миссія отъ родныхъ ей Церкви и Государства.

XXVIII.

Православная миссія и еврейство.

Крупнѣйшимъ пробѣломъ дѣятельности нашей миссіи является полное отсутствіе борьбы съ еврействомъ. Міровой вопросъ—вопросъ еврейскій для нашей миссіи какъ бы не существуетъ. Мы боремся и даже организовано: съ язычествомъ, магометанствомъ, ламайствомъ,—боремся въ пунктахъ ихъ нападенія на православіе и сами переходимъ въ положеніе нападающихъ, неся Свѣтъ Христовъ въ тьму иновѣрія; боремся мы: и съ инославіемъ, и съ сектами, и съ расколами, но... слышалъ ли кто-либо о нашей борьбѣ съ исконнымъ и донинѣ самымъ опаснымъ врагомъ христіанства вообще, а не только православія,—еврействомъ?!. Мы точно выбросили его изъ своего кругозора, отгородились отъ него своего рода китайскою стѣною, точно забыли о самомъ существованіи его!... Ничтожная какая-либо секта „дыромоляевъ“, насчитывающая въ своихъ рядахъ едва ли только не своего „творца“, волнуется насъ, вздымаетъ наши боевыя волны... А вотъ едва-ли не 15 милліоновъ евреевъ, живущихъ подъ одной

съ нами русской кровлею, — евреевъ, владѣющихъ многовѣковой культурою, спаянныхъ единствомъ древнѣйшей религіи, да притомъ еще осложненной позднѣйшими примѣсами, — эти 15 милліоновъ для насъ въ своей религиозной жизни какъ-бы не существуютъ!.. Не странное ли это явленіе?! Да и странное ли только, а и не роковое ли для православія?.. И наша въ данномъ случаѣ слѣпота не является ли продуктомъ особой тактики самого еврейства, этого мудрѣйшаго изъ всѣхъ народовъ по части достиженія своихъ цѣлей втихомолку, путемъ усыпленія своихъ враговъ? Думается, что мы слѣпы въ этомъ случаѣ не по своей только винѣ, а и по кознямъ еврейства.

Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли намъ забыть роль еврейства въ судьбахъ православія на Руси, когда его властное и коварное вторженіе даже за церковную ограду, даже подъ церковно-православнымъ обличьемъ такъ страшно потрясало Русскую Церковь чрезъ исторически извѣстную ересь жидовствующихъ!... Возможно ли забыть объ еврействѣ, когда оно вторглось въ среду русской секты молоканъ, положивъ на нее свою роковую печать; когда оно ярко сказывается въ міровоззрѣніи самой многочисленной у насъ секты хлыстовъ; когда оно, наконецъ, и доселѣ не только живить многочисленную у насъ секту жидовствующихъ, но и полоняетъ въ ея нѣдра массы православныхъ, особенно въ губерніяхъ: Ставропольской, Астраханской, Оренбургской, Тамбовской, Саратовской, Воронежской, Иркутской, въ области Войска Донского, Закавказьѣ, Акмолинской обл. и въ другихъ мѣстахъ?! Мы имѣемъ тысячи русскихъ людей, ушедшихъ въ нѣдра еврейства и примкнувшихъ: то къ талмудистамъ, то къ староіудеямъ, то къ караимамъ!.. Вотъ тысячи коренныхъ русскихъ людей считаютъ себя живущими въ разсѣяніи, въ плѣну у русскаго царя, и, одѣтые въ традиціонные еврейскіе „талісы“, возносятъ горячія молитвы о собраніи ихъ въ Палестину, о

возсозданіи Іерусалима и храма, о наступленіи въ обѣтованной землѣ вѣчнаго царства ихъ съ царемъ—Мессією во главѣ, откуда они, вмѣстѣ съ коренными евреями, будутъ владѣть всѣми народами!.. Вотъ Зиминская (Иркутской губ.) „община“ *русскихъ* жидовствующихъ въ 1911 году избираетъ себѣ „духовнымъ наставникомъ“ коренного еврея изъ Могилевской губ. Израиля Элемелеха-Куселева-Лившица, и, представивъ его къ утвержденію въ Иркутское Губернское Правленіе, пишетъ: „мы примкнули къ вѣроученію Моисея и тѣмъ самымъ превратились въ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Существованіе отдѣльной у насъ молитвенной организаци, ничѣмъ по существу не отличающейся отъ чисто еврейской, имѣетъ только хозяйственно-экономическіе интересы. Такимъ образомъ, *принадлежитъ къ средѣ евреевъ*, мы для исполненія іудейскихъ же обрядовъ можемъ избирать въ свои наставники лицъ одного съ нами вѣроисповѣданія, которыя умѣли бы исполнять еврейскіе молитвенные обряды и другіе, какъ, на примѣръ, обрѣзаніе младенцевъ, убой скота и птицы, акты вѣнчанія, развода и похоронъ, по всей строгости закона“... Не даютъ ли насъ кошмаромъ всѣ эти тысячи уже подлинно *„русскихъ евреевъ“*? И не довольно ли этихъ жертвъ, чтобы пробудиться намъ отъ спячки и понять, что если 15 милліоновъ коренныхъ евреевъ не заслуживаютъ (?!) нашего вниманія, то хотя вотъ эти тысячи русскихъ жертвъ, поглощенныхъ со своими душами и тѣлами еврействомъ, чего-либо да стоятъ!..

Но едва мы придемъ къ этому заключенію, тотчасъ поймемъ, что надо бороться со зломъ въ его корнѣ, что надо бороться не столько съ русскими жидовствующими сколько съ ихъ творцомъ и неусыпнымъ опекуномъ—*кореннымъ еврействомъ*. И вотъ здѣсь-то мы отъ удивленія просто разведемъ руками!.. Бороться съ кореннымъ еврействомъ? Невольно предъ нашимъ сознаниемъ замель-

каютъ: черта осѣдлости, ограниченіе въ гражданскихъ правахъ и прочія мѣры борьбы государствъ съ „еврейскимъ засильемъ“... Мы такъ забыли о своей чисто-церковной, завѣтно-христіанской борьбѣ съ еврействомъ, не какъ съ матеріальной силой,—а какъ съ силой религіозной, до корней своихъ враждебной христіанству, что и мыслимъ самую борьбу съ еврействомъ исключительно по-мірскому!.. Оттого-то у насъ и мірская борьба такъ въ сущности безуспѣшна, что забыли мы главное—борьбу духовную... А борьба это особенно нынѣ потребна, болѣе чѣмъ когда-либо. Еврейство властно наложило свою печать на міровозрѣніе народныхъ массъ и даже мірскихъ мыслителей и властителей. Оно выбросило для потребленія на христіанскіе рынки особаго рода атеизмъ, коимъ изгоняетъ христіанство изъ всѣхъ сферъ жизни человѣка и затѣмъ, обезвѣривая народныя массы, дѣлаетъ ихъ своею жертвою, маня человѣка—звѣря посулами особыхъ чисто-еврейскихъ матеріальныхъ благъ, по рецепту „великихъ мужей“ еврейства: Маркса, Энгельса, Бебеля и другихъ. Народы бьются въ сѣтяхъ измышленнаго евреями для христіанъ атеизма, а сами евреи, даже изъ рядовъ „Бунда“, идутъ къ своей миквѣ и творятъ тамъ дѣло *своей* націи и *своей* религіи...

И мы это видимъ... Видимъ мы эти массы и православныхъ христіанъ, ставшихъ евреями—то чрезъ „субботство“, то чрезъ особый „соціалъ-демократическій“ атеизмъ,—и все же спимъ!..

Что-жь, эта спячка развѣ не гипнозъ еврейства, развѣ не плодъ его вѣками утонченной борьбы съ христіанствомъ?!

Время проснуться отъ роковой дремы! Время вспомнить свой забытый священнѣйшій долгъ предъ христіанствомъ—*борьбу съ еврействомъ*, какъ съ самой враждебной христіанству религіей!..

XXIX.

Высочайшее повелѣніе.

Государю Императору, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, состоявшемуся 1 марта сего года, въ Царскомъ Селѣ, благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть, дабы на будущее время доклады Оберъ-Прокурора Его Императорскому Величеству по дѣламъ, касающимся внутренняго строя церковной жизни и существа церковнаго управленія, совершались въ присутствіи Первенствующаго Члена Святѣйшаго Синода, въ цѣляхъ всесторонняго каноническаго ихъ освѣщенія.

— Означенное **Высочайшее повелѣніе**, несомнѣнно, преисполнить радостью сердца подлинныхъ ревнителей Православной Вѣры и Церкви и золотыми буквами войдетъ въ историческія скрижали Православія въ Россіи, какъ его новая и *свѣтлая* эра!..

Уже болѣе десяти лѣтъ Православная Церковь въ Россіи обуревается особенно тяжелыми испытаніями и напастьми: повсюду публично раздирають ея священныя пелены, коими она любовно обвила душу русскаго народа, повсюду метаютъ жребій и объ ея собственной одеждѣ, повсюду влачатъ ее на высоты мірскихъ трибунъ для заушенія, оплеванія и ограбленія ея первородныхъ правъ въ Россіи, повсюду безжалостно и даже съ дикимъ восторгомъ упиваются ея мученіями на приуготовленномъ для нея особомъ Прокрустовомъ ложѣ, постоянно смѣнномъ для усиленія ея терзаній!..

И вотъ, въ эту страшную и роковую для Россіи тьму, — среди которой, подъ звонъ лобзаній новоявленныхъ Іудъ, идетъ преданіе на пропятіе верховенства души и идеаловъ русскаго народа въ Русскомъ Государствѣ, святаго православія, — Самодержавно ворвался лучъ свѣта, тепла и любви, прильнулъ къ страдальческому лику св. Церкви,

прошелъ до его сокровенныхъ глубинъ и, выйдя оттуда, подарилъ его цѣлованіемъ Первороднаго Сына св. Православной Церкви.

Да!.. Это цѣлованіе достойно вознаградило длительныя мученія Церкви въ Россіи, когда она, изнемогая, рвалась къ своему Первородному Сыну чрезъ Петровское средостѣніе, а ей въ послѣднее десятилѣтіе поднесли учетверенное средостѣніе, да еще неизмѣримо худшей стройки, чѣмъ Петровское...

И вотъ, однимъ Державнымъ словомъ Божьяго Помазанника рушилось всякое средостѣніе, и Церковь стала непосредственно предъ **Царево Око**, стала со всѣми дѣлами своего „внутренняго строя“ и „управленія“. Осуществилось въ полной мѣрѣ реченіе „Основныхъ Законовъ“: „Въ управленіи Церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ *посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода*, Ею учрежденнаго“ (ст. 65-я). Доселѣ это „посредство“ осуществлялось также чрезъ особое „посредство“, т.-е. оберъ-прокуратуру, которая выступала въ несвойственной ей роли *представителя Св. Синода*..., отчего часто происходили пагубныя для Церкви послѣдствія... Нынѣ же, съ 1 марта, провозглашенъ принципъ *непосредственнаго* осуществленія Самодержавной Властью своихъ правъ дѣйствовать въ управленіи церковномъ *посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода*. Отнынѣ предъ Царевымъ Окомъ предстаетъ и Св. Синодъ, въ лицѣ своего Первенствующаго Члена, и Вѣдомство Православнаго Исповѣданія, въ лицѣ г. Оберъ-Прокурора. И если смыслъ послѣдняго предстоянія коренится въ необходимости освѣщенія вопросовъ Церкви съ государственной точки зрѣнія—законовъ и интересовъ Государства, то смыслъ перваго предстоянія заключается въ необходимости имѣть „*всестороннее каноническое освѣщеніе*“ тѣхъ же вопросовъ.

Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и заключается вся великая цѣнность Высочайшаго повелѣнія 1 марта. Въ немъ ярко сказался поворотный пунктъ Русской Государственной вѣроисповѣдной системы—это: „**назадъ къ церковнымъ канонамъ**“!.. Не дальнѣйшее мятежное скитаніе Русскаго Государственнаго Корабля по курсу пѣнящихся гребней бурныхъ волнъ разныхъ „свободъ“ и „правъ“, а возвращеніе его въ тихую для него церковную пристань, подъ сѣнь церковныхъ каноновъ, какъ начала, вѣками испытаннаго въ своей творческой для Россіи силѣ, обвѣвающей и спасающей ее съ ея колыбели и донинѣ... Русскій Государственный Законъ, какъ блудный евангельскій сынъ, отнынѣ возвращается въ свою историческую колыбель—церковную, дабы тамъ омыться, очиститься и освятиться „банею водною“, посредствомъ завѣтовъ Христа и Его св. Церкви Православной!.. Не Церковь призвана на путь „стихій міра сего“, а міръ возванъ ко Христу и Его Церкви!... Святая Русь очищается отъ скверны новоязыческой, поглотившей божеское человѣческимъ... Боже, помоги Святой Руси Волею своего Державнаго Вождя и дальше идти по этому пути завѣтныхъ скрижалей священной Русской старины!..

Начало и большое начало уже положено: **принципъ возвѣщенъ!** И не въ области только „внутренняго строя церковной жизни“, но, что особенно важно, и въ сферѣ „**церковнаго управленія**“. По смыслу же нашего законодательства, подъ „управленіемъ церковнымъ“ разумѣтся и *внѣшнее положеніе* Церкви въ Государствѣ (см. „Осн. Зак.“ ст. 62—65; срав. „Уст. дух. дѣлъ иностр. исп.“ — „Введение“ и ст. 252, 253, 256, 269 и мн. др.). Значитъ, положено принципиальное начало къ возвращенію Православной Церкви на путь ея исконныхъ отношеній къ Государству, когда всѣ безъ исключенія ея вопросы и пужды освѣщались и рѣшались *ея* соборнымъ разумомъ

и, затѣмъ, приводились въ дѣйствіе исключительно и непосредственно Волею Ея Первороднаго Сына, Божьяго Помазанника Государя Императора. Въ благодарственно-молитвенномъ смиреніи приѣмля этотъ **даръ** Великаго Самодержца Русской Земли, Церковь не забудетъ въ своихъ молитвахъ и вѣрнаго слугу Царя Оберъ-Прокурора Св. Синода А. Н. Волжина, который, ради блага Церкви, великопостно смирилъ себя и тѣмъ снискалъ себѣ любовь и уваженіе въ искренно радѣющихъ о Церкви сердцахъ.

XXX.

Величайшее бѣдствіе нашей Церкви.

Что въ церковной жизни у насъ много и даже весьма существенныхъ нестроений,—въ этомъ всѣ согласны. Что нестроения въ церковной жизни были и во всѣ вѣка существованія Церкви Христовой на землѣ и часто даже неизмѣримо большія, чѣмъ въ наше время,—этого также оспаривать нельзя. Что Церковь Христова здѣсь, на землѣ, какъ Церковь *воинствующая*, но еще не торжествующая, будетъ и до скончанія вѣка обуреваться нестроениями и напастьми, какъ внѣшними, такъ и внутренними, и отъ этихъ нестроений будетъ терпѣть и часто даже огромный уронъ,—это аксіома евангельски-апостольской вѣсти о Церкви Христовой. Церковь лишь будетъ не одолѣна вратами ада и лишь потому, что не одолѣнъ ими Глава Церкви—Христосъ. Мы же, члены Церкви Христовой, въ борьбѣ съ напастьми будемъ не разъ падать подъ ихъ ударами, падать—одни навсегда, другіе лишь на время, препобѣждаемое ихъ молитвенно-покаяннымъ воплемъ ко Христу...

Борьба съ нестроениями и напастьми въ нашей церковной жизни необходима. Надо всѣ силы напрягать на уменьшеніе жертвъ этой борьбы и на препобѣжденіе этихъ напастей и нестроений. *Но какъ бороться и чѣмъ препобѣждать?*

Вотъ этотъ то роковой вопросъ можно разрѣшить и роковымъ для данной борьбы способомъ! Достаточно только сдѣлать, повидимому, небольшой уклонъ отъ евангельскаго отвѣта на данный вопросъ, достаточно учинить, повидимому, ничтожную перестановку словъ евангельскихъ завѣтовъ—и роковая для нашего спасенія развязка этой борьбы не замедлитъ свершиться.

Вѣдь, для вѣрующаго христіанина всѣ напасти на Церковь Христову исходятъ отъ исконнаго врага человѣка, это—отъ діавола. „Сей же родъ изгоняется только молитвою и постомъ“,—сказалъ Христоръ. Мы же, въ борьбѣ съ церковными нестроеніями и напастями, не только предаемъ забвенію указанное Христоромъ орудіе, но и склонны напоминающихъ намъ о немъ лицъ счесть за „блаженненькихъ“ и, нерѣдко, просто за „чудаковъ“.., съ недостаткомъ „въ головѣ“!.. Мы такъ обмірщились, что духовныя орудія борьбы намъ стали чужды. Мы даже и самое зло, самыя напасти трактуемъ только со стороны ихъ матеріальнаго проявленія, каковыя проявленія считаемъ за самое существо напастей! Отсюда понятно, что и орудія борьбы съ нестроеніями въ нашей церковной жизни мы обматеріализовали до конца. Самая идея Церкви у насъ обмірщилась и срастворилась съ мірскими обществами—просвѣтительными, моральными, профессиональными, клубными и т. п. Посему мы и къ устроенію церковной жизни подходимъ съ мѣриломъ творцовъ правилъ 4 Марта 1906 г. „объ обществахъ и союзахъ“... Посему-то и жизнь церковную мы устраиваемъ на подмосткахъ разныхъ клубовъ и мірскихъ собраній... Посему-то и въ церковные каноны мы играемъ, точно въ биржевыя цѣнности: то повышая, то понижая ихъ на новомъ „каноническомъ“ рынкѣ, то выбрасывая на этотъ рынокъ одни изъ нихъ и пряча другіе, то жонглируя ими, подобно фокуснику... Все мы оравноцѣнили или, точнѣе, все идейно обезцѣнили... Мы

утратили самое обоняніе особаго божественнаго аромата церковныхъ каноновъ и ощущаемъ отъ нихъ лишь или „плѣсень старины“, или созданное нашимъ воображеніемъ верховенство въ нихъ похотей нашего и притомъ индивидуальнаго „я“!.. Самый творецъ церковныхъ каноновъ какъ-бы исчезъ предъ затуманеннымъ похотями нашимъ взоромъ, и мы никого не желаемъ видѣть на этомъ мѣстѣ, кромѣ своего „я“... Это „я“: и творить каноны, и толкуетъ ихъ, тоже, собственно, творя, и исправляетъ, и упраздняетъ... Не оно, вѣдь, стоитъ подъ канонами, а каноны подъ нимъ, какъ подъ своимъ владыкою... И не удивительно, посему, что кардинальные вопросы церковнаго строенія, когда дѣло идетъ уже не только о буквѣ, а и о самомъ духѣ или существѣ церковныхъ каноновъ, гдѣ каноны переходятъ уже за линію догматовъ Церкви, у насъ властно рѣшаются на трибунахъ мірскихъ учрежденій, которые, по самой природѣ своей, ищутъ прежде всего не Царства Божія, и даже исключительно не Царства Божія, а мірской улады, какъ самоцѣнной и самодовлѣющей. Конечно, здѣсь уже менѣе всего возможна рѣчь о молитвѣ и постѣ, какъ двухъ крыльяхъ побѣднаго надъ напастями полета человѣка!.. Здѣсь возможно лишь чисто-житейское щелканіе словами „каноновъ“, такъ именуемыхъ пока для нѣкоего приличія, какъ костяшками счетовъ, или §§-фами Уставовъ клубныхъ и т. п... И въ этомъ паденіи каноновъ, нынѣ нами зримомъ, самое величайшее бѣдствіе Церкви, присущее, пожалуй, только нашей эпохѣ, и одними лицемѣрно, а другими по недомыслию задрапированное тогои, сшитои изъ красивыхъ словъ... *Saveant pastores!*.. Васъ Духъ Святыи поставилъ блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ Себѣ Кровію Своею... Съ васъ Онъ и взыщетъ за Церковь Христову.

Открыта подписка
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ:

„Голосъ Церкви“.

Журналь „ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ“, съ 1916 года вступаетъ въ пятый годъ своего существованія и по-прежнему будетъ имѣть цѣлью освѣщать и разрѣшать въ строго-православномъ церковномъ духѣ всѣ вопросы Вѣры и Церкви, а также и вопросы государственной, общественной, семейной и личной жизни и мысли, въ границахъ соприкосновенія ихъ съ ученіемъ Православной Вѣры и съ жизнью Православной Церкви.

== Посему въ „ПРОГРАММУ“ журнала и впредь войдутъ: ==

Отдѣлъ I: 1) Душеполезное чтеніе, т. е. статьи, дневники, письма, наблюденія и воспоминанія, а также и прочіе труды религиозно-назидательнаго содержанія. 2) Вѣроученіе и правоученіе Православной Церкви, въ научно-популярномъ изложеніи и въ удовлетвореніи запросовъ нашего времени. 3) Церковная проповѣдь на жгучіе вопросы современности. 4) Церковное управление. 5) Вопросы современнаго пастырства и церковный приходъ. 6) Церковная школа. 7) Внѣшняя и заграничная православныя миссіи. 8) **Внутренняя миссія.** 9) **Русское сектантство**, расколъ, социализмъ, современный атеизмъ и спиритуализмъ. 10) Православная церковь за границей. 11) Инославіе и иновѣріе.

Отдѣлъ II: 12) Церковь и Государство. 13) Церковь и Общество. 14) Церковь и семья. 15) Церковь и личная жизнь чловѣка. 16) Церковь и современная пресса. 17) Церковь и современная мысль. 18) Библиографія и критика. 19) Политическое обозрѣніе. 20) Стихотворенія. 21) Почтовый ящикъ: отвѣтъ на запросы читателей по программѣ журнала.

== Въ журналѣ принимаютъ участіе: просвѣщеннѣйшіе іерархи и пастыри Церкви, миссіонеры, мужи богословской и свѣтской науки и литературы, а равно и видные дѣятели на поприщѣ церковной, государственной и общественной жизни. ==

Журнальный итогъ

„ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ“, съ Божьей помощью, закончилъ четвертый годъ своего существованія.

Составъ сотрудниковъ журнала значительно увеличился и вполне гарантирует достиженіе журналомъ своихъ цѣлей.

— Въ „Гол. Церкви“, между прочими, печатались статьи Кіевского Митрополита Владимира, Московскаго Митрополита

Макарія, Архієписк. Автонія Харьковскаго, Архієп. Николая Варшавскаго, Архієп. Арсенія Новгородскаго, Архієп. Алексія Владимірскаго, Архієп. Никона (б. Вологодскаго), Еписк. Θεодора, Ректора Москов. Дух. Академіи, Еписк. Арсенія Серпуховскаго, Еписк. Димитрія Можайскаго, профес. Моск. Д. Акад. архим. Иллариона (Троицкаго), профес. Казан. Д. Акад. Іером. Гурія, проф. Петроград. Дух. Академ. С. М. Зарина, проф. Кіев. Д. Академіи С. Т. Голубева, профес. Нѣжин. Інст. свящ. Н. Боголюбова, проф. И. С. Бердникова, проф. - члена Г. Совѣта Т. И. Буткевича, профес. А. А. Бронзова, проф. И. И. Соколова, проф. свящ. В. Зыкова, проф. П. С. Смирнова, инспект. гимназіи А. Горайна, доктора В. Николаева, свящ. А. Введенскаго, город. головы доктора Е. Я. Дюкова, проф. Кіев. Д. Акад. Н. Фетисова, А. Макаровой-Мирской, П. Б. Мансурова, В. А. Кожевникова, И. Г. Айвазова, М. А. Новоселова, В. П. Быкова, проф.-прот. Г. И. Соловьева, А. Ф. Платоновой, свящ. Н. Ф. Платонова, Попова-Пермскаго, свящ. М. Чельцова, Е. Воронца, Свящ. Н. Колосова, и мн. др. Въ редакціонномъ портфелѣ на 1916 г. имѣется весьма цѣнный матеріаль по жгучимъ вопросамъ Церкви и Государства, принадлежащій перу извѣстныхъ ученыхъ, церковныхъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

КЪ СВѢДѢНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ И СОТРУДНИКОВЪ:

1) Годовая цѣна журнала **ЧЕТЫРЕ** руб., За $\frac{1}{2}$ года **2** руб.; съ дост. и перес. За границу **ПЯТЬ** руб. Деньги адресовать **исключительно:** „Москва, Кремль, Чудовъ монастырь. Въ редакцію „Голоса Церкви“. Подписка принимается и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ, а также и въ „Контрѣтъ Объявленій и Подписки“, Н. Н. Печковской, — Москва, Петровскія Линіи“. За перемѣну адреса подписчики вносятъ **25** коп.

2) Плата за объявленія на послѣднихъ страницахъ: 1 стр. 20 руб., $\frac{1}{2}$ стр. 10 руб., $\frac{1}{4}$ стр. 5 руб., $\frac{1}{8}$ стр. 3 руб. При печатаніи много разъ дѣлается уступка по соглашенію.

3) Вслѣдствіе того, что при Чудовомъ монастырѣ издается еще журналъ „Душеполезное Чтеніе“, подписчики должны **точно указывать**, какой изъ двухъ журналовъ желаютъ получить.

4) **Литературный** матеріаль для „Гол. Церкви“ надлежитъ направлять и за справками обращаться **исключительно** по адресу: Петроградъ, Калашниковская набережная, д. 32, кв. 46. Телеф. 146—71. **Ивану Георгіевичу Айвазову.** Статьи для журнала надо писать четко и на одной сторонѣ листа. Для полученія статей обратно авторы должны присылать стоимость почтовой пересылки. По истеченіи двухъ мѣсяцевъ, негодныхъ къ печатанію статьи и незатребованныя авторами уничтожаются.

Редакторы „Голоса Церкви“: Намѣстникъ Чудова монастыря **Епископъ Серпуховскій Арсеній** и п. д. доцента Петроград. Духовн. Академіи Петроградскій епарх. миссіонеръ **Иванъ Айвазовъ.**